

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ И ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИЙ
при участии юридического факультета
Кубанского государственного университета**

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ
СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Материалы VII Международной научно-практической конференции
20 апреля 2018 г.

Краснодар, 2018

УДК 343.4 (063)

ББК 67.99 (2) 8

У 26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Жинкин С. А., доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Россия);

Прохорова М. Л., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Кубанского социально-экономического института (Россия);

Прохоров Л. А., заслуженный работник высшей школы РФ, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Кубани, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета (Россия);

Флудас Д. А., доктор юридических наук, доцент колледжа Хьюз Холл Кембриджского университета (Греция);

Лебедева А. Д., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Кубанского социально-экономического института (Россия);

Пилюгина Т. В., кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного права и правоохранительной деятельности Кубанского социально-экономического института (Россия);

Петров Д. В., начальник научно-издательского центра Кубанского социально-экономического института (Россия).

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VII Международной научно-практической конференции, 20 апреля 2018 г. / отв. редактор М. Л. Прохорова. Краснодар: КСЭИ, 2018. – 222 с.

УДК 343.4 (063)

ББК 67.99 (2) 8

У 26

ISBN 978-5-91276-191-1

© Издательство Кубанского социально-экономического института, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I раздел

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

В.С. Иншаков, А.В. Цвилий ПОДХОДЫ К КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ, В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	6
В.П. Легостаев, Я.В. Бацун, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ.....	11
Т.В. Пилюгина, Ш.М. Муродов ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НАРКОКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ.....	16
Л.А. Прохоров, Н.Н. Мельниченко К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ КАК ОСНОВАНИИ ИХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ.....	22
М.Л. Прохорова, В.С. Иншаков РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	28

II раздел

«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества, государства»

И.В. Ананенко АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА АМНИСТИИ.....	35
В.Н. Горохов ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ЕАЭС.....	40
В.А. Джемелинский АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ.....	49
Т.В. Мартынова ДОЛЖНОСТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ.....	57
Л.П. Сидоренко, М.А. Оганисян ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОТБЫВШИМ НАКАЗАНИЕ.....	61
А.А. Сидоров СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ: ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....	66

В. В. Шипицина, А.Д. Сукиасян ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	70
В.В. Шипицина, В.Э. Шипицин СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ — КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	77

III раздел
«Совершенствование уголовной политики
в сфере обеспечения иных социально-значимых интересов»

Д. А. Дадашева УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ.....	83
Н. Елисеева ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИИ В XX – XXI ВВ.....	87
Т.Ю. Жинкина О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ).....	94
Г.В. Кашоида УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ПРИЗНАКАМИ ОТСТАВАНИЯ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ, НЕ СВЯЗАННОГО С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ.....	98
Г.В. Кашоида, А.В. Цвилий ИНСТИТУТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ.....	103
Н.К. Кустова ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА.....	110
С.А. Лобов К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МЕР ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА.....	117
А.В. Плохая КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ, СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ....	121
А.В. Плохая, А.В. Цвилий СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ.....	126
Е.Н. Рыбалкина ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА.....	131
В.В. Фирсов, Д.В. Соболев ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ.....	135

В.О. Шувалова АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ РФ.....	142
---	-----

IV раздел

«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

Л.И. Бабкова, Н.Р. Краснощекова ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОМПЕНСАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ.....	146
Г.И. Гапонова О ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ ЮРИСТОВ.....	152
А.Г. Григорьева, А.И. Халепа ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	156
Д. А. Дадашева, А.А. Кумук БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА.....	165
А.В. Дергилёв ЗА КОГО ГОЛОСОВАТЬ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2018 ГОДА?.....	170
Н.Г. Каратунова НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ.....	175
Н.Г. Каратунова, Т.А. Никитина ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ВОДООХРАННЫХ ЗОНАХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ЕЙСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.....	185
М.В. Кулиш, Л.Ю. Сопина КОРРУПЦИЯ КАК ПРИЗНАК СИСТЕМНОЙ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ.....	192
А.А. Кумук, Л.Ю. Сопина РОЛЬ И КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ.....	195
И.А. Сушкова, Х.С. Нозимов ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНФИСКАЦИИ В ЧАСТНОМ И ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ.....	199
Л.А. Тараканова, Н. М. Гусейнова ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО И ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ.....	203
Л.А. Тараканова, В.О. Провада ДОГОВОР ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ.....	207
Л.А. Тараканова, Д. Цишковский ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ И БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	211
Н.Ю. Шендрик ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА, КАК ВИДА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ.....	215
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	219

I раздел
«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики
в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

В.С. ИНШАКОВ,

*магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

А.В. ЦВИЛИЙ,

*преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

V.S. INSHAKOV,

*graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)*

A.V. TSVILI,

*the teacher of the chair of criminal and criminally-executive law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

**ПОДХОДЫ К КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ,
В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

**APPROACHES TO THE CRIMINALIZATION OF ACTS RELATED
TO ILLICIT TRAFFICKING IN DRUGS, IN INTERNATIONAL
CRIMINAL LAW**

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, представленные в международных конвенциях 1961, 1971 и 1988 гг., посвященных борьбе с наркотизмом. Автором сделан вывод о соответствии отечественного уголовного законодательства международно-правовым установлениям.

Annotation. The article considers approaches to the criminalization of acts related to illicit drug trafficking, presented in the international conventions of 1961, 1971 and 1988, devoted to the fight against narcotics. The author made a conclusion about the compliance of domestic criminal legislation with international legal regulations.

Ключевые слова: преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков; криминализация; международно-правовые установления; уголовно-правовая политика противодействия наркотизму; пенализация.

Key words: crimes related to illicit drug trafficking; criminalization; international legal regulations; criminally-legal policy of counteraction to narcotics; penalization.

Широкая распространенность в российском обществе негативного социального явления наркотизма, увеличение масштабов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и иных психоактивных веществ, выраженная связь наркотической и иных видов преступности, совершение на почве наркомании обществен-

но опасных деяний требуют от общества и государства адекватной сложившейся ситуации реакции. Ответом на соответствующие вызовы должно выступать формирование взвешенной государственной политики противодействия наркотизму. Ее частью является уголовно-правовая политика в соответствующей сфере. В свою очередь важный компонент последней – криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Решение отечественного законодателя о необходимости придания статуса преступных ряду таких посягательств не вызывает сомнений. Вместе с тем криминализация определенных деяний должна опираться на определенное основание и отвечать ряду принципов, разработанных в уголовно-правовой доктрине.

В специальной литературе криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, понимается как составляющая уголовно-правовой политики противодействия наркотизму, представляющая собой направление законодательной деятельности государства по отнесению тех или иных деяний названного вида к категории преступных посягательств на основе анализа характера и степени их общественной опасности и сопоставительной оценки уровня их негативного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения в сфере обеспечения безопасности здоровья населения [1].

Система принципов криминализации общественно опасных деяний, в том числе связанных с незаконным оборотом наркотиков, среди прочих установлений включает международно-правовую необходимость и допустимость таковой [2]. Соответственно, решая вопрос о придании тому или иному деянию статуса преступления, законодатель должен ориентироваться на имеющиеся международно-правовые установления в сфере борьбы с тем или иным видом преступности. В первую очередь это касается посягательств, носящих международно-правовой характер, к которым относятся и деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

В настоящее время действует три международных конвенции, определяющие ориентиры для национальных законодателей в деятельности по криминализации названных деяний. Это Единая конвенция о наркотических средствах 1961 г. [3], Конвенция о психотропных веществах 1971 г. [4] и Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [5].

Устанавливая границы криминализации, международные Конвенции определяют круг деяний, связанных с незаконным оборотом наркотиков, которые при преднамеренном их совершении должны признаваться в национальном законодательстве государства-участников уголовными преступлениями.

Если обратиться к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., то в ней вопрос отнесения деяний к числу серьезных преступлений решался в ст. 36 «Постановления о наказаниях». Таковыми признаны умышленно совершенные в нарушение постановлений Конвенции культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств.

Преступными признаны также умышленное соучастие в каком-либо из названных посягательств, участие в сообществе с целью их совершения и покушения на совершение какого-либо из них, а равно подготовительные действия и финансовые операции в связи с такими деяниями.

Вместе с тем Конвенцией определено, что преступлением на национальном уровне может признаваться и всякое другое действие, которое, по мнению государства-участника, может являться нарушением постановлений Конвенции.

Что касается вопросов пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то Конвенцией определено, что их совершение должно влечь соответствующее наказание, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы. Однако в отношении лиц, злоупотребляющих наркотиками, сделана определенная оговорка. В отношении них государства-участники могут предусмотреть либо в качестве замены осуждения или наказания, либо в дополнение к наказанию меры, направленные на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество.

В Конвенции о психотропных веществах 1971 г. интересующие нас положения содержатся в ст. 22. Последняя определяет, что каждая Сторона рассматривает как наказуемое правонарушение, в тех случаях, когда оно совершено умышленно, любое деяние, противоречащее какому-либо закону или постановлению, принятому во исполнение ее обязательств по Конвенции, и обеспечивает, чтобы серьезные правонарушения подлежали соответствующему наказанию, в частности, тюремному заключению или наказанию иным способом лишения свободы.

Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., обобщив соответствующие положения Конвенций 1961 г. и 1971 г., в статье 3 «Правонарушения и санкции» представляет круг деяний, подлежащих криминализации.

В специальной литературе предложено разделить их на три группы: а) правонарушения, непосредственно связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ; б) правонарушения, направленные на легализацию и сокрытие доходов, незаконно полученных в результате незаконного оборота названных средств и веществ; в) правонарушения, связанные с нелегальным оборотом указанных препаратов, которые могут быть признаны уголовными преступлениями, если это обусловлено конституционными положениями и основными принципами правовой системы государства-участника [6].

К первой, особо интересующей нас группе преступлений, Конвенция относит: 1) производство, изготовление, экстрагирование, приготовление, предложение, предложение с целью продажи, распространение, продажу, поставку на любых условиях, посредничество, переправку, транзитную переправку, транспортировку, импорт или экспорт любого наркотического средства или любого психотропного вещества; 2) культивирование опийного мака, кокаинового куста или растения каннабиса в целях производства наркотических средств; 3) хранение или покупку любого наркотического средства или психотропного вещества для целей любого из видов деятельности, перечисленных выше; 4) изготовление, транспортировку или распространение оборудования, материалов или веществ, предназначенных для использования в целях незаконного культивирования, производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ; 5) организацию, руководство или финансирование любых правонарушений, перечисленных выше.

Таким образом, как следует из установлений международно-правового акта, обязательной криминализации подлежат действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, имеющие своей целью их производство и распространение. Что касается деяний (приобретение, хранение, изготовление, перевозка и др.), совершаемых в целях личного потребления, то жесткого требования их криминализации названные Конвенции не содержат.

По сравнению с предыдущими Конвенция 1988 г. в ст. 3 указала на несколько принципиально новых составов преступлений. Это: изготовление, транспортировка или распространение оборудования, материалов или веществ, указанных в приложениях к дан-

ной Конвенции, если известно, что они предназначены для использования в целях незаконного культивирования, производства, изготовления наркотических средств или психотропных веществ; организация, руководство или финансирование наркопреступлений; конверсия или перевод собственности, если известно, что такая собственность получена в результате любого правонарушения, признаваемого таковым в соответствии с данной Конвенцией, или в результате участия в таком правонарушении, в целях сокрытия или утаивания незаконного источника собственности или в целях оказания помощи любому лицу, участвующему в совершении такого правонарушения, с тем чтобы он мог уклониться от ответственности за свои действия; сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении собственности или ее принадлежности, если известно, что такая собственность получена в результате наркопреступления или в результате участия в нем.

Каждая Сторона, подписавшая Конвенцию 1988 г., обязана принять такие меры, которые потребуются для признания уголовными преступлениями согласно своему внутреннему законодательству вышеперечисленные преднамеренные действия.

На усмотрение Сторон осталось признание уголовно наказуемыми деяний, совершаемых преднамеренно, связанных с хранением, приобретением или культивированием любого наркотического средства или психотропного вещества для личного потребления, в нарушение установлений Конвенций.

Важной новеллой Конвенции 1988 г. явилось определение обстоятельств, отягчающих наркопреступления. Она обязала государства-участников обеспечить принятие во внимание национальными судами таких фактических обстоятельств, как:

- участие в правонарушениях организованной преступной группой, в состав которой входит правонарушитель;
- участие правонарушителя в других видах международной организованной преступной деятельности;
- участие правонарушителя в других незаконных видах деятельности, которые содействовали совершению данного правонарушения;
- применение правонарушителем насилия или оружия;
- то, что правонарушитель является должностным лицом и данное правонарушение связано с его должностью;
- вовлечение или использование несовершеннолетних;
- совершение правонарушения в исправительном учреждении или в учебном заведении, или общественном учреждении, или в непосредственной близости от них, или в других местах, которые используются школьниками и студентами для проведения учебных, спортивных и общественных мероприятий;
- предыдущее осуждение, особенно за аналогичные правонарушения.

Таким образом, действующими международными конвенциями, направленными на борьбу с наркотизмом, четко определены рамки криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, на которые должны ориентироваться национальные законодатели. Следует отметить, что российское уголовное законодательство практически полностью соответствует установлениям международного уголовного права в названной части.

Литература:

1. Зуй И.И. Криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009. С. 12–13.

2. См.: Зуй И.И. Указ. соч. С. 13; Курс российского уголовного права: Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С.22. Основания уголовно-правового

запрета: криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М., 1982. С. 210–240.

3. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, подписанных СССР и иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970.

4. Сборник международных договоров СССР. Вып. XXXIV. М., 1981.

5. Материалы Конференции ООН для принятия Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Вена, 1988.

6. См.: Зуй И.И. Криминализация деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 98–100. См. также: Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Незаконный оборот наркотиков в структуре организованной преступности: состояние, тенденции, перспективы // Право и политика. 2001. № 6. С. 83–87.

В.П. ЛЕГОСТАЕВ,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

Я.В. БАЦУН,
студентка 4 курса юридического факультета,
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

V.P. LEGOSTAYEV,
Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Executive Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

IA.V. BATSON,
a fourth-year student of the Faculty of Law,
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

**PROBLEMS OF PREVENTION OF DRUG ABUSE AND DRUG ADDICTION:
SOLUTIONS**

Аннотация. В настоящей статье поднята достаточно актуальная общегосударственная проблема современного мира – это наркомания и наркотизм. Представлены возможные пути решения проблемы квалификации, возникающих при расследовании и судебном разбирательстве преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ.

Ключевые слова: наркотики, наркомания, наркотизм, уголовный закон, профилактика наркотизма, квалификация преступлений.

Annotation. This article raised quite relevant national problem of the modern world is drug abuse and drug addiction. The definitions of the following concepts: drugs, drug abuse, drug addiction. Presents a number of possible solutions to the above phenomena.

Key words: drugs, addiction, drug addiction.

Следует еще раз отметить, что наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры сегодня являются сильнейшими ядами изобретенными человечеством, которые в целом, пагубно влияют на социальное развитие личности и угрожающие жизни и здоровью человека.

В последние десятилетия с либерализацией российского законодательства, в средствах массовой информации вызывает особую озабоченность рост количества наркоманов и преступлений, совершаемых на почве потребления и незаконного оборота наркотических средств и психотропных аппаратов. На сегодняшний день в стране официально зарегистрировано более 3 миллионов лиц, являющихся потенциальными наркоманами. За последнее десятилетие смертность из-за употребления наркотиков увеличилась в 10 раз. В порочный круг наркотизации каждым наркоманом втягивается 10–17 человек [1]. В 2016 году было осуждено 106762 человека за преступления связанные с незаконным обо-

ротом наркотиков. Это второй показатель в структуре преступности в России, после осужденных за кражи [2]. Эти факты заставляют задуматься о причинах, по которым люди начинают принимать эти вещества, потому что наркомания явление социальное и поэтому бороться с ней только уголовно-правовыми методами не принесет результативности.

Наркотики – это сильнодействующие вещества, которые парализуют деятельность центральной нервной системы и вызывающее либо повышенное возбуждение, либо сон, галлюцинации, нечувствительность к боли. Иными словами, это вещества, вызывающие в малых дозах эйфорию, в больших – наркотический сон (используется в медицине, как болеутоляющее и снотворное средство).

Сегодня существует широкий спектр веществ, которые являются наркотическими. Они бывают как растительного происхождения (опий, марихуана и т.п.), так и синтетические (первитин, экстази, амфетамины и т.д.). Но главное, по нашему мнению, здесь не то, какое вещество человек выбирает, чтобы «забыться», а то, почему он его принимает. В связи с чем, длительный прием наркотических веществ ведет к полной деградации личности, утрате всех интересов (кроме интереса к наркотику), эмоциональному и интеллектуальному оскудению.

В профилактике наркомании и наркотизма нет плохих или хороших средств, есть эффективное и неэффективное, все законные средства хороши, если они предотвращают наркоманию и наркотизм. В специальной литературе разработаны основные направления социальной работы государства в области профилактики наркомании и наркотизма, к таковым относятся:

1. Активная пропаганда здорового образа жизни.
 2. Проведение широкой информационно-просветительной работы для всех возрастных категорий по предотвращению наркомании как болезни, имеющей физические, психологические и социальные причины.
 3. Установление первичного контакта с подростком и его семьей, его окружение, в образовательных и общественных учреждениях, по «телефону доверия», предоставление ребенку необходимой информации о болезни, способах борьбы с ней, формирование установки на своевременное лечение.
 4. Осуществление бесплатной государственной социально-психологической помощи членами семьи и близкими человека-наркомана.
 5. Содействие восстановлению социального функционирования путем сотрудничества с существующими государственными, общественными и частными организациями.
- Например, реально помочь «бывшему наркоману» социально адаптироваться в обществе, дабы он не считал себя неполноценным членом общества, имел свое занятое время – путем содействия устройства на работу.
6. Должна быть реальная финансовая федеральная поддержка учреждений (фондов), которые оказывают профилактику по борьбе с наркоманией и наркотизмом. Ведь, чаще всего, экономика таких учреждений строиться на добровольных и спонсорских началах частных лиц.
 7. Проводить всевозможные мониторинги о проделанной работе общественных организаций и фондов, оказывающих профилактику явлениям, о которых мы говорили выше и делать определенные акценты на существующие проблемы [3].

Однако, профилактические меры, какие бы они не преследовали благородные цели, будут полумерами, если к противодействию наркотизму как социальному и криминальному явлению подходить однобоко. Так, по данным службы по борьбе с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ в России противоправная реализация этих запрещенных веществ достигает порядка 1,5 триллиона рублей в год [4].

Учитывая вышеприведенные исследования, на сегодняшний день назрело ряд вопросов, подлежащие рассмотрению и относящиеся к квалификации преступных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических, психотропных веществ и их прекурсоров.

Прежде всего, принципиальное значение для уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, заключается в следующем. Так, в соответствии со ст. 40 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» в Российской Федерации запрещается потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. За незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ в соответствии со ст. 6.8 КОАП предусмотрена административная ответственность. Уголовная ответственность по ч. 1 ст. 228 наступает, если незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном, крупном и особо крупном размере.

Согласно Постановлению Правительства РФ №1002 от 1 октября 2012 г. «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ», например, в списке наиболее распространенных наркотических веществ значительным размером гашиша будет 2 грамма, героина – 0,5 гр. Если речь идет о хранении наркотических и психотропных веществ в крупном и особо крупном размере, то вопросов квалификации деяния по ст. 228 УК РФ, как правило, не возникает. Однако, в данном случае непонятно как будет решаться вопрос о привлечении к уголовной или административной ответственности, если в разных местах у наркозависимого будет обнаружено, например гашиша или героина более указанных значений предусмотренных значительным размером, который объясняет, что разделил порции на два приема.

Другой немаловажной проблемой отличия потребления наркотических и психотропных веществ от их хранения без цели сбыта и определение значительного, крупного или особо крупного размера является само качество этих веществ и психотропных препаратов. В том же, приведенном в качестве примера гашише или героине могут содержаться разные по своему составу и качеству наркосодержащие вещества. Выращенный, например в российских или афганских природных условиях гашиш или героин будет в корне отличаться друг от друга. На каких в таком случае основаниях незначительный размер будет отличаться от крупного. На этот счет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 года №14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в п.4 разъясняет судам, что необходимо учитывать значительный, крупный или особо крупный размер наркосодержащего вещества при наличии в нем различных примесей в виде растворов или каких либо наполнителей [5].

Полагаем, что в данном случае судам следует исходить из возможности использования указанной смеси для немедицинского потребления следующим образом. В 4 пункте Постановления Верховного Суда РФ не предусмотрено конкретные рекомендации по применению данной нормы, поэтому представляется, что этот вопрос должен решаться судом

в каждом конкретном случае исходя из их количества, свойств, степени воздействия на организм человека, других обстоятельств дела.

Кроме того, часть 1 ст. 228 законодатель отнес к преступлениям небольшой тяжести, в которой предполагается, что личное потребление наркотических и психотропных веществ не должно быть связано с крупными размерами, поэтому при оценке органами расследования и судами значительного размера следует учитывать также качественную характеристику этих препаратов и веществ.

Не меньше вопросов остается к квалификации статьи 228¹ УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное производство, сбыт или пересылку наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества. Настораживает п. «б» ч. 3 данной статьи, которая предусматривает такие квалифицирующие признаки как «значительный размер». Мы уже приводили пример гашиша и героина, где значительный размер начинается от 2 граммов и 0,5 граммов соответственно. Соответственно сам собой напрашивается вопрос, что по ч. 1 ст. 228¹ можно привлекать к уголовной ответственности и за более мизерные размеры? В п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 года №14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» судам разъясняется: Ответственность лица за сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, по части 1 статьи 228.1 УК РФ наступает независимо от их размера [6].

Получается что можно, так как в соответствии с п.13 привлекать даже за самые мизерные, порой еле различимые глазу микрочастицы наркотических и психотропных веществ, если удастся еще доказать что в данном случае имеет место сбыт или перевозка.

Еще более абсурдно выглядит часть 1 ст. 228¹ УК РФ относительно незаконного производства наркотических или психотропных веществ. Так согласно разъяснению комментируемого Пленума Верховного Суда «Под незаконным производством наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (статья 228.1 УК РФ) следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ (например, с использованием специального химического или иного оборудования, производство наркотических средств или психотропных веществ в приспособленном для этих целей помещении, изготовление наркотика партиями, в расфасованном виде). Данное разъяснение может быть применительно на практике и содержать только особо квалифицирующие признаки, указывающие на незаконное производство в особо крупном размере. Все остальные признаки состава данного преступления выглядят просто нерабочими, и применяться относительно незаконного производства не могут.

Полагаем, что ст. 228¹ УК РФ подлежит пересмотру, изложения в новой редакции и без упоминания части 1. Возникают вопросы и к редакции ст. 229 УК РФ [7].

Аналогично обстоят дела и с вновь введенными в УК РФ от 01.03. 2012 года (№18-ФЗ) статьями 228.3 и 228.4, которые предусматривают уголовную ответственность за незаконный оборот прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. Представляется, что при определении общественной опасности данных составов, законодатель не предусмотрел общественно опасные последствия деяний, связанных с незаконным оборотом прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ. Согласно ст. 1 ФЗ «О

наркотических средствах и психотропных веществах» прекурсорами являются химические вещества, часто используемые при производстве, изготовлении переработке наркотических средств и психотропных веществ. К ним могут относиться потребляемые в быту марганец, ацетон – 60%, серная кислота – 45%, соляная кислота – 15%, уксусная кислота – 80% и более и другие компоненты, используемые в приготовлении наркотических или психотропных веществ.

Возникает в связи с чем вопрос: а какое количество необходимо использовать прекурсоров, для того что бы изготовить тот или иной наркотик и достаточно ли для этого крупного или особо крупного размера, утвержденного Постановлением Правительства РФ № 1020 от 08.10.2012 г.?

На этот вопрос пока ответа нет, поэтому несмотря на то обстоятельство, что состав по юридической конструкции является материальным, то, есть все действия связанные с незаконным оборотом прекурсоров должны иметь общественно-опасные последствия, они могут не наступить, поскольку нет никаких гарантий, что крупный или особо крупный размер прекурсоров реально станут составляющими частями наркотических и психотропных веществ.

Отдельно, следует заметить стоит вопрос о доказательственной базе, связанной с использованием прекурсоров в изготовлении наркотических и психотропных веществ. Статистика о привлекаемых по ст. 228.3 и 228.4 на сегодняшний день, к сожалению, отсутствует, что предполагаем, вызвано не только затруднениями при правильной квалификации данных составов преступлений, но также нежизнеспособностью данной уголовно-правовой нормы.

Литература:

1. Сайт [http:// www. prozavisimost.ru/narkomaniya](http://www.prozavisimost.ru/narkomaniya).
2. Сайт [http:// www. m. Pravoved/ yandex.ru/ images](http://www.m.Pravoved/yandex.ru/images).
3. Личко А., Битенский В. Учебник по наркомании для подростков. – М., 2002. С. 90.
4. Сайт [http:// www. vestifinance.ru/ articles/ 68293](http://www.vestifinance.ru/articles/68293). См. также: Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Незаконный оборот наркотиков в структуре организованной преступности: состояние, тенденции, перспективы // Право и политика. 2001. № 6. С. 83–87.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 года №14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».
6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 года №14 (ред. от 30.06.2015) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».
7. См.: Прохорова М.Л. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за хищение и вымогательство наркотических средств и психотропных веществ // Следователь. 2001. № 2. С. 10–13.

Т.В. ПИЛЮГИНА

*доцент кафедры административного права
и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

Ш.М.МУРОДОВ,

*студент 4 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Таджикистан)*

T.V. PILYUGINA,

*associate professor of the department of administrative law
and law enforcement
Kuban Social and Economic Institute
candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

SH.M. MURODOV,

*Fourth year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Tajikistan)*

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
НАРКОКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ**

**PROBLEMS OF NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA:
NARCOCRIMINALITY SOCIETY AND TENDENCIES OF DEVELOPMENT
OF TRANSNATIONAL ORGANIZED DRUG CRIME**

Аннотация. В статье раскрыты основные аспекты системы контроля над наркотиками, а соответственно связанной с ней наркопреступностью и наркобизнесом. Рассмотрены результаты заключительного документа тридцатой специальной сессии Международного комитета по контролю над наркотиками. Дана характеристика тенденций, непосредственно связанных с наркопреступностью в России в контексте с мировой наркоситуацией. Исследованы геополитическое положение и параметры внутреннего рынка сбыта наркотиков России в сфере криминальных интересов транснациональной наркопреступности. Проанализирована современная правовая статистика наркокриминализации в России.

Ключевые слова: наркомания, наркозависимость, наркобизнес, наркопреступность, антинаркотическая политика, система наркоконтроля.

Annotation. The article reveals the main aspects of the drug control system and the related drug crime and drug trafficking. The results of the final document of the thirtieth special session of the international narcotics control Board were considered. The author characterizes trends directly related to drug crime in Russia in the context of the global drug situation. The geopolitical position and parameters of the domestic drug market in Russia in the sphere of criminal interests of transnational drug crime are investigated. Analyzes the current legal statistics narcocriminality in Russia.

Key words: drug addiction, drug dependence, drug trafficking, drug crime, anti-drug policy, drug control system

Сегодня процессы мировой интеграции не только открыли перед человечеством небывалые возможности, но и сопровождаются тем, что целый ряд общественно опасных явлений, в т. ч. наркомания и наркобизнес, по меткому выражению К. Н. Гриненко, стали «проблемой без границ» [1], что вместе с тем подрывают не только политическую, культурную, социальную и экономическую сферы российского государства, но и создают серьезную опасность для демократии, стабильности наций, сохранения достоинства общества. И как следствие мировое сообщество всесторонне анализирует те сложности, которые возникают в решении мировой проблемы наркотиков.

В рамках исследования этой проблемы автор постарается рассмотреть основные аспекты системы контроля над наркотиками, а соответственно связанной с ней наркопреступностью и наркобизнесом. Именно результаты этой непростой проблемы нашли отражение в заключительном документе тридцатой специальной сессии, озаглавленном «Наша общая приверженность эффективному решению мировой проблемы наркотиков и борьбе с ней» [2], где отмечено что государства-члены Международного комитета по контролю над наркотиками подчеркнули роль трех договоров о международном контроле над наркотиками как основы международного сотрудничества в обеспечении доступности наркотических средств и психотропных веществ для медицинских и научных целей, предупреждении незаконного выращивания наркотикосодержащих культур и производства запрещенных наркотиков и решении проблемы незаконного оборота наркотиков и злоупотребления ими.

Вместе с тем принятые Международным комитетом по контролю над наркотиками три основных договора — Политическая декларация о совместной борьбе с мировой проблемой наркотиков, принятой на двадцатой специальной сессии Генеральной Ассамблеи, а также Политическая декларация и План действий по налаживанию международного сотрудничества в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркотиков определили основные направления, связанные с системой контроля над наркотиками. Это прежде всего, регулирование всей законной торговли наркотических средств и их психотропных веществ и прекурсоров, использование их незаконного изготовления, а также предотвращения при этом их утечки в незаконные каналы. Во-вторых, не менее важным становится вопрос обеспечения адекватного доступа к медицинским препаратам, содержащим контролируемые вещества, для законного применения в медицинских целях нуждающимися в них лицами. По нашему мнению в этом случае необходимо создание центров реабилитации, включая в себя лечение, уход и социальную реинтеграцию. Такой способ станет одним из эффективных в борьбе с наркозависимостью, и в какой-то мере борьбой с наркопреступностью, опирающейся на верховенство права и процессуальные гарантии, а это позволит снизить уровень преступности путем применения институциональных мер к лицам, употребляющим наркотики, и совершающие противоправные деяния. Как следствие содействие оказанию взаимной правовой помощи в борьбе с отмыванием денег. Иными словами, необходимо учитывать три фундаментальных принципа — сбалансированность, соразмерность и уважение прав человека, принципы исходного отправного начала, указывающего на объективную реальность, тенденциям общества.

Несомненно, согласимся с мнением Председателя Международного комитета по контролю над наркотиками В. Зиппа, роль комитета согласно принятым международным договорам, состоит в контроле за тем, чтобы осуществление международных конвенций на национальном уровне не выходило за допустимые рамки [3]. При этом Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН) призывает все заинтересованные стороны подходить к теме контроля над наркотиками с позиций науки и фактов.

Современные факты плачевны. По данным, приведенным данным, Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) во Всемирном докладе о наркотиках за 2015 год, в 2013 году запрещенные наркотики принимали в общей сложности 246 миллионов человек. По сравнению с предыдущим (2012-м) годом эта цифра выросла на три миллиона [4]. В 2014 году рост числа наркопотребителей не прекратился. Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2016 год [5], в 2014 году их число увеличилось на 1 миллион и составило 247 миллионов. В 2014 году хотя бы какой-нибудь наркотик принимал каждый двадцатый взрослый — в совокупности четверть миллиарда человек в возрасте от 15 до 64 лет, что почти эквивалентно численности населения Германии, Италии, Соединенного Королевства и Франции, вместе взятых.

Немедицинское потребление наркотиков по-прежнему оказывает разрушительное воздействие на здоровье людей: более 29 миллионов человек, употребляющих наркотики, страдают в результате этого различными расстройствами; в это число входят 12 миллионов человек, употребляющих наркотики путем инъекций, из которых 14 процентов живут с ВИЧ. Лишь каждый шестой человек, страдающий расстройством на почве наркопотребления, получает необходимую медицинскую помощь. В 2014 году от наркотиков, по оценкам УНП ООН, погибли 207400 человек; уровень смертности от наркотиков составил 43,5 смерти на миллион человек в возрасте 15–60 лет. Приблизительно от одной трети до половины всех смертей, связанных с наркотиками, вызваны передозировкой и в большинстве случаев являются следствием приема опиоидов [6]. Этот показатель остается недопустимо высоким. Как и во всем мире, недопустимо высоким становится и объем незаконного оборота наркотиков в России.

Время показало, что проблема распространения наркотиков на территории нашего государства и их транзит приобрела глобальные масштабы. На заседаниях Совета Безопасности ООН вопросы борьбы с распространением наркотиков обсуждаются наравне с проблемами борьбы с международным терроризмом и оружием массового уничтожения. В связи с чем процесс системного формирования антинаркотического законодательства обуславливает признание выделения самостоятельного направления правовой политики Российской Федерации, получившего наименование государственной [7].

Здесь следует сделать оговорку. Правовая статистика сегодняшнего дня показывает, что на протяжении длительного периода уровень наркокриминализации в России остается высоким и не демонстрирует тенденцию снижения. По сравнению с 10-летием назад современный наркобизнес увеличился почти в 200 раз [8]. Несмотря на то, что криминогенный уровень наркотизма реально выше статистической информации, поскольку в ней не нашли отражения некоторые виды наркопреступлений. В основном фиксируются статистические данные только по незаконным приобретению, хранению, перевозке, изготовлению, переработке, сбыту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [9], хотя значительная часть совершаемых наркопреступлений это тяжкие и особо тяжкие.

Итак, согласно аналитической информации, представленной на Портале правовой статистики, в России количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и количество выявленных лиц, совершивших данные преступления, составило соответственно: в 2009 году – 238 523 и 116 295, в 2010 году – 222 564 и 112 109, в 2011 году – 215 214 и 109 152, в 2012 году – 218 974 и 115 214, в 2013 году – 231 462 и 117 912, в 2014 году – 253 517 и 112 808, в 2015 году – 234 788 и 120 223, в 2016 году – 199 228 и 106 881 [10].

Не умаляя значения отмеченных достижений правоохранительных органов, отметим, одним из факторов, обуславливающих такую ситуацию, является географическое расположение России: она находится на пути переброски наркотиков на территорию госу-

дарств – членов Евросоюза. В этой связи часть наркотиков оседает по пути следования, т. е. на территории нашего государства. Население субъектов Российской Федерации, граничащих с такими республиками, как Казахстан, Таджикистан, невольно становится «первой» жертвой наркотрафика, поскольку именно здесь начинается путь наркотиков вглубь страны и далее в Европу. В этом случае для пресечения наркотрафика в Российской Федерации требуется согласованный межгосударственный подход к обеспечению надежного заслона и пересечению границ государств, поскольку распространение наркотизма следует ассоциировать в основном с деятельностью криминальных структур международного масштаба.

Такие означенные взаимоотношения криминала и наркобизнеса в условиях глобализации теневой экономики и доминирования в наркобизнесе организованных форм преступной деятельности определили формирование феномена транснациональной организованной наркопреступности, имеющей при слиянии экономики и криминала международного наркопредпринимательства. Среди теневой экономики такое криминальное предпринимательство занимает ведущее место по стоимости финансовых операции и приносит баснословные дивиденды. По данным ООН криминальный оборот наркоиндустрии оценивается в сотни миллиардов долларов. Объем мировой криминальной наркоторговли в денежном эквиваленте превышает совокупный общий объем торговли табаком, вином, пивом, кофе и чаем [11], а в некоторых странах и в регионах объем нелегальной торговли наркотиками намного превышает объем легальной экономики [12]. Иными словами, в силу своей прибыльности криминальный наркобизнес на протяжении многих десятилетий остается в центре внимания транснациональной преступности. Здесь сделаем оговорку. Сегодня криминологические преобразования наркопреступности обуславливаются профессионализацией и позволяют выделить формирование преступных профессиональных коллективов и групп, занимающихся незаконным наркооборотом, что представляет особую опасность обществу.

Рассматривая тенденции, непосредственно связанные с наркопреступностью, следует отметить и ее организованность. Согласимся с мнением В.В.Лунева, определившего организованную преступность как параллельно существующую организацию, повторяющая общественную систему, в которой она существует, приспосабливается к этой системе, заполняет те ниши, которые не заполнены государством правовыми решениями.[13] Вместе с тем отметим, что существуют две категории организованности – «организованная преступность» как вид преступности и «организованность преступности» как свойство этого явления социальной действительности. Последнее понятие более шире и включает в себя организованную преступность, вместе с проявлением групповой, террористической, коррупционной преступности [14].

Современная практика противодействия наркоугрозе однозначно показывает, что эффективно бороться с нарконашествием по узкому фронту невозможно. Наркобизнес интернационален и добиться ощутимых результатов в борьбе с ним только инициативами одного или группы государств практически нельзя. В 2013 году В.П. Иванов, директор Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (в настоящее время упразднена), на встрече с Президентом России В.В. Путиным заявил, что в нашей стране удалось остановить экспансию наркопреступности. В поддержку сказанному В.П. Иванов сообщил, что удалось ликвидировать крупные инфраструктурные узлы или как поставки, так и дистрибуции наркотиков в России. В качестве примера он привел ликвидацию преступного сообщества Сергея Михайлова, которое действовало на территории Башкирии: изобличены и привлечены к уголовной ответственности 200 преступников, которые занимались поставками героина в крупных размерах. Другой пример: ликвидация

канала поставки наркотиков, курируемого преступным сообществом Атобека Гулмамадова. Криминальный авторитет руководил эстафетными поставками героина, находясь на территории Объединенных Арабских Эмиратов, и в феврале 2013 года удалось экстрадировать его в Россию. По словам В.П. Иванова, это первый случай, когда Эмираты экстрадировали крупного транснационального преступника, поддерживая тем самым поддерживая систему контроля со стороны международного сообщества [15].

В заключении отметим, международная наркомафия в полной мере воспользовалась создавшейся ситуацией, сформировав на просторах России наркорынок. Быстро были отлажены пути поставок, набрана армия наркокурьеров, создана сетевая структура распространения наркотиков, возникла обширная клиентура. Основная цель нашей политики в сфере борьбы с наркопреступностью - защита жизни и здоровья граждан и всего общества от угроз, которые несёт незаконный оборот наркотиков. Борьба с наркоманией и наркобизнесом включает в себя объемный комплекс разноплановых мер, в том числе и международные взаимодействия. В результате совместных операций стран-союзов по контролю за наркотиками выявлены и пресечены устойчивые международные каналы поставки наркотиков из Таджикистана в Киргизию, Казахстана и далее в Россию. На заседании Международного координационного штаба по проведению операции «Канал» заместитель Генерального Секретаря ООН — Исполнительный директор Управления по наркотикам и преступности ООН Антонио Мария Коста дал положительную оценку нашей деятельности по координации усилий участников операции в противодействии нарастающей наркоугрозе.

Человечество шагнуло в XXI век, продолжая искать эффективные пути решения одной из важнейших глобальных мировых проблем - незаконного оборота наркотиков. Эта проблема стоит практически перед всеми государствами. Здесь не существует территориальных, национальных, религиозных, классовых, половых или иных границ.

Литература:

1. Гриненко К. М. Наркобизнес и национальная безопасность. Киев, 2004. С. 7. См. также: Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Незаконный оборот наркотиков в структуре организованной преступности: состояние, тенденции, перспективы // Право и политика. 2001. № 6. С. 83–87.
2. Резолюция S-30/1 Генеральной Ассамблеи, приложение.
3. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2016 год (E/INCB/2016/1; Narcotic Drugs: Estimated World Requirements for 2017 – Statistic for 2015 (E/INCB/2016/2)).
4. World Drug Report. 2015 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – New York, 2015. – URL: http://www.unodc.org/documents/wdr2015/World_Drug_Report_2015.pdf.
5. World Drug Report. 2016 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – New York, 2016. – URL: https://www.unodc.org/doc/wdr2016/WORLD_DRUG_REPORT_2016_web.pdf
6. World Drug Report. 2016: Executive Summary // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – New York, 2016. – URL https://www.unodc.org/doc/wdr2016/WDR_2016_ExSum_english.pdf.
7. Пупцева А.В. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6
8. Информационное агентство – Интерфакс: URL: <http://www.interfax.ru/russia/489547>. Данная информация также была опубликована на официальном Интернет-сайте ФСКН России (URL: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/events_

main/2016/0114/153342155/detail.shtml). В настоящее время указанный сайт не функционирует, поскольку ФСКН упразднена в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 года №156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

9. В.А. Жбанков, А.В. Табаков. Транснациональная организованная наркопреступность и наркоконтрабанда как ее составляющая: современное состояние и основные тренды – М.: РИО Российской таможенной академии, 2017.

10. Портал правовой статистики: Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

11. Борьба с разрушительными последствиями контроля над наркотиками: Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности. E/CN.7/2009/CRP/4. – Вена. – 1 марта 2009. (цит. по: Романова Л.И. Наркопреступность: криминологическая и уголовно-правовая характеристика: учебно-методическое пособие / Л.И. Романова. – 2-е издание. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2009.).

12. World Drug Report. 2011 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). New York, 2011 — P. 8; URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2011/World_Drug_Report_2011_ebook.pdf.

13. Организованная преступность / отв. ред.: А.И. Долгова, С.В. Дьяков. – М.: Юридическая литература, 1989.

14. Куликов Е.А. Уровни и формы организованности преступности (постановка проблемы) // «Правовая модернизация как фактор развития общества и государства: тезисы докладов IV Всероссийской научно конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной памяти профессора А.С. Горелика (8-9 апреля 2010 года, г. Красноярск)

15. В.А. Жбанков, А.В. Табаков — Экспансия транснациональной организованной преступности // РБК. — URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130311131947.shtml>.

Л.А. ПРОХОРОВ,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
(Россия)

Н.Н. МЕЛЬНИЧЕНКО,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

L.A. PROKHOROV,
professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban state University
(Russia)

N.N. MELNICHENKO
Post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University
(Russia)

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ
КАК ОСНОВАНИИ ИХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ**

**TO THE QUESTION OF THE PUBLIC RISKS OF GOVERNMENTS
ON ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF RUSSIA AS THE BASIS
OF THEIR CRIMINALIZATION**

Аннотация. В статье на основе анализа экономического и социального критериев осуществлено исследование общественной опасности посягательств на археологическое наследие, криминализованных в ст. 164, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ. Опираясь на изучение монографических источников, данные официальной статистики и экспертные заключения, автор обосновал вывод о высокой степени общественной опасности указанных посягательств и необходимости их криминализации в отдельных нормах Особенной части УК РФ с закреплением более строгой ответственности.

Ключевые слова: предметы археологического наследия; криминализация; общественная опасность; уголовная ответственность; хищение предметов, представляющих особую ценность, контрабанда.

Annotation. Based on the analysis of economic and social criteria, the article investigates the public danger of encroachment on the archaeological heritage, criminalized in Art. 164, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Drawing on the study of monographic sources, official statistics and expert conclusions, the author justified the conclusion about the high degree of orbital danger of these encroachments and the need for their criminalization in separate norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation with stronger liability.

Key words: archeological heritage, criminalization, social danger, criminal liability, embezzlement of objects of special value, smuggling.

Криминализация в реалиях современного общества должна базироваться на научных основаниях и принципах. В отечественной правовой доктрине сложилось унифицированное мнение, что в качестве главного основания криминализации деяния выступает его

общественная опасность [1]. Говоря о критериях установления уголовной наказуемости деяний, П.А. Фефелов отмечал: «Для отнесения законодателем тех или иных деяний к числу преступных решающим является их общественная опасность» [2].

Общественная опасность – это такое свойство деяния, которое определяет его «исключительную» вредоносность для общества и обуславливает объективную необходимость применения мер наиболее жесткого государственно принуждения посредством установления уголовно-правового запрета. Аналогичный подход поддержан и другими российскими учеными [3].

Общественная опасность является материальным признаком, внутренним свойством преступления, которое по своей сути объективно и не зависит от каких-либо конъюнктурных условий (воли законодателя или правоприменителя).

А.Э. Жалинский абсолютно точно сформулировал систему требований, которым должно отвечать криминализуемое деяние:

а) причинение и возможность причинения деянием не поддающегося полному возмещению существенного вреда конституционным ценностям, то есть правовым благам, имеющим конституционный ранг;

б) распространение негативных последствий совершаемых деяний на общество в целом и большинство отдельных членов общества;

в) явная социально-психологическая и иная непереносимость обществом запрещаемых деяний, причиняемого вреда или его опасности, отраженная в достигнутом политическом или ином консенсусе о необходимости уголовного наказания;

г) доказанная непригодность иных правовых запретов для устранения возникшей опасности, возмещения причиненного и предупреждения потенциального вреда;

д) субъектно-субъективное противопоставление деяния существующим социальным запретам при наличии иного выбора [4].

Объективное свойство общественной опасности, прежде всего, выражается в причинении существенного вреда объектам уголовно-правовой охраны [5]. Однако общественная опасность поведенческого акта не сводится только к причиненному ущербу. Она заключается в качественном и количественном воздействии деяния на общество. Качество находит свое выражение в виде общественных отношений, которые могут быть нарушены или разрушены деянием (наиболее важные общественные отношения), а количество – в том вреде, который причиняется или может быть причинен, в других характеристиках поведения [6].

Говоря о проблеме криминализации посягательств на археологическое наследие России также нельзя обойти стороной вопрос об их общественной опасности. Стратегия национальной безопасности РФ указывает, что угрозами национальной безопасности в сфере культуры являются: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры (п. 79) [7].

В силу специфики объекта и предмета указанных посягательства основание их криминализации наиболее полно раскрывается сквозь призму экономического и социального критериев, поскольку в количественном выражении объем рассматриваемых преступлений не значителен в числе выявляемых в РФ преступлений. Так, по официальным данным

удельный вес хищения предметов, имеющих особую ценность, в общей массе корыстных преступлений против собственности не превышает 1% [8]. Тем не менее, недооценивать угрозу культурному наследию России нельзя. Так, по данным экспертов, количество хищений предметов, имеющих особую ценность, из музеев и церквей в 2011 г. по сравнению с 1989 г. возросло в 12 раз, краж из частных домовладений и квартир – в 20 раз [9].

Что касается посягательств, связанных с незаконным поиском, изъятием и контрабандой предметов археологического наследия, то эта группа преступлений отличается высокой латентностью. На совещании по мерам поддержки археологической науки в 2013 г. Ю. Осипов отмечал, что «...в стране большая беда – стремительно увеличивается отряд «чернокопателей». Разоряются совершенно уникальные вещи. Я уже не говорю о курганах. Курганы почти все перекопали. И то, что в результате чернокопательства добывается, исчезает бесследно» [10]. Вывод о масштабах ущерба от деятельности «черных копателей» можно сделать на основе следующих данных: «Сегодня в России насчитывается не более 4,5 тысяч археологов, тогда как «чёрных копателей» десятки тысяч» [11].

Экономический аспект общественной опасности посягательств на археологическое наследие РФ проявляется в том вреде, выраженном в материальном эквиваленте, который причиняется указанными деяниями. Так, только хищений, квалифицируемых по ст. 164 УК РФ, совершается ежегодно на общую сумму около 200 млрд. руб. [12]. В отчете Счетной палаты РФ за 2008 г. по результатам мониторинга условий, необходимых для хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций, представлены сведения о том, что за последние 15 лет в России украдено около 60 тыс. предметов старинного искусства примерной стоимостью 1 млрд. долл. США [13]. Ущерб, причиненный уничтожением древних курганов в ходе незаконных раскопок, осуществленных только одним предпринимателем, был оценен в 66 млн. руб. [14].

Социальные аспекты общественной опасности посягательств на предметы археологического наследия РФ проявляются в том, что они наносят невосполнимый урон культурному достоянию страны, поскольку предмет данного преступления представлен уникальными, единичными и неповторимыми артефактами, произведениями искусства, науки и культурного наследия России. В этой связи справедливо утверждение Ю.А. Демидова, что оценка общественной опасности деяния должна включать «не только ущерб или угрозу его причинения объектам, охраняемым уголовным правом, но главным образом направленность деяния против основных социальных ценностей. Общественная опасность деяния состоит не только в том, что оно причиняет или может причинить вред, но прежде всего в том, что оно *посягает* на ценности ... общества... Чтобы уяснить общественную опасность, следует делать акцент не на том, какой вред фактически причиняется или может быть причинен, а на том, на какие социальные ценности по самой своей сути посягает деяние» [15].

Социальная значимость предметов археологического наследия крайне высока, зачастую это «бесценные предметы», поскольку они необходимы для поступательного развития, для осуществления познавательной деятельности, развития науки и искусства, гармоничного развития личности, формирования духовности социума, воспитания новых поколений. В этом смысле духовно-культурная и научная значимость предметов рассматриваемых посягательств (ст. 164, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ) в большей мере предопределяет его общественную опасность, нежели материальная оценка последствий его совершения. Соответственно, законодатель совершенно обоснованно осуществляет криминализацию указанных посягательств в специальных нормах, а за хищение предметов, имеющих особую ценность, устанавливает более строгую санкцию по сравнению с санкциями ст. 158-162 УК РФ.

По справедливому утверждению Г.А. Русанова, «специфика предмета контрабанды культурных ценностей в своей основе связана с содержанием дополнительного непосредственного объекта данного посягательства, под которым предлагается понимать общественные отношения, обеспечивающие право гражданина на осуществление его культурных прав, предусмотренных Конституцией РФ» [16].

Кроме того, в результате совершения хищений указанных предметов наносится удар и по духовно-нравственной основе общества, без которой невозможна стабильность ни в одном современном обществе и государстве. В базе данных МВД по культурным ценностям, похищенным в стране, представлено более 50 тыс. предметов. Результаты анализа следственной и судебной практики по хищениям предметов, имеющих особую ценность, свидетельствуют о том, что в качестве таких предметов, как правило, выступают иконы и предметы отправления религиозных обрядов (около 61%), художественные картины (около 10%), музейные экспонаты (около 9%), ордена и медали (около 7%), книги и другие виды печатной продукции (около 3%), различные виды коллекций (около 3%), ювелирные изделия (около 1%) [17].

В этой связи нельзя не отметить, что до сих пор база данных похищенных ценностей в РФ фрагментарна, лишь в отдельных регионах РФ созданы филиалы НЦБ Интерпола [18]. Поэтому следует поддержать тех авторов, которые ратуют за создание единой национальной базы данных похищенных культурных ценностей [19].

Высокая степень общественной опасности указанных посягательств обусловлена и тем, что они занимают особое место в системе воспроизводства и развития преступности. Как правило, их совершение приобретает организованные формы [20], которые «вливаются» в общемировую сеть транснациональной преступности. Бизнес, основанный на противоправной деятельности, связанной с культурными ценностями (в том числе предметами, составляющими археологическое наследие), достаточно выгоден, поскольку приносит лицам, им занимающимся, солидные доходы. В настоящее время по объему полученных доходов незаконные операции с культурными ценностями занимают третье место после незаконной торговли оружием и наркотиками [21]. Как и в других сферах теневого бизнеса, черные археологи выстраиваются в целые структуры, поскольку недостаточно найти что-то ценное в земле, но и необходимо выгодно это продать, а перед этим узнать любыми способами, где именно стоит копать. Штат таких не совсем законных групп в нелегальных раскопках нередко пополняют настоящие ученые и археологи, становясь в свою очередь преступниками [22].

Анализ судебной практики по рассматриваемой категории дел однозначно свидетельствует и о том, что данным преступлениям всегда сопутствуют контрабанда, легализация доходов, приобретенных преступным путем, подкуп должностных лиц. Специалисты отмечают, что «контрабанда культурных ценностей носит организованный характер, и в группах участвуют преступники из различных стран... Международный масштаб контрабанды культурных ценностей таков, что уступает лишь контрабанде наркотиков, при этом значительная доля приходится на Россию. Западный рынок настолько перенасыщен предметами русской старины, что они уже контрабандно ввозятся обратно в Россию для продажи «новым русским»» [23].

Таким образом, совершенно справедлива позиция, согласно которой криминологическое обоснование изменений в уголовном законодательстве, регламентирующем борьбу с хищениями культурных ценностей, должно исходить из всестороннего анализа состояния этих преступлений, количественных и качественных характеристик; учета выявленных, а также прогнозируемых тенденций развития хищений культурных ценностей; данных изучения лиц, совершающих эти преступления; степени защищенности культурных

ценностей от преступных посягательств; возможностей компенсации утраченных культурных ценностей [24].

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что криминализация посягательств на предметы археологического наследия отвечает критерию высокой степени их общественной опасности, обусловленной экономической и социальной спецификой этих преступлений. Несмотря на незначительный удельный вес в структуре преступности, указанные посягательства причиняют невосполнимый урон духовно-нравственной стороне жизнедеятельности общества и государства. В этой связи соответствует требованию криминологической обоснованности установление уголовной ответственности за посягательства на предметы археологического наследия в отдельных нормах УК РФ (ст. 164, 226.1, 243, 243.1, 243.2, 243.3 УК РФ).

Литература:

1. См.: Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002; Дагель П.С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. №4. С. 67-70; Красиков Ю.А. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000; Кудрявцев В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982; Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 81; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М., 2009; Пермяков Ю.Е. Категория «общественная опасность» в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1989; Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983; Рагулина А.В. Общественная опасность как признак деяния и как признак преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 января 2015 г.). М., 2015 и др.
2. Фефёлов П.А. Критерии установления уголовной наказуемости деяний // Советское государство и право. 1970. №11. С. 101.
3. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. С.69. См. также: Фефёлов П.А. Указ. соч. С. 51.
4. Жалинский А.Э. Оценка общественной опасности деяния в процессе уголовного правотворчества // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф., 29-30 января 2009 г. М., 2009. С. 48-52.
5. Дзиковская С.Г. К вопросу о критериях общественной опасности деяния как основания криминализации в международном уголовном праве // Российско-китайский научный журнал «Содружество». 2017. № 17. С. 67.
6. См.: Там же.
7. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 // URL:<http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения – 15 марта 2017 г.)
8. Состояние преступности январь-декабрь 2017 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/8922474/> (дата обращения – 27 февраля 2018 г.).
9. Жеребченко А.В., Афроськина И.Н. Хищение предметов, имеющих особую ценность: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. М., 2017. С. 22.
10. Незаконная деятельность черных копателей ставит под угрозу развитие отечественной археологии // URL: <http://webground.su/topic/2010/08/07/t269> (дата обращения – 27 января 2018 г.).

11. «Черные копатели» чувствуют себя безнаказанно // Новгородский историк – URL: <https://news.novgorod.ru/news/109128.html> (дата обращения Новгородский историк: 28 января 2018 г.).
12. См.: <http://www.regnum.ru> (дата обращения – 28 января 2018 г.).
13. Архангельская Е.В. Представление и обработка информации о преступлениях с помощью компьютерной техники // <http://vuzirossii.ru/publ/> (дата обращения – 29 января 2018 г.).
14. Предприниматель и археолог заплатят 66 миллионов рублей за разрушение курганов // <http://archeonews.ru/tag/chernye-kopateli/#> (дата обращения – 28 января 2018 г.).
15. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 70-71; См. также: Андриюшенкова О.М. Роль государства в вопросах предупреждения в контексте положений действующего законодательства о ценных и особо ценных объектах культуры, искусства и истории, а также археологических объектов // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 10. С. 10-16.
16. Русанов Г.А. Контрабанда культурных ценностей: уголовно-правовое, криминологическое и сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 6.
17. Довгий Д.П. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 7-8; Жеребченко А.В., Афроськина И.Н. Указ. соч. С. 22.
18. Похищенные культурные ценности собраны в единой базе // URL: <http://72.ru/text/gorod/320158.html%> (дата обращения – 20 января 2018 г.); В Нижегородской области появится база данных о похищенных культурных ценностях «Хранитель» // URL: <https://regnum.ru/news/198299.html> (дата обращения – 20 января 2018 г.).
19. Косицына В.М. Межведомственное взаимодействие органов внутренних дел Российской Федерации с таможенными органами государств-членов Таможенного союза по предупреждению контрабанды культурных ценностей // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (91). С. 63-65; Архангельская Е.В. Указ. соч. (дата обращения – 20 января 2018 г.).
20. См. также: Лепехина Е.В. Организованная преступность: понятие, детерминизм, общественная опасность, психология. Краснодар, 2006. С. 25; Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 539; 573.
21. См.: Криминалистика: учебник / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. М., 1994. С. 338.
22. Кто такие черные копатели? // URL: <http://3monety.ru/blog/kto-takie-chernye-kopateli/> (дата обращения – 20 января 2018 г.).
23. Диканова Т.А., Осипов В.Е. Борьба с таможенными преступлениями и отмыванием «грязных денег». М., 2000. С.11. См. также: Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления. СПб., 1999. С. 43-45; Прохорова М.Л., Нальгиев Р.К. Контрабанда: вопросы уголовной ответственности. Саратов, 2002. С. 12.
24. Васильев Д.В. Контрабанда культурных ценностей: криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 6.

М.Л. ПРОХОРОВА,
*профессор кафедры уголовного права и криминологии
ФОБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

В.С. ИНШАКОВ,
*магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)*

M.L. PROKHOROVA,
*professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Kuban state University
head of the Department of criminal and criminal executive law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

V.S. INSHAKOV,
*graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)*

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

REGULATION OF COUNTERACTION AGAINST DRUG ADDICTION IN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW: HISTORICAL ASPECTS

Аннотация. В статье рассмотрена ретроспектива процесса регламентации противодействия наркотизму в международном уголовном праве, дана характеристика основным международно-правовым документам, посвященным этой проблеме. Авторами обращено внимание на решение в соответствующих документах вопросов криминализации деяний, связанных с неконтролируемым оборотом и потреблением наркотиков, и их наказуемости.

Annotation. In the article the retrospective of the process of regulation of counteraction to drugs in the international criminal law is considered, the characteristic of the basic international legal documents devoted to this problem is given. The authors draw attention to the decision in the relevant documents to criminalize acts related to uncontrolled drug trafficking and drug use and their punishability.

Ключевые слова: международное уголовное право, противодействие наркотизму, неконтролируемый оборот наркотиков, международная конвенция, криминализация деяний, наказуемость преступлений.

Key words: international criminal law, counteraction to drugs, uncontrolled drug trafficking, international convention, criminalization of acts, punishability of crimes.

Процесс формирования международно-правовых основ противодействия наркотизму стал осуществляться в начале XX в. Это было обусловлено тем, что в XIX в. у государств возникло устойчивое представление о наркомании и неконтролируемом обороте наркотиков как негативных социальных явлениях, приводящих к крайне нежелательным для общества последствиям [1].

Первым значимым шагом в названном направлении стал созыв Шанхайской опиумной комиссии. Ее заседания проходили в Шанхае с 5 по 26 февраля 1909 г. В деятельности комиссии участвовали представители 13-ти государств. В число этих стран входили Россия, США, Австро-Венгрия, Германия, Англия, Франция, Китай, Италия, Япония, Нидерланды, Персия, Португалия и Сиам (ныне – Таиланд).

Основная цель созыва Шанхайской опиумной комиссии трактовалась как разработка мер, направленных на пресечение нелегального ввоза наркотиков из стран Азии в США и Европу. Вместе с тем основное внимание комиссия уделили проблеме курения опиума и организации международной торговли этим веществом. При этом не было сформулировано категорического требования об установлении государствами немедленного и категорического запрета на курение названного препарата. Ею было высказано мнение лишь о его регулировании и постепенном ограничении [2].

Решения Шанхайской опиумной комиссии носили главным образом рекомендательный характер, им не был придан статус обязательных норм, закрепляющих запреты и ограничения в отношении злоупотребления наркотиками и их неправомерного и неконтролируемого распространения. Однако недооценивать результаты работы комиссии не следует. Заслуга последней в том, что её проведение ознаменовало начало осуществления международного контроля в сфере распространения наркотических средств. Кроме того, наметились определенные направления взаимной правовой помощи государств в этой области, было обращено внимание на серьезность для социума проблемы неконтролируемого оборота наркотиков и злоупотребления ими.

Первая в истории борьбы с наркотизмом Конвенция о наркотиках была разработана и принята на международной конференции по опиуму. Последняя проходила в Гааге в 1911–1912 гг. [3]. В ней участвовали 12 государств – те же, что работали в составе Шанхайской опиумной комиссии, за исключением Австро-Венгрии. Но ратифицировали Конвенцию 58 государств. Примечательно, что Россия значилась в числе участников Конвенции, но, подписав ее, не ратифицировала.

Названной Конвенцией были разработаны основные принципы, касающиеся использования наркотиков и деятельности государств по борьбе с их неконтролируемым оборотом и потреблением. Это, в частности, обеспечение использования контролируемых веществ исключительно в медицинских и научных целях и оказание помощи правительственным организациям и международным органам в их усилиях, направленных на предотвращение злоупотреблений наркотическими средствами и сокращение вредных последствий таких злоупотреблений [4].

Указанные принципы нашли дальнейшее развитие в более поздних международно-правовых актах, посвященных противодействию наркотизму.

Конвенция 1912 г., хотя и предусматривала ряд действенных мер в борьбе с неконтролируемым распространением наркотиков, не дала тех положительных результатов, которые ожидали от нее государства. В значительной степени это было обусловлено повсеместным усилением неконтролируемого злоупотребления наркотическими средствами и ростом масштабов их контрабандного распространения после первой мировой войны. Данное обстоятельство, само собой, не могло быть учтено в период принятия Конвенции. Вместе с тем подобные события, как свидетельствует мировая история, всегда приводят к обострению ситуации, связанной с немедицинским потреблением наркотических субстанций, что обуславливается комплексом причин и условий (ухудшение социально-экономической обстановки со всеми вытекающими отсюда для населения последствиями, психологические причины и пр.).

Серьезное изменение обстановки в мире, связанной с распространением неконтролируемого оборота и потребления наркотических средств, требовало обновления международно-правовой базы борьбы с этими процессами. В результате второй Международной конференции по опиуму 19 февраля 1925 г. была принята Женевская конвенция по опиуму [5].

Поддерживая принципы, заложенные Гаагской Конвенцией 1912 г., Женевская Конвенция 1925 г. установила, что наркотики могут продаваться только для законных потребностей государств. Ею в Список наркотиков (в дополнение к установленным Конвенцией 1912 г.) были включены кокаиновый лист, кокаин-сырец, индийская конопля.

Важным положением Конвенции, направленным на повышение эффективности и оперативности борьбы с наркотизмом, было сформулированное в ней дозволение государствам-участникам в соответствии со ст. 10 распространять действие Конвенции на любое вещество при условии, что оно способно по заключению уполномоченного на то компетентного органа вызывать вредные последствия, аналогичные тем, которые наступают от субстанций, непосредственно в ней предусмотренных.

Кроме того, Конвенция возложила на договаривающиеся стороны обязанность по принятию в рамках национальных законодательств нормативных актов, регламентирующих обеспечение действенного контроля над изготовлением, распространением и вывозом опиума-сырца. Достоинством Конвенции следует считать указание на необходимость применения государствами-участниками уголовно-правовых санкций за нарушение законодательства, связанного с применением Конвенции. Ею было предусмотрено взаимное информирование о законах и постановлениях, относящихся к проведению ее положений в жизнь.

Достижениями Женевской конвенции 1925 г. стало введение системы лицензий и регистрации внешнеторговых сделок с наркотиками; возложение на государства обязанности предоставлять подробные статистические данные по таким операциям; формирование системы оценки потребностей стран в наркотических веществах. Для контроля за соблюдением государствами-участниками обязательств, возлагаемых на них Конвенцией, был создан Постоянный центральный комитет (впоследствии – Постоянный центральный комитет по наркотическим средствам).

Следующим этапом в развитии международно-правового противодействия наркотизму стало принятие в 1931 г. Международной конвенции об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств [6]. Необходимость ее принятия была обусловлена катастрофическим размахом в период экономического кризиса 1925–1929 гг. неконтролируемого потребления наркотиков в целом ряде стран. Это и подвигло Лигу Наций на ее X ассамблее в 1929 г. принять решение о необходимости разработки и принятия нового международного договора. В результате 13 июля 1931 г. в Женеве была принята соответствующая Конвенция.

Достижениями Конвенции 1931 г. стало совершенствование существующей системы оценки потребностей в наркотических средствах. Была предусмотрена необходимость выявления мировых потребностей в наркотиках для медицинских и научных целей. Для этого на каждое государство-участника была возложена обязанность предоставления сведений о том количестве наркотических веществ, которое необходимо ему для ранее названных целей. Для оценки обоснованности соответствующих заявок государств создавалась Контрольная комиссия. В её функции входило ежегодное издание сводки о потребностях всех государств в наркотических веществах.

Анализ содержания ранее названных международно-правовых документов свидетельствует о том, что уголовно-правовым мерам борьбы с наркотизмом внимание ими

уделялось лишь фрагментарно. Более развернутую регламентацию соответствующие вопросы получили в заключенной в Женеве 26 июня 1936 г. Конвенции о запрещении незаконной торговли наркотическими веществами. В ней предусматривалась возможность выдачи преступника иностранному государству за нарушение законов о наркотиках, определены ее некоторые условия. Рекомендованные Конвенцией для применения к преступникам уголовные наказания были более суровыми, чем наказания, предусмотренные предыдущими конвенциями. Конвенция обязывала договаривающиеся стороны устанавливать в национальном уголовном законодательстве ответственность в отношении лиц, совершающих наиболее опасные деяния, способствующие незаконному распространению наркотиков.

Кроме того, в соответствии со ст.ст. 11, 12 Конвенции на государства-участников возлагалась обязанность по оказанию друг другу взаимной помощи путем обмена информацией, установления и ареста торговцев наркотиками с тем, чтобы ни одно лицо, совершившее предусмотренные Конвенцией преступления, не избежало уголовной ответственности и наказания.

Таким образом, в названной Конвенции решался целый блок вопросов, относимых к сфере международного уголовного права.

В рамках деятельности Лиги Наций были приняты, кроме названных, еще некоторые международно-правовые акты, посвященные противодействию наркотизму. Среди них, в частности, Женевское соглашение от 11 февраля 1925 г. о запрещении производства, внутренней торговли и использования очищенного опиума [7] (участниками стали 7 государств) и Бангкокское соглашение о воспрещении курения опиума от 27 ноября 1931 г. (было ратифицировано Францией, Великобританией, Японией, Голландией, Португалией, Сиамом и Индией) [8].

Неблагоприятное развитие ситуации с незаконным оборотом наркотиков и их неконтролируемым потреблением, прогресс науки и как одно из негативных последствий этого процесса – появление ранее не известных разновидностей психоактивных веществ, формирование новых международных стандартов взаимоотношений государств на мировой арене (в частности, создание после Второй мировой войны в 1945 г. Организации Объединенных Наций) привели к необходимости обновления международно-правовой базы противодействия наркотизму [9]. Соответствующая деятельность государств в рамках ООН привела к принятию в 1961 г. Единой конвенции о наркотических средствах [10].

Конвенцией 1961 г. сформирована прочная международно-правовая основа для осуществления контроля над наркотическими средствами. Ею четко определены права и обязанности государств-участников на всех этапах оборота соответствующих препаратов – изготовления, вывоза, торговли и распределения. В документе достаточно детально регламентируются вопросы международного сотрудничества как в области легального обращения наркотиков, так и в сфере противодействия их незаконному обращению и неконтролируемому потреблению.

Статья 35 Конвенции непосредственно посвящена мерам по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, а ст. 36 содержит постановления о наказаниях. В ч. 1 ст. 36, по сути, определены направления криминализации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Среди них совершенные с нарушением постановлений Конвенции умышленные культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, распределение, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств и всякое другое действие, которое, по мнению государств-участников, может являться нарушением постановлений Кон-

венции. Например, их хищение и вымогательство [11]. Здесь же определено, что серьезные преступления должны подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремным заключением или иным способом лишения свободы.

Наказуемыми деяниями государствам-участникам велено признавать умышленное соучастие в каком-либо из ранее перечисленных преступлений, участие в сообществе с целью совершения и покушения на какое-либо из таких посягательств, а также подготовительные к ним действия и финансовые операции, с ними связанные. Таким образом, Конвенцией установлена необходимость противодействия легализации преступных доходов, полученных в результате наркобизнеса. Подобная деятельность признается важнейшим направлением борьбы с наркотизмом, поскольку подрывает его экономическую основу.

Что касается лиц, злоупотребляющих наркотиками и совершающих названные преступления, то в отношении них допускаются и альтернативные меры. Так, согласно Конвенции применительно к таким категориям могут предусматриваться либо в качестве замены осуждения или наказания, либо в дополнение к наказанию, меры, направленные на их лечение, воспитание, наблюдение за ними после окончания ими лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение их в общество.

Единая конвенция в качестве приложений содержит Списки наркотических средств, ранжированные в зависимости от вида субстанций.

Дальнейшее развитие вопросы международно-правового противодействия наркотизму получили в Конвенции о психотропных веществах 1971 г. [12]. Несомненным достоинством этого документа явилось распространение системы международно-правового контроля на новые типы психоактивных веществ, несколько отличающиеся по этиологии и свойствам от наркотических средств. Это психотропные вещества, которые принято классифицировать на стимуляторы центральной нервной системы (например, амфетамины), седативные и снотворные средства – депрессанты (в частности, барбитураты) и галлюциногены (ЛСД, мескалин и др.) [13].

Следуя за Единой конвенцией 1961 г., Конвенция 1971 г. предписывает сторонам предусмотреть уголовную ответственность граждан за умышленное нарушение законодательства, принятого во исполнение данной Конвенции. Круг деяний, подлежащих криминализации, судя по содержанию соответствующих положений документа, должен быть аналогичным их перечню, представленному в Конвенции 1961 г. За серьезные нарушения, как и ранее, требуется введение строгих наказаний, в частности, тюремного заключения или лишения свободы в иной форме (ст. 22).

Вместе с тем, по аналогии с положениями Единой конвенции, Конвенция 1971 г. предоставляет государствам-участникам право предусмотреть для правонарушителей, злоупотребляющих психотропными веществами, замену осуждения или другого наказания лечением либо дополнить наказание лечением. В отношении названной категории лиц определено, что государствам-участникам надлежит принимать меры, направленные на лечение, воспитание, наблюдение за такими лицами после окончания лечения, восстановление их трудоспособности и возвращение в общество.

Конвенцией детально регламентированы вопросы всестороннего международного сотрудничества в сфере осуществления контроля над оборотом психотропных веществ, регламентированы вопросы экстрадиции.

Динамика жизни, ее влияние на наркоситуацию в мире обусловили необходимость дальнейшего обновления международно-правовой базы противодействия наркотизму. В связи с этим в рамках ООН в 80-е годы прошлого столетия начался процесс разработки очередной международной Конвенции, посвященной соответствующим проблемам. В 1988

г. была принята Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [14].

Вопросы криминализации соответствующих деяний решаются ст. 3 Конвенции («Правонарушения и санкции»), содержащей достаточно обширный перечень умышленных деяний в области неконтролируемого оборота наркотических средств и психотропных веществ, которым надлежит придать статус уголовно наказуемых. Причем это не только посягательства, непосредственно связанные с нелегальным обращением указанных субстанций, но и легализация преступных доходов от такой деятельности. Здесь же можно увидеть деяния, в прежних Конвенциях не упоминавшиеся. В частности, это касается незаконных манипуляций с оборудованием и материалами, предназначенными для использования в целях незаконного культивирования, производства, изготовления наркотических средств или психотропных веществ.

Преступны покушение, приготовление к совершению названных деяний, соучастие в них, участие в сообществе, имеющем целью их совершение.

Обращает на себя внимание, что Конвенцией впервые определен перечень обстоятельств, которые следует признавать отягчающими наказание за наркопреступления. Это, например, участие в правонарушениях, совершаемых организованной преступной группой; применение насилия или оружия; вовлечение или использование несовершеннолетних; предыдущее осуждение, особенно за аналогичные правонарушения, и др.

В качестве санкций определены лишение свободы, штраф, конфискация имущества. Как и в прежних конвенциях (1961 и 1971 гг.), сторонам предоставлена возможность предусмотреть вместо осуждения или наказания правонарушителей, злоупотребляющих наркотиками или психотропными веществами, лечение и прочие меры по их ресоциализации. В случае совершения малозначительных нарушений рекомендовано ограничиваться мерами перевоспитания или социальной реинтеграции, выступающими в качестве альтернативы уголовному наказанию.

Конвенцией 1988 г. регламентирована обширная система мер, направленных на организацию и осуществление международного сотрудничества в соответствующей сфере [15].

Таким образом, исторический анализ процесса регламентации вопросов противодействия наркотизму в международном уголовном праве свидетельствует, что он прошел достаточно длительный путь эволюции. Постепенно в международно-правовых актах сформировалось достаточно четкое представление о направлениях криминализации соответствующих деяний, о подходах к их наказуемости и ряду иных проблем совместной борьбы государств с названным явлением [16]. Вместе с тем, как представляется, назрела необходимость в очередном обновлении международно-правовой базы противодействия наркотизму, выработке и закреплении положений, соответствующих современной ситуации в мире, связанной с неконтролируемым оборотом и потреблением наркотиков, потребностям борьбы с этим явлением, достижениям науки и законодательной техники.

Литература:

1. См.: Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. С. 12.
2. Маслова А.В. Наркоситуация в мире и основные тенденции ее развития // Человек и закон. 2005. № 2. С. 41.
3. Гаагская конвенция 1912 г. по борьбе с производством, распространением и потреблением наркотиков // // Международное право в документах. М., 2001.
4. Там же.

5. Женевская Конвенция по опиуму: принята Второй международной конференцией по опиуму 19 февраля 1925 г. // Международное право в документах. М., 2001.
6. Международная конвенция об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств от 13 июля 1931 г. // Международное право в документах. М., 2001.
7. Женевское соглашение от 11 февраля 1925 г. о запрещении производства, внутренней торговли и использования очищенного опиума // Международное право в документах. М., 2001.
8. Соглашение о воспреещении курения опиума от 27 ноября 1931 г. (Бангкок) // Международное право в документах. М., 2001.
9. См. также: Беляев С.С. Международный опыт борьбы с наркотизмом // Преступность: стратегия борьбы. М., 2007. С. 77.
10. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, подписанных СССР и иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970. С. 105-134.
11. См.: Прохорова М.Л. Проблемы совершенствования уголовно-правового регулирования ответственности за хищение и вымогательство наркотических средств и психотропных веществ // Следователь. 2001. № 2. С. 10–13.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций о психотропных веществах 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXV. М., 1981.
13. См.: Прохорова М.Л. Указ. соч. С. 158; Рексед Б., Эдмондсон К., Самсом Р. Дж. Руководство по контролю над наркотическими средствами и психотропными веществами (в контексте международных договоров). ВОЗ. Женева, 1984. М., 1987. С. 20.
14. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 19 декабря 1988 // Международное право в документах. М., 2001.
15. См. также: Валеев Р.М. Роль ООН и ее органов в координации действий государств по борьбе с транснациональной преступностью // Международное сотрудничество в сфере борьбы с транснациональной преступностью и коррупцией. Вып. 1. Екатеринбург, 2000. С. 37.
16. См.: Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Международно-правовые основы формирования национального уголовного законодательства о борьбе с наркотизмом и межгосударственного сотрудничества в этой сфере // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1. С. 10–14; Прохоров Л.А., Прохорова М.Л. Незаконный оборот наркотиков в структуре организованной преступности: состояние, тенденции, перспективы // Право и политика. 2001. № 6. С. 83–87.

II раздел
**«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения
безопасности личности, общества, государства»**

И.В. АНАНЕНКО

*доцент кафедры государственно-правовых и общетеоретических дисциплин
Кубанского института социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук
(Россия)*

I.V. ANANENKO

*Associate Professor of the Department of State-Legal and General Theoretical
Disciplines of the Kuban Institute of Socioeconomics and Law
(branch) OUP V «Academy of Labor and Social Relations»,
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА АМНИСТИИ**

**ACTUAL PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT
OF THE LEGAL INSTITUTION OF AMNESTY OFFICIAL CRIME IN THE BODIES
OF INTERNAL AFFAIRS**

Аннотация. в статье представлены рассуждения автора о проблемах и перспективах развития правового регулирования амнистии.

Ключевые слова: правовое государство, демократические принципы, уголовная политика, общественная безопасность, правопорядок, закон, преступление, уголовная ответственность, суд, приговор, наказание, амнистия.

Annotation. the article presents the author's arguments about the prospects for the development of the legal regulation of the amnesty.

Keywords: rule of law, democratic principles, criminal policy, public safety, law and order, law, crime, criminal responsibility, court, sentence, punishment, amnesty.

Развитие правового института амнистии в Российской Федерации связано с необходимостью решения целого ряда теоретических и практических проблем.

В отечественной уголовно-правовой науке существует точка зрения, согласно которой амнистия является излишним правовым инструментом. Как было указано выше, целями амнистии являются: экономия уголовной репрессии, корректировка уголовного наказания в сторону его смягчения, а также преодоление «перенаселенности» учреждений пенитенциарной системы.

Вместе с тем, нам представляется, что нельзя трактовать цель корректировки уголовного наказания в сторону его смягчения так, как это делает П.А. Скобликов: «если государство имеет стабильную политическую систему и разумный порядок управления, амнистий в нем не должно быть вообще» [4]. Рассмотрение амнистии подобным образом, то есть в качестве признания «провальности» уголовной политики государства не вполне допустимо. Получается, что если государство на самом деле является правовым, а не декларативно - правовым, то его уголовная политика отвечает требованиям правового государ-

ства и амнистий в нем проводиться не должно. Другими словами, такому акту гуманизма как амнистии в правовом государстве места нет. Однако, нельзя забывать о том, что амнистия преследует не только цель корректировки уголовного наказания, но и общегуманистические цели.

Так, по мнению П.А. Скобликова, «показательно в связи с этим, что в странах Латинской Америки амнистии касаются, как правило, лишь политических преступников; в странах англосаксонской правовой семьи, а также в ряде стран романо-германской правовой семьи (Германия, Нидерланды, Швеция и др.) институт амнистии вовсе отсутствует» [4].

Российская пенитенциарная система, в отличие от немецкой, и, тем более, от шведской, способствует скорее не исправлению преступников, а укоренению в структуре их личности криминальной направленности. Поэтому нахождение в местах лишения свободы лиц, совершивших нетяжкие ненасильственные преступления, далеко не всегда оправдано [3]. Зачастую невыносимыми являются условия содержания в российских исправительных колониях для осужденных инвалидов и беременных женщин. Освобождением по амнистии данных лиц достигаются общегуманистические цели амнистии.

Поддержки заслуживает следующее предложение П.А. Скобликова и его аргументация: «специалисты знают, что профессиональные преступники знают оптимальные время суток и дни недели, сезон, в которые вероятность их задержания минимальна. Когда амнистии являются атрибутом круглой праздничной даты, криминальный мир это тоже учитывает. Совершив преступление в преддверии такого праздника, можно значительно снизить риски наказания. Ожидание амнистии дает всплеск реальной преступности. Поэтому мы убеждены, что милосердие, привязанное к датам, надо запретить» [4].

При этом, неизбежным недостатком любой амнистии является то, что в ее результате лица, совершившие одинаковые преступления, оказываются в неравном положении относительно друг друга и закона. Те, кто совершил преступление до амнистии, подлежат освобождению от наказания, а те, кто совершил его позже (хотя бы через два дня), должны понести наказание. Соответственно, в неравном положении оказываются и лица, пострадавшие от одинаковых преступлений. В одном случае их обидчики получают наказание, что способствует защищенности единожды пострадавших от новых преступлений, отчасти компенсирует причиненный моральный вред и помогает компенсировать материальный ущерб, а в другом этого не происходит.

Значение имеет вопрос о круге лиц, которые могут попасть под амнистию и ее юридических пределах. Международный пакт о гражданских и политических правах в п. 4 ст. 6 провозглашает, что амнистия, помилование или замена смертного приговора могут быть дарованы во всех случаях.

Конституция РФ формально не ограничивает полномочия Государственной Думы РФ по объявлению амнистии, из чего можно сделать вывод о возможности амнистирования неограниченного круга лиц. Вместе с тем, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 июля 2001 г. № 11-П разъяснил, право нижней палаты парламента объявлять амнистию связано определенными рамками. Государственная Дума РФ, объявляя амнистию, должна руководствоваться конституционно обусловленными пределами, которые определяются, прежде всего, общеправовыми принципами демократического общества [7].

Руководствуясь принципом гуманизма и освобождая от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших наиболее общественно опасные деяния, должна соотносить их с конкурирующими конституционными ценностями. Должен обеспечиваться баланс, благодаря которому права других лиц, общественная безопасность, законность и правопорядок не были бы поставлены под угрозу. Иной подход, по мнению Конституционного Суда РФ, не согласовался бы с конституционно-правовыми характеристиками правового

государства, такими требованиями как справедливость и соразмерность регулирования общественных отношений и, в конечном итоге, противоречило бы Конституции РФ.

С точки зрения Р.М. Дзидзоева, «смысл позиции Конституционного Суда, весьма растяжимой, состоит, видимо, в том, что амнистия не должна распространяться на лиц, совершающих тяжкие преступления («деяния, наиболее опасные для охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей»). Подобная позиция выглядит натянутой, противоречащей конституционному праву Государственной Думы на амнистию, предметно не ограниченному» [2].

Однако, позиция Конституционного Суда РФ относительно пределов реализации права Государственной Думы РФ на объявление амнистии выглядит достаточно спорно и в сравнении с пределами реализации права Президента РФ на помилование, которое подобными рамками не ограничивается.

Так, по оценке В.М. Гефтер, «в стране не более одного процента людей из числа преследуемых в уголовном порядке, кто имеет шанс, правовые основания и процессуальную возможность (с учетом практически не работающих институтов полноценного помилования и условно-досрочного освобождения) остаться людьми с неизломанной судьбой, непоправимо пошатнувшимся здоровьем и социальным статусом. Или хотя бы остаться на свободе, иным образом исправляя допущенные ошибки – свои и судебно-следственного аппарата» [1].

При этом, в указанном выше Постановлении от 5 июля 2001 г. № 11-П Конституционный Суд РФ выражает позицию, в соответствии с которой право Государственной Думы РФ объявлять амнистию является дискреционным, которым нижняя палата распоряжается совершенно самостоятельно, «поскольку изначально только она одна, исходя из всей полноты, возложенной на нее конституционной ответственности, решает вопрос, в отношении какого круга деяний и лиц необходимо и целесообразно объявление амнистии».

Как законодательное ограничение амнистии можно воспринимать ст. 27 УПК РФ, согласно которой производство по уголовному делу продолжается, если обвиняемый возражает против прекращения уголовного преследования ввиду акта амнистии; если уголовное дело находится в стадии судебного разбирательства, суд доводит разбирательство дела до конца и выносит обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания, как основного, так и дополнительного, если иное не предусмотрено актом амнистии. Это ограничение вызвано тем, что амнистия является нереабилитирующим основанием освобождения от ответственности и наказания, против применения которого лицо может возражать.

П.А. Скобликов иллюстрирует это следующим примером: «власть ужесточила налоговое законодательство, введя в него нормы, которые стали непосильным бременем для налогоплательщиков. И те перестали платить налоги. Начали скрывать доходы, подавать недостоверные налоговые декларации, и все это – в массовом порядке. Потом власть опомнилась, исправила положение, сделала законодательство более разумным. Количество налоговых преступлений серьезно уменьшилось. А те, кто их совершил ранее, были амнистированы, ибо законодатель осознал долю своей ответственности за случившееся и понял, что у провинившихся нет устойчивых криминальных установок и они не будут в дальнейшем совершать преступления. В этой ситуации амнистия, на наш взгляд, вполне оправдана» [4].

В ст. 84 УК РФ не содержится упоминание о возможности и механизме судебного обжалования отказа в применении акта об амнистии. В Определении от 18 сентября 2014 года № 1828-О Конституционный Суд РФ выявил смысл положений ст. 84 УК РФ, Постановления Государственной Думы РФ от 2 июля 2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и Постановления Государственной Думы от 2 июля 2013 г. № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления Государственной Думы Федерального Собрания Россий-

ской Федерации «Об объявлении амнистии»» [6]. Их положения оспаривались в той мере, в какой в них отсутствует нормативное закрепление права на судебное обжалование отказа в применении акта об амнистии.

Конституционный Суд РФ разъяснил, что отсутствие какого-либо специального механизма судебного обжалования решений уполномоченных органов, за исключением органов предварительного расследования и суда, по вопросам об освобождении от уголовной ответственности и от наказания в связи с амнистией не позволяет само по себе толковать положения действующего законодательства как препятствующие обжалованию в суд таких решений и рассмотрению по существу соответствующих обращений.

При наличии пробела в вопросах процедуры судебного обжалования решения должностного лица исправительного учреждения или следственного изолятора должна применяться – впредь до принятия нормативного правового акта, регулирующего эти вопросы, - непосредственно ст. 46 (ч. 1 и ч. 2) Конституции РФ, которая гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и по смыслу которой решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц, в результате которых нарушены права и свободы гражданина или созданы препятствия для осуществления гражданином его прав и свобод, в том числе права на доступ к правосудию, могут быть обжалованы в суд. Соответственно, оспоренные положения не предполагают лишения права на судебное обжалование отказа администрации следственного изолятора в применении акта об амнистии [5].

Думается, что перспективы развития правового регулирования амнистии связаны с необходимостью принятия отдельного федерального закона об амнистии. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 июля 2001 г. № 11-П охарактеризовал парламентские постановления об амнистиях в качестве уникальных нормативных правовых актов в сравнении с иными постановлениями, принимаемыми Государственной Думой РФ. Объясняется это тем, что право парламента принимать постановления об амнистии закреплено непосредственно в тексте Конституции РФ. Это отличает рассматриваемые постановления от иных нормативно-правовых актов и наделяет их особой конституционной природой. В отсутствие специального закона об амнистии именно нормативные предписания, содержащиеся в постановлении об амнистии, могут и должны выполнять функцию законодательного регулирования.

Литература:

1. Гефтер, В.М. Что в итоге «широкой» амнистии: цифры против домыслов /В.М.Гефтер// Омбудсмен. 2014. № 1. С. 28–34.
2. Дзидзоев, Р.М. Амнистия как конституционно-правовое явление / Р.М. Дзидзоев // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 41–44.
3. Прохоров, Л.А. Прохорова, М.Л. Помилование как важнейший гуманистический институт демократического государства /Л.А.Прохоров, М.Л.Прохорова// Российский следователь. 2012. № 15. С. 2-4.
4. Скобликов, П.А. Современные российские амнистии: основания и последствия /П.А.Скобликов// Закон. 2014. № 8. С. 106-113.
5. Решение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2014 года» // Социальный мир. 01-08.03.2015 (извлечения). № 9.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 18.09.2014 № 1828-О «По жалобе гражданки Зубилевич Алеси Игоревны на нарушение ее конституционных прав статьей 84 Уголовного кодекса Российской Федерации, постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» и постановлением Государственной Думы от 2 июля 2013 года № 2562-6 ГД «О порядке применения постановления

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 1.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 16.07.2001. № 29. Ст. 3059.

В.Н.ГОРОХОВ,
*доцент кафедры государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин
Кубанского института социэкономии и права
(филиала) образовательного учреждения профсоюзов ВО
«Академия труда и социальных отношений»
кандидат юридических наук
(Россия)*
V.N. GOROHOV,
*Associate Professor of the State
and general theoretical disciplines
Kuban Institute of Socioeconomics and Law
(branch) of an educational institution of trade unions of the HE
Academy of Labor and Social Relations
Candidate of Legal Sciences
(Russia)*

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА В ЕАЭС

FEATURES OF COMBATING CRIMES IN THE FIELD OF CUSTOMS IN THE EAEU

Аннотация. В статье рассматривается правовое регулирование таможенных отношений в ЕАЭС – один из ключевых вопросов законодательства в едином экономическом пространстве пяти государств – членов ЕАЭС. Подчеркивается, что написанный рабочей группой Евразийской экономической комиссии Таможенный кодекс ЕАЭС сегодня является одним из обсуждаемых документов юристами, экономистами и предпринимателями. Однако, при этом нет единого правового регулирования в области таможенных правонарушений и преступлений.

Ключевые слова: ЕАЭС, Таможенный союз, Комиссия Евразийского экономического союза, Таможенный кодекс ЕАЭС, Всемирная таможенная организация, оптимизация таможенных отношений, уголовный кодекс, таможенные преступления.

Annotation. The legal regulation of customs relations in the EAEU is one of the key issues of legislation in the single economic space of six member states of the EAEU. The Customs Code of the EAEU draft, written by a task team of the Eurasian Economic Commission, is nowadays a subject under discussion between lawyers, economists and entrepreneurs.

However, at the same time there is no uniform legal regulation in the field of customs offenses and crimes.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), Customs Union, Eurasian Economic Commission, Customs Code of the EAEU, World Customs Organization, optimization of customs relations, criminal code, customs crimes.

В настоящее время – в условиях глобализации результатом интеграционных процессов является участие в мировых отношениях целого экономического региона, в котором все участвующие стороны получают преимущества. Но интеграция – это длительный процесс, в ходе которого решается огромное количество вопросов. Так, формирование Евразийского Экономического Союза (далее – ЕАЭС) России, Беларуси, Казахстана, Кирги-

зии и Армении в рамках существовавшего до этого объединения Таможенного союза – заняло около пятнадцати лет.

Официальной датой начала формирования Таможенного союза можно считать 1995 год, когда между Российской Федерацией, Республикой Казахстан и Республикой Беларусь было заключено Соглашение о создании Союза. Целью данного Соглашения было налаживание экономического взаимодействия между сторонами, обеспечение свободного товарообмена и добросовестной конкуренции.

26 февраля 1999 года был подписан Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Участниками Договора стали Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, а с 2006 года – Узбекистан. До начала 2000-х годов в странах-участниках активно шел процесс налаживания сотрудничества в различных областях деятельности (в том числе социокультурной, научной).

В 2000 году было принято решение об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Участниками сообщества стали Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация и Республика Таджикистан.

В 2003 году было подписано Соглашение о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП). Началась работа по подготовке правовой базы ЕЭП, которая в дальнейшем стала основной для функционирования Союза. Наиболее важными событиями в процессе формирования Таможенного союза стали два неформальных саммита глав государств ЕврАзЭС.

На неформальном саммите 16 августа 2006 года главы государств ЕврАзЭС приняли решение о формировании Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, в соответствии с которым Казахстану, Беларуси и России было поручено подготовить договорно-правовую базу. Через год, 6 октября 2007 года, на саммите ЕврАзЭС был одобрен и подписан пакет документов, положивших начало созданию правовой базы Таможенного союза (договоры о создании Единой таможенной территории и формировании Таможенного союза, о Комиссии таможенного союза, протоколы о внесении изменений в Договор об учреждении ЕврАзЭС, о порядке вступления в силу международных договоров, направленных на формирование договорно-правовой базы таможенного союза, выхода из них и присоединения к ним). Кроме того, утвержден План действий по формированию таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Официально с 1 января 2010 года начал функционировать Таможенный союз Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Объединившиеся государства стали применять во внешней торговле с третьими странами единый таможенный тариф и единые меры нетарифного регулирования, а также упорядочили тарифные льготы и преференции для товаров из третьих стран, начал действовать Таможенный кодекс Таможенного союза. Постепенно на внутренних границах стран-участниц Таможенного союза стали отменяться таможенное оформление и таможенный контроль, ликвидировались пункты принятия уведомлений.

В 2012 год вступили в силу международные договоры, формирующие правовую основу Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, создающие основу для свободного движения не только товаров, но и услуг, капитала и рабочей силы.

С подписанием Договора о Евразийском экономическом союзе 29 мая 2014 года страны-участницы Таможенного союза и Единого экономического пространства положили начало новому более тесному взаимодействию. 10 октября 2014 года к Договору о ЕАЭС присоединилась Республика Армения. 23 декабря 2014 года был подписан Договор о присоединении Кыргызской Республики к ЕАЭС и с 01.01.2015 года начал действовать ЕАЭС.

Мы знаем, что к 2010 году была сформирована единая таможенная территория и система таможенного регулирования, обеспечивающая свободное перемещение товаров внутри Таможенного союза, стали применяться единые таможенные тарифы при торговле с третьими странами. Очевидно, что в течение всего процесса основной и обязательной составляющей выступала разработка единой системы таможенного права. Так, стало необходимым поэтапное изменение национальных законодательств государств-членов Таможенного союза, их гармонизация и унификация. Стал разрабатываться Таможенный кодекс Таможенного союза, который затем через семь лет трансформировался в таможенный кодекс ЕАЭС (далее ТК ЕАЭС) и официально действует в пяти государствах, образующих ЕАЭС, с 01.01.2018 года.

Во многих областях таможенного законодательства, например, касающегося классификации товаров, их декларирования, проведения таможенного контроля и т.д., нормы таможенного права унифицировались, т.к. основные аспекты стали четко прописаны в ТК ЕАЭС. Но вопрос остался открытым, например, в отношении нарушений таможенных правил. При унификации таможенных норм остались без внимания нормы, касающиеся административной и уголовной ответственности за их нарушение, а также вопросы, касающиеся наказания за совершение административных и уголовных правонарушений и преступлений. Согласно ТК ЕАЭС такие вопросы решаются на уровне национального законодательства государств-членов ЕАЭС. А национальные законодательства в этой части все-таки отличаются. Отсюда и возникает множество проблем со всеми неблагоприятными последствиями. Таким образом, изучение уголовных кодексов России (далее УК РФ), Беларуси (УК РБ), Казахстана (УК РК), Киргизии (УК КР) и Армении (УК РА) в части таможенных преступлений, их сравнение и анализ на основе исследований – это актуальные задачи в настоящее время.

Необходимо также выделить общие и особенные черты, свойственные данным Кодексам, поскольку, как уже отмечалось, национальные законодательства не приведены в соответствие с международным правовым актом, к коим относится ТК ЕАЭС.

В первую очередь определимся, что понимается под преступлением в сфере таможенного дела, или таможенным преступлением. ТК ЕАЭС не содержит легального определения данного термина. Статья 354. (Правоохранительная деятельность таможенных органов) в ТК ЕАЭС содержит следующее регулирование в этой области, единое для всех пяти государств:

1. Таможенные органы являются органами дознания и (или) следствия по делам о преступлениях или уголовных правонарушениях, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств-членов.

2. Таможенные органы осуществляют оперативно-розыскную деятельность в целях выявления лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, признаваемое в соответствии с законодательством государств-членов преступлением, исполнения запросов международных организаций, таможенных и иных компетентных органов государств, не являющихся членами Союза, в соответствии с международными договорами государств-членов с третьей стороной.

Оперативно-розыскная деятельность осуществляется таможенными органами в соответствии с законодательством государств-членов.

3. Таможенные органы ведут административный процесс (осуществляют производство) по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств-членов.

4. Виды (составы) преступлений и административных правонарушений, а также порядок и принципы привлечения лиц к уголовной и (или) административной ответственности

сти устанавливаются законодательством государств-членов с учетом особенностей, предусмотренных международными договорами в рамках Союза.

5. Правовая помощь и взаимодействие таможенных органов по уголовным делам и делам об административных правонарушениях осуществляются в соответствии с международными договорами в рамках Союза и (или) международными договорами государств-членов с третьей стороной [1].

Эта статья отсылает нас к национальным законодательствам государств-членов ЕАЭС. Поэтому, опираясь на общее понятие преступлений, содержащееся в ст. 14 УК РФ, ст. 11 УК РБ, ст. 10 УК РК, ст. 18 УК РА и ст. 8 УК КР таможенное преступление можно определить следующим образом. Преступление в сфере таможенного дела (таможенное преступление) — это предусмотренное уголовным законом противоправное общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), посягающее на установленные таможенным законодательством ЕАЭС и законодательством государств-членов ЕАЭС правила таможенного регулирования.

К таким правилам относятся порядок перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу ЕАЭС, их таможенного оформления, применения мер таможенного контроля, взимания и уплаты таможенных платежей и пр. И так, противоправным деянием, посягающим на установленный порядок взимания и уплаты таможенных платежей, является уклонение от уплаты таможенных платежей. Данное преступление является опасным и распространенным, оно непосредственно посягает на экономическую безопасность государств-членов ЕАЭС, а потому содержится во всех уголовных кодексах стран-участниц ЕАЭС. Как выяснилось, четкого определения уклонения от уплаты таможенных платежей не дается ни в одном из них, но, тем не менее, во всех странах под данным преступлением понимаются умышленные действия, направленные на неуплату таможенных пошлин, налогов, сборов и иных платежей и повлекшие полное или частичное не поступление денежных средств в государственный бюджет.

Ответственность за данное преступление предусмотрена в ст. 194 УК РФ, ст. 231 УК РБ, ст. 236 УК РК, ст. 210 УК КР и ст. 205 УК РА. Анализ данных статей позволил выявить некоторые отличия. Так, только УК РФ предусмотрено, с кого должны быть взысканы таможенные платежи — диспозиция содержит указание на организации и физические лица. В статьях уголовных кодексов остальных стран это не отражено.

Согласно УК РФ уклонение признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченных таможенных платежей за товары, перемещенные через таможенную границу ЕАЭС в рамках ЕАЭС, превышает 1 млн. рублей, а в особо крупном размере — 3 млн. рублей. УК РБ устанавливает превышение в 2000 раз размера базовой величины на день совершения преступления. На настоящий момент размер базовой величины составляет 180000 BYR, что равно 641,48 RUB. Таким образом, получаем, что в Беларуси уклонение признается совершенным в крупном размере, если превышает 1282953,60 RUB. Согласно действующему с 2015 года УК РК, а именно ст. 3, аналогичное преступление понимается совершенным в крупном размере, если величина неуплаты составляет 2207336,93 RUB, из расчета, что месячный расчетный показатель равен 1982 тенге, в УК КР наказывается штрафом в размере от пяти тысяч до десяти тысяч расчетных показателей, т.е. в рублёвом эквиваленте от 420000 руб. до 840000 руб., из расчета, что месячный расчетный показатель равен 100 сом и в Армении наказывается штрафом в размере от пятисоткратного до тысячекратного размера минимальной заработной платы, т.е. при минимальной оплате труда в 55000 драмов или 6580 рублей, штраф будет 3290000 руб. до 6580000 руб..

Как можем видеть, различия существенно отличаются. Теперь рассмотрим наказания за совершение данного преступления. Итак, УК РФ устанавливает наказание в виде

штрафа (100–500 тыс. руб.), или обязательных работ (до 480 ч.), или принудительных работ (до 2 лет), или лишения свободы (до 2 лет). Также в УК РФ есть ссылка на возможность совершения данного преступления в особо крупном размере, наказание за которое ужесточается – дополняется лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Кроме этого предусмотрено наказание и за совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору. А в УК РК также необходимо отметить, что лица, добровольно уплатившие сумму пени, штрафов и т.д., освобождаются от уголовной ответственности за уклонение от уплаты таможенных платежей. Таким образом, рассмотрев данное таможенное преступление, мы можем сделать вывод, что УК РК является самым мягким в части наказания, предусмотренного за уклонение от уплаты таможенных платежей. УК РФ, напротив, уделяет данному преступлению наибольшее внимание, поскольку от привлечения к ответственности по ст. 194 «Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или физического лица» УК РФ, зависит благосостояние нашего государства.

Следующим таможенным преступлением, посягающим на установленный порядок использования товаров в соответствии с заявленной таможенной процедурой, является невозвращение на территорию страны культурных ценностей. Исследование данного преступления осложняется тем, что понятие культурных ценностей очень широкое, и каждая страна по-своему определяет, какие категории предметов относятся к культурным ценностям, устанавливает возраст данных предметов и пр. Преступления, описанные в УК РФ и УК РБ, во многом схожи, с той разницей, что используются понятия «культурные ценности» и «историко-культурные ценности» соответственно. В Российской Федерации Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 23.07.2013) «О вывозе и ввозе культурных ценностей» указывает категории предметов, подпадающих под определение «культурные ценности» (ст. 7). Согласно ст. 190 УК РФ невозвращение в установленный срок на территорию РФ временно вывезенных культурных ценностей наказывается принудительными работами (до 5 лет) либо лишением свободы (до 8 лет со штрафом до 1 млн. руб.). Ст. 230 УК РБ предусматривает наказание в виде лишения свободы (до 7 лет с конфискацией имущества или без конфискации). Важно отметить, что УК РК и УК РА не криминализируют действия, связанные с невозвращением культурных ценностей, временно вывезенных за пределы страны. А в УК КР за невозвращение предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Кыргызской Республики и зарубежных стран наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Таким образом, можно сделать вывод, что данному преступлению уделяется несправедливо мало внимания в уголовных кодексах, а ведь оно является действительно серьезным, поскольку накопленные культурные ценности определяют духовное богатство страны. Они хранят историю, являются вещественными доказательствами тех или иных фактов. Бережное отношение к культурному наследию – это признак высокого уровня развития народа. Поэтому мы, будучи страной с такой богатой историей, просто обязаны беречь культурные ценности, а самое главное, следить, чтобы все временно вывезенные ценности были возвращены.

Третье таможенное преступление, посягающее на установленный порядок перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, – это контрабанда. С каждым днем контрабанда становится все более и более негативным и острым явлением, представляющим реальную угрозу не только экономическим, но и политическим интересам государства, его обороноспособности, общественной безопасности, здоровью населения и сохранению культурного наследия. Для развитых государств одной из важнейших государственных задач является противодействие криминальным проявлениям в сфере ВЭД, а потому для

борьбы с контрабандой правоохранительные органы, в т.ч. и таможенные, объединяют свои усилия, разрабатывают все новые и новые методы выявления контрабандных товаров. Все, что связано с данным видом преступления, установлено в ст. 200.1, 200.2, 226.1 и 229.1 УК РФ, ст. 228 УК РБ, ст. 234 и 286 УК РК, ст.204 УК КР и ст.215 УК РА. Итак, все страны ТС под контрабандой понимают незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС товаров или иных предметов, запрещенных или ограниченных к такому перемещению. Говоря о незаконности, мы имеем в виду то, что такое перемещение совершается:

1. Помимо или с сокрытием предметов от таможенного контроля.
2. С обманным использованием документов или средств идентификации.
3. В сопряжении с не декларированием или заведомо недостоверным декларированием.

Изучая соответствующие статьи уголовных кодексов, мы обнаружили, что предметы контрабанды в целом идентичны. Так, страны ЕАЭС к ним относят ядовитые, отравляющие, радиоактивные вещества и средства; оружие (в т.ч. оружие массового поражения) и боеприпасы; взрывчатые устройства; материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения; стратегически важные товары и ресурсы; культурные ценности; наркотические и психотропные вещества и их прекурсоры. Как и для ранее рассмотренных видов таможенных преступлений УК РФ содержит более подробные и жесткие нормы в отношении контрабанды. Так, отличительной чертой УК РФ по сравнению с другими уголовными кодексами стран ЕАЭС является то, что контрабанда в зависимости от предмета относится к различным родам преступлений:

1. Преступления в сфере экономической деятельности (ст. 200.1 и ст. 200.2), где предметом контрабанды выступают наличные денежные средства и алкогольные и табачные изделия.

2. Преступления против общественной безопасности (ст. 226.1), где предметом являются ядовитые, отравляющие и т.п. вещества, оружие, культурные ценности, ценные виды диких животных и пр.

3. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 229.1), где предмет – наркотические, психотропные вещества и их прекурсоры.

УК РК содержит две статьи, различающие экономическую контрабанду (ст. 234) и контрабанду изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено (ст. 286).

Различие состоит в том, что к экономической контрабанде относятся те товары и предметы, которые исключаются из ст. 286 (например, культурные ценности), а также те, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу.

УК РБ в рамках одной статьи (ст. 228) аналогично УК РК рассматривает отдельно контрабанду товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к перемещению и исключенных из п. 2 (п. 1), и контрабанду сильнодействующих, ядовитых, радиоактивных веществ, наркотиков, оружия и боеприпасов и т.п. (п. 2).

УК КР и УК РА мало чем отличаются, в некоторых случаях только санкцией, а по некоторым видам контрабанды и санкции одинаковые.

Далее, во всех уголовных кодексах есть указание на возможность совершения контрабанды в крупном или особо крупном размере. Но, важно отметить, что это величина относительная применительно к законодательству каждого государства, т.е. единицы измерения «крупного и особо крупного размера» в зависимости от предмета контрабанды отличаются. Например, УК РФ предусматривает совершение деяния в крупном размере в отношении алкогольной продукции, если ее стоимость превышает 250 тыс. рублей. Крупным размером стратегически важных товаров и ресурсов признается их стоимость более 1 млн. рублей. Для наркотических средств (например, героин) преступление считается совершенным в крупном размере, если его количество составляет более 2,5 г, а в особо крупном – 1000 г.

По аналогии в УК РК крупный размер устанавливается только в стоимостном выражении, например, для наркотических средств – 2207336,93 рублей, а особо крупный – 4414673,87 рублей.

В УК РБ предусмотрен крупный размер только для товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к перемещению, равный 1282953,60 рублей. Но кодекс не регламентирует минимальные стоимость или количество наркотических, психотропных и т.п. веществ, оружия и пр., для того, чтобы их перемещение можно было считать преступлением, совершенным в крупном размере.

В Киргизии в особо крупном размере наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества, а если организованной группой – от семи до двенадцати лет лишения свободы, а что означает особо крупный размер – не указывается.

В Армении контрабанда также разделена по предметам, носит похожий характер с Киргизией, но крупный размер контрабанды определен и составляет превышение двухтысячное превышение минимальной оплаты труда на момент совершения преступления.

Далее рассмотрим подробнее наказания. Необходимо отметить, что во всех уголовных кодексах упоминаются схожие отягчающие обстоятельства, наличие которых сильно влияет на размер и вид наказания. К таковым относятся совершение преступления:

1. Неоднократно.
2. Группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.
3. Должностным лицом с использованием своего служебного положения.
4. С применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль.
5. Лицом, ранее судимым за контрабанду.

Но, важно отметить, что и схожие отягчающие обстоятельства не дают возможности говорить про схожие наказания. Так, например, УК РБ устанавливает наказание за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, совершенную группой лиц по предварительному сговору в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без конфискации. УК РК устанавливает за данное преступление наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 12 лет с конфискацией имущества, а УК РФ – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или без и с ограничением свободы до 1,5 лет или без. Как видим, общим является лишение свободы, но различны сроки, а также дополнительные наказания.

И опять же УК РФ является более жестким в этом плане. Другим примером, подтверждающим существенное различие в наказании, может служить такое отягчающее об-

стоятельство как «применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Так, согласно УК РФ контрабанда наркотиков с учетом данного обстоятельства наказывается лишением свободы на срок от 15 до 20 лет со штрафом в размере до 1 млн. рублей или без и с ограничением свободы на срок до 2 лет или без. Самое максимальное наказание, предусмотренное данной статьей, – это пожизненное лишение свободы.

УК РБ предусматривает лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без конфискации, а УК РК – срок от 7 до 12 лет с конфискацией имущества. Также необходимо отметить, что УК РК и УК РБ не предусматривают наказания за контрабанду особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов; наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (дорожные чеки, векселя, ценные бумаги и пр.); алкогольной продукции и (или) табачных изделий, что свойственно для УК РФ.

В Армении контрабанда, совершённая с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль, наказываются лишением свободы на срок от шести до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой.

В Киргизии то же самое – наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

Таким образом, видим, что различия в уголовных кодексах государств-членов ЕАЭС действительно существенны, что затрудняет применение мер уголовной ответственности за таможенные преступления в рамках ЕАЭС. Отличия обнаружились буквально во всем: в понятии того или иного преступления, величине наказания и т.д.

Необходимо отметить, что некоторые таможенные преступления относятся к таким только УК РФ. Например, ст. 189 УК РФ устанавливает такое таможенное преступление как незаконные экспорт из РФ или передача сырья, материалов, оборудования и пр., которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники. В УК других стран-участниц ЕАЭС данное преступление не рассматривается. Также важно упомянуть, что УК РФ в отношении всех таможенных преступлений является более жестким, а также детально и тщательно разработанным, он предусматривает справедливые и адекватные наказания за действительно серьезные таможенные преступления.

Но все-таки есть и общие черты, которые дают возможность говорить о том, что некая база для создания единого Уголовного Кодекса ТС существует, а самое главное, есть смысл унификации уголовного законодательства в таможенном деле.

Возможно даже, что за основу целесообразно принять УК РФ, поскольку он, как уже отмечалось, предусматривает более жесткие меры, а это наиболее эффективно в данном направлении. Важно отметить, что это и актуально, поскольку в ЕАЭС вступают или стремятся вступить все новые и новые страны, а создать единую базу, когда в составе ЕАЭС будет большое количество участников, сложнее.

Уже сейчас, при пяти странах, участники ВЭД из этих стран стараются декларироваться или рисковать при ввозе или вывозе товаров на территории той страны, где уголовное, административное и налоговое законодательство более-менее лояльное.

Поэтому над решением проблемы унификации уголовного законодательства в части таможенных преступлений необходимо задуматься уже сейчас, приняв во внимание международные политические и экономические условия.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ в последней редакции, действующей с 11.01.2018 года / <http://logos-pravo.ru/ugolovnyy-kodeks-rf-uk-rf>
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З в последней редакции, действующей с 01.06.2018 года / <http://online.zakon.kz/m/Document/?doc>
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V в последней редакции, действующей с 09.09.2018 года / <http://online.zakon.kz/m/Document/?doc>
4. Уголовный кодекс Киргизской Республики от 1 октября 1997 г. № 68 в последней редакции, действующей с 02.08.2017 года / <http://online.zakon.kz/document/?doc>
5. Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. № ЗР-528 в последней редакции, действующей с 28.02.2017 года / <http://www.parliament.am/legislation.php?ID>

В.А. ДЖЕМЕЛИНСКИЙ,
*доцент кафедры административного права
и правоохранительной деятельности
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*
V.A. DZHEMELINSKY,
*Master of Law, Assistant Professor,
associate Professor,
Department of administrative law and law enforcement
Kuban social and economic Institute
(Russia)*

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

ACTUAL DIRECTIONS OF NATURE PROTECTION ACTIVITY DISTRICT POLICE COMMISSIONER

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, касающиеся правового регулирования и организации деятельности участкового уполномоченного полиции в области охраны природной среды и природных ресурсов. Обращается внимание на проблемы, существующие в этой области правоотношений, предлагаются возможные пути их решения.

Ключевые слова: браконьерство, взаимодействие, профилактика, природоохранительная деятельность, участковый уполномоченный полиции, функции полиции.

Annotation: The article deals with issues related to the legal regulation and organization of activities of the district police commissioner in the field of environmental protection and natural resources. Attention is drawn to the problems existing in this area of legal relations, and possible ways of their solution are suggested.

Key words: poaching, interaction, prevention, nature protection, district police commissioner, police functions.

Обеспечение защиты природных ресурсов российского государства сегодня вновь становится актуальным. Этого требует модернизируемая экономика, базирующаяся на идеях сохранения имеющихся ресурсов [1].

Органы внутренних дел в системе противодействия экологическим правонарушениям, традиционно, занимают одно из ведущих мест, несмотря на то, что не являются органами охраны природы (природоохранными органами), прямо уполномоченными на это законом. Поэтому деятельность ОВД по охране объектов окружающей природной среды, можно именовать не природоохранной, а только природоохранительной.

Сегодня, сотрудники полиции непосредственно выявляют правонарушения и преступления в области экологии, охраны окружающей природной среды как повседневно, так и в условиях особых и экстраординарных административно-правовых режимов.

Наибольшую актуальность, в этой связи, представляют правонарушения и преступления, посягающие на лесные запасы, биологические ресурсы, содержащее недр, порядок утилизации мусора.

Правовой основой деятельности органов внутренних дел по охране природы, выступают нормы: Федерального закона от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2]. Кодекса

РФ об административных правонарушениях [3]. Водного кодекса РФ [4], Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» [5], Лесного кодекса РФ [6], и других нормативных правовых актов Российской Федерации и ее субъектов, изданных в пределах их компетенции.

Изучение правовых основ и организации деятельности участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), показывает, что именно на них, как на службу в структуре полиции распространяются полномочия по выявлению правонарушений и преступлений в этой области.

Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 21.12.2016 г. № 699,[7] в п. 4 содержит установление об основных задачах Министерства, среди которых, определена задача обеспечения общественной безопасности. Расширительное толкование приведенного установления, включает в себя, в том числе, и экологическую безопасность, экологические права и свободы граждан.

В этом смысле, УУП наделены административно-юрисдикционными полномочиями по правонарушениям, предусмотренным ст. 8.2, ст. 8.3, ст. 8.5, ст. 8.6, ч. 1 и 3 - 5 ст. 8.13, ч. 2 ст. 8.17, ч. 1, 2 и ч. 3 (в части перевозки заведомо незаконно заготовленной древесины) ст. 8.28, ч. 5 ст.8.28.1, ст. 8.29 - 8.32, ч.1 - 2 ст. 8.37, ст. 8.42 КоАП РФ. Выполняя функции органа дознания, УУП проводят проверки и расследуют в форме дознания уголовные дела об экологических преступлениях, согласно компетенции, отраженной в ст. 150 и 151 УПК РФ.[8] А именно, по преступлениям, предусмотренным ч.1 ст. 250, ч.1 ст. 251, ч.1 ст. 252, ч.1 ст. 253, ст. 254, ст. 256 – 258 (включая браконьерство), ст.260, ч. 1 ст. 261, ч.1ст. 262 УК РФ.[9]

Таким образом, правоотношения в области внутренних дел, включают в себя и отношения в области охраны окружающей природной среды.

Выполняя функции общего надзора, выявляя преступления и правонарушения, привлекая правонарушителей к ответственности, ОВД, тем самым, принимают участие в компенсации вреда, причиненного окружающей природной среде. То есть, выполняют одновременно правоохранительные и природоохранительные функции.

Рассматривая компетенцию УУП по охране природных ресурсов от преступных посягательств, с нашей точки зрения, следует исходить из принципа, согласно которому охрана природы – это, прежде всего, охрана государственной и муниципальной собственности, поскольку основные природные объекты - земля, недра, воды, леса, животный мир – в значительной степени являются объектами публичной собственности [10].

Однако, как мы уже отмечали выше, охрана и защита прав публичной собственности на природные ресурсы, а также охрана самих природных ресурсов, как функция полиции в целом, и, соответственно, функция УУП, законодателем не установлена. Ее можно рассматривать лишь как часть предназначения полиции, сформулированного в ст. 1 ФЗ РФ «О полиции».

Вместе с тем, в ч. 1 ст. 12 этого Закона, среди обязанностей полиции можно увидеть обязанности, которые касаются сферы природопользования и охраны окружающей среды. Анализ норм ч. 1 ст. 12 ФЗ РФ «О полиции» позволяет выделить следующие общие обязанности полиции, распространяющиеся на природоохранительную деятельность ОВД: 1) пресечение преступлений и правонарушений, посягающих на окружающую природную среду; 2) выявление причин преступлений и административных правонарушений, а также условий, способствующих их совершению, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению; 3) выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы; 4) участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (в т.ч. в области охраны

окружающей среды); 5) участие в пропаганде правовых знаний (п. 4 ч. 1 ст. 12 ФЗ РФ «О полиции»).

Рассмотрим их подробно в аспекте наиболее актуальных направлений охраны окружающей природной среды, обозначенных нами выше: противодействие правонарушениям, посягающим на лесные запасы, биологические ресурсы, содержимое недр, порядок утилизации мусора.

1. Противодействие правонарушениям, посягающим на лесные запасы.

Практика показывает, что именно силами участковых уполномоченных полиции, часто осуществляется патрулирование в лесах и особо охраняемых природных территориях в целях недопущения и пресечения незаконных порубок деревьев, и иных, сходных правонарушений [11].

Незаконная рубка древесины – весьма распространенное административное правонарушение, а, в некоторых случаях, и преступление.

Объем теневого сектора лесопромышленного комплекса продолжает расти из-за отсутствия действенного механизма надзора за соблюдением законности. На его объектах работают специально созданные структуры, ориентированные на вывоз браконьерского леса, невозврат валютной выручки, легализацию денежных средств. Ежегодно правоохранительными органами количество незаконных рубок регистрируется почти в 1,5 раза больше, чем количество всех деяний, в которых предметом правонарушений были лес и лесоматериалы [12].

В этой связи, участковые уполномоченные полиции вынуждены совершенствовать формы и методы надзорной деятельности, использовать передовые достижения науки и техники. Ведь для того, чтобы пресечь преступления, необходимо сначала найти место незаконного промысла.

Однако, например, в сибирских условиях, это не так уж и легко.

Непроходимая тайга, суровые морозы доставляют множество трудностей работе полиции.

В Красноярском крае, вот уже несколько лет полицейские активно используют данные дистанционного мониторинга, полученные из космоса. Пролетающие над регионом спутники делают снимки, которые потом проверяют в лесничествах. Это помогает выявить нарушения границ лесосек и определить законность рубок. Все сведения об обнаруженных «черных» порубках сообщаются в полицию, которая также использует беспилотники и авиацию.

Сотрудники полиции активно используют фотоловушки - специальные приборы, которые производят фото- и видеофиксацию.

Устройство с датчиком движения скрыто устанавливаются в лесу и фиксируют все происходящее. Если злоумышленники начнут незаконно рубить лес, информация об этом попадает через сотовую и спутниковую связь на пульт дежурного территориального ОВД.

Сезонные незаконные рубки деревьев помогают пресекать, ежегодные оперативно-профилактические мероприятия «Лес».

В ходе их проведения, специализированные группы УУП и представители лесничеств выдвигаются в удаленные и труднодоступные места, где задерживают правонарушителей «с поличным». Так, в течение 2016 года сотрудниками ГУ МВД России по Красноярскому краю проведено 1500 рейдов, зафиксировано более 400 случаев нарушения законодательства. В суд направлено 29 уголовных дел в отношении 37 лиц. По окончанным производством делам, причиненный ущерб составил 28,6 млн. рублей, из которых уже возмещено 19,4 млн. рублей [13].

Оперативно-профилактические операции для привлечения к уголовной и административной ответственности следует проводить не только в местах незаконных рубок леса, но, и, осуществляя профилактический обход обслуживаемого административного участка, в организациях, у индивидуальных предпринимателей, владеющих пунктами приобретения древесины.

Изученная нами практика деятельности УУП по противодействию незаконным рубкам древесины, показывает, что нередко преступление совершается группой лиц, в которой характерно распределении ролей, использование механизированных и иных транспортных средств, механизированных орудий преступления.

Анализ информации об использовании такой техники ее владельцами, арендаторами, позволяет определить: кто и когда производил (производит) незаконную рубку. Посещение в ходе профилактического обхода автопарков, гаражей, механических мастерских, позволяет установить лиц, ее совершивших, обнаружить следы преступлений. Такую информацию следует либо передавать оперативным подразделениям территориального ОВД для последующей реализации, либо использовать в ходе проведения соответствующей профилактической операции. Задержать правонарушителей и принять меры для привлечения их к ответственности. Изъять в рамках соответствующего процессуального производства орудия преступления (правонарушения). Участковому уполномоченному полиции, следует помнить, что при высокой степени латентности действия «лесоворов» находят материальное отражение не только в обстановке совершения преступления, но и в различных документах, предоставляющих право на осуществление законной деятельности. Поэтому навык анализа достоверности и полноты правоустанавливающих документов на рубку деревьев, которые он будет проверять у задержанных лиц, УУП просто необходим. Причем проверка таких документов, должна осуществляться совместно с представителем лесоохраны, прибытие которых к месту обнаружения преступления должно организовываться незамедлительно.

Считаем, что недостаточно реализована компетенция УУП в деле сохранения лесного фонда от пожаров, которые часто используют правонарушители для маскировки противоправного деяния. Между тем, эта опасность не перестает быть острой. Лесные пожары, это не только одна из основных проблем сегодняшнего дня, но и проблема ближайшей перспективы, особенно в регионах, богатых лесными массивами.

Участковый уполномоченный полиции, в этой связи, в ходе подворового профилактического обхода может проводить профилактические беседы о поведении в лесу, знакомить с правилами охраны окружающей природной среды, выявлять нарушения в области обращения с огнем в лесных массивах, контролировать меры по противопожарной безопасности на удаленных хуторах, селах, фермах, населенных пунктах.

В рамках общего надзора, УУП может наблюдать за соблюдением юридическими лицами правил безопасности на производстве, нарушение которых может способствовать возгоранию леса.

Немаловажное значение здесь имеют и рейдовые мероприятия с осмотром территорий массового отдыха граждан, прилегающих к лесным массивам, местам концентрации насаждений. Данные мероприятия, как показывает практика, проводятся совместно с представителями общественных формирований правоохранительной направленности, представителями муниципалитетов, местных поселковых администраций.

Предварительно, силами общественности, организуется наблюдение за часто посещаемыми местами, выставляются посты. Затем, после появления нарушителей, туда выдвигается оперативно-профилактическая группа, которая под руководством участкового уполномочен-

ного полиции пресекает правонарушение, составляет необходимые документы, доставляет нарушителей в дежурную часть органа внутренних дел.

2. Противодействие браконьерству.

Как справедливо замечает Е.А. Щуров, на Кубани, на территории Азово-Черноморского водного бассейна, распространено как обычное, так и т.н. «рыбное браконьерство», совершаемое способами массового истребления рыбы, за что предусматривается ответственность по ст. 256 УК РФ. Основной ущерб этими преступлениями причиняется тем районам, где сосредоточены биоресурсы и ведется их промысел [14].

Кроме «браконьеров-одиночек» и «браконьерских бригад», это преступление совершается и легально действующими рыбаками-промысловиками. В результате такого браконьерства, уничтожается большое количество ценных видов рыб, морских животных, а причиненный природе ущерб вряд ли можно возместить материально [15].

Практика показывает, что данные преступления часто выявляются участковыми уполномоченными полиции в составе специализированных мобильных групп, действующих на береговой территории Черного или Азовского морей и морских прибрежных зон – лиманов, плавней.

Для их выявления, порой необходимо использование специальных средств, транспорта, привлечение значительных сил, что во многих случаях возможно лишь при проведении комплексной (по субъектам, времени и характеру мероприятий) региональной операции, такой, как «Путина», «Браконьер» или «Азов» [16].

Для того чтобы участковые уполномоченные полиции могли эффективно выполнять возложенные на них задачи, необходима четкая правовая регламентация и исключительно функциональный характер организационных форм несения службы. В виду этого, следует подвергнуть тщательной ревизии структурное построение и организацию, а также распределение сил и средств полиции, конкретизацию ее задач и функций в рассматриваемой сфере, выбрать наиболее приемлемые формы и методы функционирования, реализации взаимодействия с иными субъектами охраны окружающей природной среды [17].

УУП традиционно наделен широкой компетенцией и инспекторскими полномочиями в сфере разрешительной деятельности в области оборота охотничьего оружия, что позволяет ему контролировать в т.ч. его использование. Ведь практика показывает, что браконьеры в большинстве случаев, используют в своих деяниях легально хранимое оружие. Состоят в охотничьих обществах [18].

Осуществляя разрешительные действия по выдаче гражданам и организациям при наличии оснований, предусмотренных федеральным законом, лицензии на приобретение гражданского и служебного оружия; разрешительные действия по выдаче разрешения на хранение или хранение и ношение гражданского и служебного оружия, на хранение и ношение наградного оружия (п. 20 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции»), УУП должен не только ставить таких лиц и их оружие на учет, но и контролировать согласно п. 21 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» как эти граждане им пользуются, на кого охотятся, какую дичь привозят домой. Для этого опрашиваются старшие по подъезду, квартальные, соседи охотника. Осматриваются места парковки и хранения используемого на охоте автотранспорта. Посещается гараж. В ходе профилактического обхода, на предмет обнаружения следов незаконно добытых животных, проводится опрос с зашифровкой цели, осматривается жилище.

В обязанности участкового уполномоченного полиции входит регулярный контроль за правильностью хранения охотничьего оружия и боеприпасов к нему физическими лицами, проживающими на вверенном ему участке [19]. По мнению 20% опрошенных нами практических работников, осуществляя осмотр оружия, необходимо анализировать количество имеющихся в металлических ящиках и сейфах боеприпасов, сопоставив эту инфор-

мацию с сезонными запретами на отстрел животных определенных видов. Осуществляя осмотр оружия при посещении его владельцев в ходе проведения профилактического обхода, УУП необходимо анализировать количество имеющихся в металлических ящиках и сейфах боеприпасов, сопоставив эту информацию с сезонными запретами на отстрел животных определенных видов.

С нашим мнением согласуется позиция М.Ю. Дворецкого и Н.А. Белкина, которые идут дальше и предлагают принять ряд необходимых мер по внесению изменений в действующее в настоящее время законодательство об отмене либо ужесточении ряда норм, регламентирующих оборот гражданского охотничьего оружия. Они считают, что с учетом наличия источника повышенной опасности, роста числа фактов травматизма при проведении сезонных охот, в т.ч. оканчивающихся летальным исходом, а также увеличением фактов браконьерства с использованием в качестве орудия преступления нарезного охотничьего оружия целесообразно увеличить стаж владения охотничьим гладкоствольным оружием для приобретения гражданами охотничьего нарезного оружия с 5 до 10 лет.

Необходимо также ограничить количество приобретаемого гражданами огнестрельного охотничьего оружия до 5 единиц по всем видам, в т. ч. нарезного охотничьего; запретить приобретение для целей охоты малокалиберного оружия, имеющего калибр не более 5,6 мм (только промысловая охота). Внести предложение на запрет использования для проведения любительской охоты всех видов нарезного охотничьего оружия, предоставив данную прерогативу только субъектам с промысловыми видами охоты. Кроме этого, в целях своевременного выявления и пресечения административных нарушений владельцами охотничьего оружия необходимо сформулировать в содержании КоАП РФ норму, предусматривающую ответственность граждан за несвоевременность уплаты государственной пошлины за право пользования объектами животного мира с последующим исключением последних из состава охотничьих коллективов (обществ) и возмездным изъятием оружия. И, наконец, в качестве основополагающих мер, направленных на снижение уровня экологических преступлений (незаконная охота), по их мнению, необходимо ужесточение уже существующих и действующих санкций, ст. 8.37, 20.8-20.13 КоАП РФ [20].

3. Обеспечение установленного порядка утилизации мусора.

Как известно, сегодня, на передний план борьбы за экологическое благополучие будущих поколений жителей Земли, сегодня выходит противодействие устройству незаконных свалок, сбросу отходов [21].

Этот вопрос стал предметом рассмотрения на самом высоком уровне – на заседании Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам.

По словам Президента Российской Федерации, он лично занимался вопросом организации запретительных мер по поводу вывоза бытовых отходов в Подмосковье. Ведь, по официальным данным, объем накопленных отходов в России достигает 100 млрд. тонн, которые занимают около 4 млн. гектаров. Лишь 13% из водоемов, находящихся возле населенных пунктов, подвергаются очистке. Президент России, Владимир Путин призвал в 2017 году, который официально объявлен годом экологии, принять комплексные меры по очистке страны от мусора [22].

Глубокий анализ поставленной задачи, позволяет заключить, что никто не сможет так успешно ее решить, как участковые уполномоченные полиции. Именно они с помощью мобилизации добровольцев, представителей неправительственных организаций по охране окружающей природной среды, общественных помощников полиции, внештатных сотрудников могут организовать дежурства на стихийных свалках и водосбросах.

Совместно с представителями государственных и муниципальных органов по охране окружающей природной среды, применить необходимые запретительные меры

Наше исследование практики природоохранительной деятельности УУП, убедительно показывает, что наиболее эффективно с проблемой противодействия незаконному устройству свалок и нарушений в области хранения мусорных отходов, может справиться именно участковый уполномоченный полиции. Мобилизуя общественность, УУП может организовать наблюдение за лицами, сваливающими мусор, загрязняющими отходами окружающую среду, пресечь браконьерство, незаконную рубку деревьев, использование огня, разорение мест обитания животных.

Законодатель, не устанавливая для УУП соответствующую компетенцию, в большинстве случаев не дает ему возможность самостоятельно и окончательно разобраться в ситуации, принять решение, относя данные вопросы к компетенции других должностных лиц и органов.

Соответственно, здесь на передний план выходят вопросы организации взаимодействия участкового уполномоченного полиции с их представителями.

Наше исследование показало, что взаимодействие между природоохранными органами и УУП необходимо усовершенствовать путем: создания новых специальных программ (алгоритмов) совместных проверок (62%); создания новых форм проведения проверок (30%); упрощения в целом инструктивного порядка взаимодействия (3%); открытия для ОВД данных экологического мониторинга (2%); получения УУП от представителей природоохранных ведомств годового графика проверок с последующим участием УУП в такой проверочной деятельности (2%).

Считаем, что сформулированные нами предложения вполне обоснованы и целесообразны, более того, они актуальны именно сегодня, когда государство, буквально, «повернулось лицом» к проблемам экологии.

Литература:

1. Природоресурсное законодательство в условиях модернизации экономики России: современные проблемы развития: монография / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С.11.
2. О полиции. Федеральный закон № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 года // Российская газета. Федеральный выпуск № 5401. 2011. 8 февраля.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Федеральный закон от 30 декабря 2001 года № 196-ФЗ / Российская газета, № 256. 2001. 31 декабря.
4. Водный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 03 июня 2006 года № 74-ФЗ (ред. от 31.10.2016) / Собрание законодательства РФ, 05.06.2006 № 23, ст. 2381.
5. О животном мире. Федеральный закон от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ (ред. от 03.07.2016) / Собрание законодательства РФ, 24.04.1995. № 17, ст. 1462.
6. Лесной кодекс Российской Федерации. Федеральный закон РФ от 04 декабря 2006 года № 200-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) / Собрание законодательства РФ, 11.12.2006. № 50, ст. 5278.
7. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 / Собрание законодательства РФ, 26.12.2016, № 52 (Часть V), ст. 7614.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.11.2016) / Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. на 30.12.2015) / Российская газета. № 113. 1996. 18 июня.
10. Грузин С.В., Соболев И.А. Охрана права публичной собственности на природные ресурсы в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 1. С.31–35.
11. Экологическое право: учебник / под ред. доктора юридических наук, профессора Ю. Е. Винокурова. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2009. С. 197.
12. См.: Королев А.В. Расследование преступлений связанных с незаконным оборотом леса и лесопродукции. Дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2009. С.3.
13. Безуглова М. Браконьеров увидят... из космоса / Щит и Меч № 43 (1539). 2016. 17 ноября.
14. Щуров Е.А. Выявление и первоначальный этап расследования незаконной добычи рыбы (по материалам Азово-Черноморского водного бассейна. Дисс. ...канд. юрид. наук. Краснодар. 2008. С.7.
15. Егоров В.В. Методика расследования незаконной охоты. Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 3.
16. Щуров Е.А. Указ. Соч. С.92.
17. Таскаев Н.Н., Егорова Н.Э. К вопросу об организации деятельности органов внутренних дел по охране озера Байкал в особой экономической зоне туристско-рекреационного типа // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. № 1 (52). С.65–70.
18. Пиндюк И.И. Организация и методика расследования незаконной охоты: Учебное пособие. Караганда, 1985. С. 8–9.
19. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции Приказ МВД России от 31.12.2012 № 1166 - [Текст]. / Российская газета, № 65, 2013. 27 марта.
20. Дворецкий М.Ю., Белкин Н.А. Оптимизация уголовной ответственности за нелегальный оборот охотничьего оружия как средство предупреждения незаконной охоты // Вестник ТГУ. 2009. № 2. С.216–218.
21. Ферару Г.С. Проблемы, тенденции и способы регулирования деятельности по обращению с отходами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 7–1 (102) С.24-33.
22. См.: Замахина Т. Владимир Путин потребовал ликвидировать крупные залежи мусора / Российская газета 25.11.2016. 13:53. // Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://rg.ru/2016/11/25/vladimir-putin-potreboval-likvidirovat-krupnye-zalezhi-musora.html>.

Т.В. МАРТЫНОВА,
*заведующая кафедрой государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин
Кубанского института социэкономики и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*

T.V. MARTYNOVA,
*zaveduyushchaya kafedroy gosudarstvenno-pravovykh
i obshcheteoreticheskikh distsiplin
Kubanskogo instituta sotsioekonomiki i prava
(filial) OUP VO «Akademiya truda i sotsial'nykh otnosheniy»,
kandidat yuridicheskikh nauk, dotsent
(Russia)*

ДОЛЖНОСТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

OFFICIAL CRIME IN THE BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

Аннотация: в статье поднимается проблема должностной преступности сотрудников органов внутренних дел МВД России. Раскрываются основные особенности преступности сотрудников ОВД. Подчеркивается повышенная общественная опасность подобных деяний.

Ключевые слова: права и свободы граждан, закон, преступность, правоохранительные органы, сотрудник полиции, должностные преступления, должностные лица, служебное положение, правовой статус, профессиональная деятельность, злоупотребление должностными полномочиями, криминальный профессионализм.

Annotation: the article raises the problem of official criminality of employees of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The main features of the crime of ATS officers are revealed. The heightened social danger of such acts is underlined.

Keywords: citizens' rights and freedoms, law, crime, law enforcement bodies, police officer, official crimes, officials, official position, legal status, professional activity, abuse of official powers, criminal professionalism.

В целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью в современных государствах обычно создается специальный аппарат правоохранительных органов, наделенных особыми полномочиями. В Российской Федерации центральное место среди подобных структур занимает полиция.

Вместе с тем, в настоящее время деятельность правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, нередко сопряжена с незаконными посягательствами на права и свободы граждан. Об этом свидетельствуют увеличившееся количество правонарушений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, в том числе непосредственно при исполнении служебных обязанностей, жалоб на их действия, поступающих в органы прокуратуры, суды и правозащитные организации.

Несмотря на проводимые Министерством внутренних дел России организационно-правовые мероприятия – трансформацию штатной структуры, принятие нормативных актов, регулирующих деятельность отдельных служб, создание и оптимизацию деятельности контролирующих подразделений и отделов собственной безопасности, реформы социаль-

ной защиты сотрудников ОВД и повышение заработной платы – рост должностной преступности сотрудников ОВД остается насущной проблемой современной России.

Е.А. Останкович и В.В. Рыбников справедливо отмечают, что, хотя в процентном соотношении преступность в среде сотрудников полиции имеет сравнительно небольшой вес в общей массе преступлений, однако сам факт ее существования и неблагоприятные тенденции являются серьезным препятствием для эффективной деятельности государственных структур и соответственно здорового социального развития общества.

Преступления, совершаемые сотрудниками полиции, имеют повышенную общественную опасность, подрывают саму основу существования правоохранительных органов, снижают авторитет органов внутренних дел и формируют негативное отношение населения к ним [3].

В силу специфических функций, которые выполняют сотрудники органов внутренних дел, а также сложности и многоаспектности всей правоохранительной системы, «возникает необходимость создания организационно-правовой базы борьбы с должностными преступлениями именно сотрудников полиции как отдельной группы должностных лиц, обязательно учитывая их психологические особенности» [3].

А.Н. Варыгин описывает структуру преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, следующим образом:

1) преступления, непосредственно связанные с выполнением сотрудниками своих служебных обязанностей, так называемые «профессиональные» преступления. «Профессиональные» преступления сотрудников органов внутренних дел – совокупность уголовно наказуемых деяний, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел при исполнении своих непосредственных профессиональных или служебных обязанностей, посягающих на нормальную работу правоохранительных органов, интересы правосудия, а также законные права, свободы и интересы граждан. Эти преступления характеризуются тем, что они: 1) совершаются благодаря занимаемому должностному (служебному) положению сотрудника; 2) совершаются вопреки интересам службы; 3) посягают на нормальную работу правоохранительных органов и подрывают их авторитет; 4) существенно нарушают охраняемые законом права, свободы и интересы граждан.

Их не следует рассматривать в плане криминального профессионализма как вида деятельности, предполагающего наличие определенной криминальной подготовки, необходимой для совершения и сокрытия преступлений. Характер таких преступлений определяется профессиональной, должностной деятельностью сотрудника – следователя, оперуполномоченного, инспектора и т.д. То есть, это те преступления, которые, как правило, не могут совершить представители иных, не правоохранительных, не «полицейских» профессий. К ним относятся некоторые составы преступлений против правосудия и должностные преступления (преступления против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления);

2) общеуголовные преступления, связанные с правовым статусом сотрудника органов внутренних дел. К ним относятся общеуголовные преступления, совершенные ими во время исполнения своих служебных обязанностей или вне службы, но которые тем или иным образом связаны с правовым статусом сотрудника органов внутренних дел;

3) общеуголовные преступления, которые никак не связаны с правовым статусом сотрудника органов внутренних дел [1].

К ним следует отнести преступления, совершенные им в нерабочее время, в быту и т.д.

Одной из основных особенностей преступности сотрудников ОВД является преобладание в ее структуре должностных преступлений, при этом многие другие совершаемые

ими преступления (включая, «общеуголовные») нередко тесным образом связаны с данной группой преступлений, занимая на их фоне подчиненное, второстепенное положение. Серьезной проблемой остается высокая латентность рассматриваемой группы преступлений [4].

Значительная доля злоупотреблений связана все со стремлением извлечь в результате этого материальную выгоду. Рядовые сотрудники органов внутренних дел, используя форменное обмундирование, табельное оружие, спецсредства, осуществляют охрану предпринимателей или их офисов, оказывают «покровительство», образуя так называемую «крышу» коммерческим предприятиям и отдельным предпринимателям.

Используя свое служебное положение, они организуют перевозку и охрану фальсифицированной спиртной продукции, наркотиков, оружия, обеспечивая их беспрепятственный пропуск через контрольно-пропускные пункты полиции, взимают долги с лиц, задолжавших их друзьям, знакомым или за определенный процент – любым гражданам, обратившимся к ним с такой просьбой. Руководители органов внутренних дел отдают приказы своим подчиненным о прекращении уголовного преследования в отношении определенных лиц, в которых они заинтересованы, в том числе и участников организованных преступных групп, а нередко, – напротив, об их возбуждении в отношении неугодных им лиц.

К сожалению, необходимо констатировать, что данные о преступности сотрудников органов внутренних дел не выделены в отдельную статистическую категорию ни в отчетах МВД России, ни в статистических сборниках Федеральной службы государственной статистики. Кроме того, совершившие преступления сотрудники полиции, зачастую, увольняются из органов внутренних дел «задним числом». Тем не менее, такие данные можно найти в научной литературе.

Характерно, что все большее число сотрудников органов внутренних дел вовлекается в совершение «профессиональных» преступлений. Если ранее подобные преступления, например, получение взятки, совершались обычно в одиночку, то сейчас ситуация изменилась. Около 55% «профессиональных» преступлений совершены осужденными в группе, что подчеркивает повышенную общественную опасность подобных деяний. Как правило, группы состоят из сотрудников одного и того же подразделения [5].

Преступность сотрудников органов внутренних дел отличается повышенной общественной опасностью. Это связано, во-первых, с тем, что она характеризуется довольно высоким уровнем латентности. Это объясняется тем, что довольно часто сотрудники совершают преступления в отношении лиц, нарушивших закон (подозреваемых, обвиняемых, административных правонарушителей), которые, боясь ответственности, не сообщают о фактах, совершенных в отношении них сотрудниками преступлений. Кроме того, многие сотрудники органов внутренних дел обладают знаниями уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства, положениями криминалистики, что позволяет им скрывать следы совершенного преступления и избегать ответственности за него. Нередко руководители органов внутренних дел «закрывают глаза» на преступления, совершенные их подчиненными, якобы в благих целях (например, ради раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений).

Нельзя не согласиться с С.В. Вислобовым в том, что «в контексте обеспечения развития страны являются необходимым средством обеспечения стабильности развития российского общества, огромное значение приобретает работа по осуществлению грамотного и целенаправленного расследования преступлений, связанных со злоупотреблениями должностными полномочиями» [2].

Литература:

1. Варыгин, А.Н. Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук /А.Н.Варыгин. – Саратов, 2003. – 45 с.
2. Вислобоков, С.В. Противодействие должностным преступлениям в России (уголовно-процессуальный аспект) /С.В.Вислобоков//Российский следователь. 2012. № 16. С. 8.
3. Останкович, Е.А. Рыбников, В.В. Психологические особенности совершения должностных преступлений сотрудниками милиции/Е.А.Останкович и др.//Юридическая психология. 2008. № 4. С. 23–24.
4. Смирнов, А.Ю. Корыстные должностные преступления, совершаемые сотрудниками органов внутренних дел: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: Автореф. дис. ... канд.юрид.наук/А.Ю.Смирнов. - Томск, 2010. – 32 с.
5. Яни П.С. Общественно опасные последствия должностных преступлений /П.С.Яни//Законность. 2014. № 3. С. 39.

Л.П.СИДОРЕНКО,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат исторических наук
(Россия)

М.А. ОГАНИСЯН
студентка 1 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Армения)

L.S. SIDORENKO,
Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Executive Law
Kuban Social and Economic Institute
Candidate of Historical Sciences
(Russia)

M.A. OGANISYAN
A student of the 1st year of law faculty
Kuban Social and Economic Institute
(Armenia)

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА К ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОТБЫВШИМ НАКАЗАНИЕ

FORMATION OF A SYSTEMATIC APPROACH TO THE ORGANIZATION OF SOCIAL ASSISTANCE TO PERSONS WHO HAVE SERVED A SENTENCE

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемой социализации лиц, отбывших наказание в нашей стране. Приводятся примеры решения этой проблемы в других странах, которые возможны для применения и в России.

Ключевые слова: наказание, осужденные, исправительные учреждения.

Annotation. The article deals with the issues related to the problem of socialization of persons serving sentences in our country. Examples of the solution of this problem in other countries which are possible for application in Russia are given.

Keywords: the punishment of inmates of the correctional institution.

Несмотря на значительные изменения, внесенные в уголовно-исполнительное законодательство, оно до сих пор не содержит норм, непосредственно регламентирующих процесс реадaptации освобожденных лиц. В настоящий момент времени, нет даже действенного законодательного механизма, устанавливающего основы государственной политики в данной области. В этой связи было бы полезно обратить внимание на положительный опыт зарубежных стран по регулированию указанных общественных отношений. В частности, в США принята и действует специальная программа, именуемая «Защита населения путем сокращения рецидива среди лиц, вернувшихся из мест заключения», по которой для обустройства лиц, отбывших наказание в местах заключения, ежегодно выделяется 600 миллионов долларов.

Руководствуясь благими намерениями наказать лиц, совершивших преступления, им назначаются длительные сроки лишения свободы, с другой, – разрушаются социально-полезные связи, разрушаются семьи. Закон РФ от 21 июля 1993г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» даже не

упоминает об обязанности органов уголовно - исполнительной системы готовить осужденных к жизни на свободе (ст. 13 «Обязанности учреждений, исполняющих наказание»). Уголовно-исполнительный кодекс РФ хотя и определяет в числе задач оказание осужденным помощи в социальной адаптации (ст. 2), однако, практическая деятельность по решению этой задачи ограничивается тем, что они:

а) уведомляют за шесть месяцев до истечения срока лишения свободы, органы местного самоуправления и федеральную службу занятости по избранному осужденным месту жительства о его предстоящем освобождении, наличии у него жилья, его трудоспособности и имеющихся специальностях;

б) проводят в целях подготовки к освобождению, воспитательную работу по разъяснению его прав и обязанностей;

в) направляют инвалидов первой или второй группы, мужчин старше 60 лет и женщин старше 55 лет по их просьбе в дома инвалидов и престарелых;

г) обеспечивают бесплатным проездом к месту жительства, продуктами питания или деньгами на время проезда.[1]

Безусловно, что этого явно не достаточно. При формировании политики постпенитенциарной адаптации нужно исходить из того, что у освобождаемого, кроме того, что он получил в период отбывания наказания в местах лишения свободы, ничего нет. Поэтому начинать социальную адаптацию нужно еще в стенах учреждений уголовно-исполнительной системы, а для этого нужно снять все проблемы, которые возникают в ходе отбывания наказания. В частности, ст. 9 УИК РФ прямо предусматривает общественно-полезный труд, как основное средство исправления, однако, большинство осужденных в период отбывания наказания не работает. Осужденные не работают не потому, что не хотят, а потому, что государство не обеспечивает их работой. При этом основная масса осужденных – физически трудоспособное население, желающее трудиться и зарабатывать деньги, содержать родных и близких на воле. Безусловно, приведение в действие механизма по обеспечению работой всех желающих трудиться, отбывающих наказание в местах лишения свободы, несомненно, способствовало бы сохранению социально-полезных связей осужденных с внешним миром. В настоящее время весьма актуальной является проблема возврата лиц, ранее подвергавшихся уголовному наказанию, связанному с изоляцией от общества, в рамки привычной жизни в нем.

Н. Бишоп пишет, что пока освобожденные заключенные не возвращены образующими демократическое общество, они будут оставаться на обочине жизни. А будучи изгоями, они будут отвергать это общество и продолжать причинять ему вред путем совершения преступлений.

Лицу, освобожденному от наказания в виде лишения свободы, социализироваться в обществе труднее, чем всем остальным его членам. В недавнем отчете правительства Великобритании было выделено девять факторов, важных для понимания того, почему люди продолжают совершать преступления и после освобождения из мест лишения свободы. Это — место жительства, занятость для обеспечения постоянного дохода, образование. Сюда же относятся злоупотребление алкоголем и наркотиками, проблемы с психическим и физическим здоровьем, жизненные установки и самоконтроль, приспособленность к жизни — т. е. способность брать на себя ответственность и умение взаимодействовать с другими людьми, финансовое положение, долги, а также семья.

Эти факторы, по их мнению, определяют социальную изолированность бывших заключенных, исключение их из общества. Тот факт, что у них нет доступа к возможностям, правам и обязанностям обычных граждан, заключают они, приводит к тому, что они не воспринимают себя как равноправных членов общества.

Социальная адаптация — это приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для данной среды, приобретение навыков, позволяющих нормально жить бывшему лишенному свободы в обществе свободных людей.

Имеется ряд факторов, объективно осложняющих адаптацию лиц, освобожденных от наказания. Эти факторы внутренне противоречивы. По мнению Р. Кэнтон, это уменьшает их шансы воздерживаться от повторного нарушения закона и снижает их мотивацию стать законопослушными гражданами.[2] Иногда бывшие заключенные не могут четко определить, что им мешает, в чем их затруднения при адаптации и реинтеграции.

Оказалось, что трудностью, в корне перечеркивающей процессы адаптации и ресоциализации бывших заключенных, становится неприятие их самими членами общества, предъявление обществом завышенных требований к данным лицам. Явление стигмации может разворачиваться в двух формах: жесткой и скрытой.

В рамках данной теории действие не является естественно хорошим или плохим; нормальность и девиация определяются социально. Если бывший осужденный внешне или по поведению отличается от остальных членов общества, у него почти не остается шансов избежать применения к ним какой-либо формы наказания.

Это естественная реакция членов общества. Возникает так называемое девиационное преувеличение, которое ставит проблему манипулирования восприятием меньшинств и одновременного бессилия групп меньшинств в деле определения их собственных образцов или управления социальными реакциями на них.

Скрытая форма предъявления обществом завышенных требований к бывшему заключенному может разворачиваться в рамках так называемого обусловленного принятия, рассматриваемого Т. Колиндом.

Под термином «обусловленное принятие» он понимает сложившиеся в обществе правила взаимоотношений с лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. В соответствии с данными правилами бывшие заключенные должны показать свою готовность к нормальной, законопослушной жизни в обществе, всячески избегая при этом ситуаций, которые могут помешать гражданам, оценивать их как нормальных, полноценных членов общества.

Вторая часть условия и представляет скрытую форму предъявления обществом завышенных требований к бывшему заключенному. Для бывших заключенных данное положение означает невозможность самостоятельной ресоциализации.

В течение некоторого промежутка времени освобожденный может вести себя приемлемо для общества, если не почувствует угрозы собственным ценностям. Данную угрозу он наверняка не будет чувствовать, если удовлетворены его основные потребности в пище, жилище, одежде и тепле, когда нет явной физической угрозы.

Однако подобные проблемы могут возникать непосредственно после освобождения и иногда носят лавинообразный характер. Вследствие этого процесс ресоциализации может быть прерван по простой причине физической и психологической неспособности и невозможности освобожденного решить все возникающие проблемы в короткий промежуток времени. Более глубокая адаптация связана с приобретением освобожденным лицом опыта жизни на свободе. По некоторым данным, подобный опыт вырабатывается в течение двух лет, что позволяет говорить о наработке плюрализма.

Под ним понимается не только осознание различий, но и полное их понимание в конкретных ситуациях. В принципе можно говорить об осознании различий как части себя, собственной идентичности. Однако действительность требует формирования таких черт нового типа личности, как рациональность мышления и вера в эффективность науки и

медицины; психологическая приспособляемость к изменениям и восприятию нового; индивидуализм и способность к выбору — принятию самостоятельных решений относительно собственной судьбы; стремление к самоутверждению; честолюбие и высокую ценность образования.

Исследования показывают, что ценности, и стереотипы российского общества мало изменились и остаются противоречивыми и прежними. В стране большая часть населения до сих пор переживает глубокий шок, связанный с крушением системы ценностей общины и необходимостью адаптации к новым экономическим и политическим реалиям.

А потому необходима прочная и проработанная система помощи десоциализированным лицам. В европейских странах применяется практика досрочного освобождения большинства заключенных. В них действует система органов ресоциализации, работники которой курируют освобожденных.

Сама структура может носить и аморфный характер при наличии минимума организационных центров, как, например, это происходит в Швеции. Для того, чтобы следить за выполнением условий освобождения, назначаются профессиональный и общественный опекуны.

По мнению некоторых исследователей, преступное поведение молодежи не находится в тесной зависимости от таких характеристик, как образование или квалификация родителей, структурная неполноценность семьи, материально - бытовые условия жизни с заключенными в период опеки после освобождения.

Возникает некая ситуация выжидания, в котором первый шаг сделан освобожденным, и для подтверждения его правильных с точки зрения общества намерений требуется второй шаг. Только после этого возможно встречное движение со стороны представителей общества.

Попытка обойти проблемы ресоциализации со стороны общества может быть представлена как негласный договор, заключенный между освобожденными из мест лишения свободы и остальными «нормальными» гражданами, по условиям которого первые прилагают все усилия по адаптации к условиям общества, а вторые не напоминают взамен об их прошлом. Данные усилия освобожденного, направленные на получение статуса законопослушного гражданина, должны иметь определенные границы, структуру и объем, несмотря на качественные его характеристики. Низкое качество проявляемых со стороны освобожденного лица усилий в определенных пределах может прощаться, однако объем данных усилий никак не прощается. Освобожденный должен стараться вести себя в определенных рамках: не слишком мало действий (бездействия) и не слишком много, дабы не переигрывать.

Границы усилий освобожденного складываются из того, что освобожденные, согласно данному негласному договору, не могут себе позволить конфликтовать, протестовать, отзывать о других плохо, опаздывать на работу. Структурность же подразумевает последовательное получение права на нормальное общение.

Могут быть предложены и другие стратегии поведения освобожденного лица. Для примера можем привести стратегию самосовершенствования, под которой стоит понимать познание самого себя для дальнейшего полноценного включения в социум. Но она сразу же упирается в наличие материальной и временной основы для самопознания, что во многих случаях делает его нереальным для большинства российских граждан. Но главное замечание заключается в том, что освобожденный, однажды заключив негласно (или гласно) данный договор, впоследствии не сможет выйти из него, расторгнуть его в одностороннем порядке.

Соответственно условия данного договора должны дать освобожденному лицу возможность выполнять свои обязанности, выдвинутые обществом. Данный договор должен содержать в качестве его существенных элементов возможное нарушение условий со стороны освобожденного в той форме и интенсивности, которая будет проистекать из общего биолого-психологического человеческого несовершенства.

В частности, оно выражается в том, что освобожденному лицу будут необходимы определенные периоды измененных состояний сознания, одиночества, другие насущные биологические потребности, не стыкующиеся с идеализированными требованиями со стороны общества. Вместе с пониманием данного положения условия должны содержать механизм взаиморегуляции, приведения в соответствие меняющихся условий.

С другой стороны, в договоре должны содержаться и существенные элементы, препятствующие завышению требований к освобожденному лицу. В качестве таковых можно было бы предложить условия конкретизации требований общества, исключение неопределенных требований.

Таким образом, адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы после отбытия наказания, должна в обязательном порядке включать в себя всю работу по разъяснению, совместной проработке имеющихся в обществе феноменов и обучению применению эффективных стратегий. В данный процесс, построенный по педагогическим схемам прикладного характера, должны быть включены разделы по изучению освобожденными форм стигматизации, которые их ожидают в будущем; форм и методов преодоления последствий подобного отношения представителей общества; реальные ситуации и их применение на практике с практической их проработкой под руководством опытного специалиста.

Без решения указанных проблем вряд ли возможно говорить о снижении преступности в России, эффективности деятельности уголовной юстиции, а в конечном итоге — об эффективности и большой роли уголовного права в жизни общества.

Литература:

1. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» : Закон Российской Федерации от 21.07.1993 N 5473-1(ред. От 28.12.2016)
2. Бишоп Н.Е. Европейские правила применения общественных санкций и мер: привлечение и участие общественности / Сборник материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (Саратов, 16—20 сентября 2004 года) / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. 70 с.

А.А. СИДОРОВ,
*доцент кафедры административного прав
и правоохранительной деятельности,
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*
A.A. SIDOROV,
*associate professor of the department of administrative rights
and law enforcement activities,
Kuban Social and Economic Institute
candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ИСТОЧНИК ПОЛУЧЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

**INVESTIGATION ACTIONS AS SOURCE OF OBTAINING
CRIMINALISTIC INFORMATION: INSPECTION OF PLACE OF ACCIDENTS**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы получения криминалистической информации в ходе осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия; гомологическая, предметная, документальная информация; биологические следы; социальные следы; негативные обстоятельства; материальная обстановка; системно-структурный подход.

Annotation. In article is considered questions of obtaining criminalistic information during inspection of the scene.

Key words: inspection of the scene; homological, subject, documentary information; biological traces; social traces; negative circumstances; material situation; system and structural approach.

Осмотр происшествия это чрезвычайно важное в информативном плане следственное действие, в его процессе может быть получена: гомологическая, предметная, документальная информация.

Вся эта информация представляет собой взаимодействие и воздействие друг на друга информационных полей преступника (преступников) и потерпевшего (потерпевших).

На месте происшествия могут отобразиться биологические и социальные следы преступника и потерпевшего определяющие его индивидуальность. Которые на месте происшествия образуют единую систему, являясь её элементами (подсистемами). К биологическим следам относятся: следы рук, ног, крови, волосы, зубы, выделения человеческого организма и др.

Социальный элемент, профессиональные навыки преступника могут отображаться, например, в сфабрикованных финансовых документах, в созданных вирусных программах, взрывных устройствах выдающих почерк сапёра и др. Антисоциальная сущность преступника может повлиять на способ совершения преступления и т.д. Психологические особенности, имеющие биологические и социальные корни могут выразиться в характере преступных действий, так известны случаи когда преступник берет вещи принадлежащие потерпевшему не представляющие особой ценности и в последствии хранили их у себя.

Возможны так же другие проявления психологических аспектов информационного поля человека в его преступных действиях.

Все эти биологические, социальные и психологические свойства личности преступника находят своё отражения и на месте совершения преступления.

Информационный подход к расследованию и к осмотру места происшествия в частности обусловили изучение каждого предмета, отображения, явления не самих по себе, а как элементы сложной динамической системы, в их совокупности. Данная система имеет свое содержание, развитие и ограничена временными и пространственными рамками.

Методика изучения места происшествия его материальной обстановки осуществляется с помощью структурного подхода. В первую очередь исследуются простые подсистемы, потом – более сложные; в начале исследуют сами подсистемы, далее – связи этими элементами; при этом в начале исследуют простые связи, потом – более сложные.

Системно-структурный подход к изучению материальной обстановки места происшествия отразился в предложенных Г. Л. Грановским ситуалогических исследованиях, при которых материальная обстановка преступления рассматривается как целостная система [4. С. 104].

Исходя из этого, главной задачей системного подхода является выявление и исследование всех элементов (подсистем) и связи между ними. Следующая задача – исследуя статические связи между подсистемами, установить динамические связи с помощью декодирования источников и носителей информации (следов и механизма их образования). Результатом реализации указанных задач является установление на месте происшествия действий преступника, иных участников события преступления, последовательности этих действий, с помощью каких средств и инструментов достигался преступный результат. В ходе установления указанных обстоятельств в криминалистике выделяют следующие ситуации: 1) обнаруживаемую следователем; 2) сложившуюся в результате совершения преступления, если к моменту следственного осмотра она была изменена; 3) начальную, т. е. существовавшую до преступления; 4) промежуточные, т. е. формировавшиеся на различных этапах события [5. С. 7].

Анализ места происшествия с точки зрения Ю. И. Ильченко даёт возможность выяснить, какие из промежуточных ситуаций могли возникнуть, а какие не могли. Важное значение при этом играет применение в осмотре полученных сведений о типичных или исходных ситуациях.

Следовательно, исследование ситуации заключается «в познании системности и в ретроспективном мысленном моделировании тех систем, которые характеризуют прошлые (исходную и промежуточные) ситуации» [9. С. 360].

Следователь проводит ситуационный анализ места происшествия, используя помощь специалистов.

Специалист на месте происшествия оказывает: организационно-тактическую помощь, которая состоит в ознакомлении следователя с обстановкой места происшествия, условиями производства осмотра, выбору безопасных и наиболее правильных методов и приёмов получения доказательственной информации, в фиксации в протоколе такой информации. Научно-техническую помощь по обнаружению, закреплению и изъятию доказательственной информации. Осуществляет консультативную помощь, которая обеспечивает полноту исследования материальной обстановки места происшествия, при этом следователь координирует его деятельность.

Руководящая роль следователя закреплена в уголовно-процессуальном законе, поскольку объектом исследования при ситуационном анализе выступает целиком событие преступления, а не некоторые его отражения, зафиксированные на различных объектах

материальной обстановки. В компетенцию специалистов входит анализ отдельных элементов события, связей между ними, исследование частной подсистемы события. В ряде случаев вероятен также и совместный анализ смежных подсистем на основе комплексного исследования объектов. Тем не менее, окончательное решение о преступном событии, путём сопоставления всех полученных сведений по частным обстоятельствам осуществляются следователем.

Поэтому, спорными представляются суждения о проведении «ситуационной экспертизы места происшествия», осуществляемой, как правило, экспертами различных специальностей [5. С. 104]. Потому что, такая экспертиза фактически вытеснит следственный осмотр как способ получения криминалистической информации и подменит следователя экспертом.

Исходя из сказанного, нельзя не согласиться с В.Я. Колдиным, который предложил вместо термина «ситуационная экспертиза места происшествия», употреблять термин «ситуалогический анализ места происшествия», реализуемый следователем на основе системного подхода при обязательном участии специалистов в осмотре места происшествия [9. С. 360]. Наряду с участием специалиста при осмотре места происшествия могут и должны применяться различные средства криминалистической техники для получения криминалистической информации, к ним можно отнести различные щупы, трупоиискатели, металлоискатели и др.

Говоря о получении информации на месте происшествия, необходимо остановиться и на обратном процессе – её утрате. Мы не будем затрагивать естественные процессы разрушения информации, нас интересует умышленное сокрытие заинтересованными лицами криминалистически значимой для раскрытия преступления информации. Как уже говорилось, информация может утаиваться, уничтожаться, маскироваться, фальсифицироваться на месте происшествия это осуществляется с помощью инсценировок. На них будут указывать так называемые негативные обстоятельства.

В криминалистической науке проблема негативных обстоятельств рассматривалась весьма подробно. Имеющиеся понятия негативных обстоятельств можно классифицировать на ряд групп. Так, А.Н. Васильев, В.П. Колмаков, М.П. Шаламов подходят к понятию негативных обстоятельств как «отсутствие», например, отсутствие того, что при обычном положении должно было быть [3, 6 С. 29, 12 С. 8].

Следующей группы определений придерживались Р.С. Белкин, В.С. Бурданова, А.И. Винберг и С.И. Медведев они определяли негативное обстоятельство, как «противоречие», например, противоречие представлению об обычном ходе вещей в данной ситуации [1 С. 133, 2, 7 С. 123, 10 С. 44].

К третьей группе необходимо отнести определения, Н.П. Яблокова: «негативные обстоятельства, т. е. такие фактические данные, которые, судя по развитию происшедшего события и объяснениям конкретных лиц, не должны находиться в обстановке места происшествия либо, наоборот, должны быть, но их в наличии не оказалось» и А.А. Хмырова, который высказал мнение, что «негативными следует называть обстоятельства, относящиеся к материальной обстановке места происшествия, и считать ими как отсутствие, так и наличие следов или предметов, противоречащее обстановке этого места» [8 С. 139–140].

На наш взгляд, определения первой и второй групп дополняют друг друга, поэтому позиция Н.П. Яблокова и А.А. Хмырова наиболее верная, поскольку охватывает как «отсутствие», так и «противоречие» криминалистической информации на месте происшествия.

Таким образом, негативными являются обстоятельства, относящиеся к материальной обстановке места происшествия, и считать ими как отсутствие, так и наличие информации, противоречащей обстановке этого места».

Литература:

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000.
2. Бурданова В.С. О понятии и значении негативных обстоятельств // Вопросы предупреждения преступности, Вып. 2. М., 1965.
3. Васильев А.Н. Рецензия на кн. В.И. Попова «Осмотр места происшествия» // Соц. законность, 1961, № 7.
4. Грановский Г. Л. Ситуалогические исследования места происшествия. // Труды ВНИИСЭ, № 37, М., 1979.
5. Ильченко Ю. И. Тактические приёмы исследования материальной обстановки места происшествия. // Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1965.
6. Колмаков В.П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. Харьков, 1956. С. 29, Шаламов М.П. Теория улик. М., 1961.
7. Криминалистика // Под. ред. А.И. Винберга. М., 1950.
8. Криминалистика // Под. ред. Н.П. Яблокова. М., 1995.
9. Криминалистика социалистических стран. / Под ред. В.Я. Колдина, М., 1986.
10. Медведев С.И. Негативные обстоятельства и их использование в раскрытии преступлений. Волгоград, 1973.
11. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар. 1996.
12. Шаламов М.П. Теория улик. М., 1961.

В. В. ШИПИЦИНА,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(Россия)*

V.V. SHIPITSINA,
*candidate of law Sciences, associate Professor,
associate Professor, Department of criminal procedure
Kuban state University
(Russia)*

А.Д. СУКИАСЯН,
*студент 2 курса магистратуры
Кубанского государственного университета
(Россия)*

A.D. SUKIASYAN,
*2nd year student of a magistracy
Kuban state University
(Russia)*

**ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ
РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА
В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

**THE CHARACTERISTICS OF CLASSIFICATION AUTHORITY
THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE BODY
IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Аннотация. Статья посвящена исследованию полномочий руководителя следственного органа в досудебном производстве. Рассматривается влияние контрольных полномочий руководителя следственного органа на процесс производства по делу в стадии возбуждения уголовного дела и в стадии предварительного расследования, в результате исследования предлагается внести изменения и дополнения в законодательство.

Annotation. The article is devoted to the powers of the head of the investigative body at the pre-trial proceedings. Examines the impact of powers of the head of the investigative body in the process of the proceedings at the stage of criminal case initiation and the stage of the preliminary investigation, the study proposes to introduce changes and additions to the legislation.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, законность, досудебное производство, руководитель следственного органа, классификация полномочий.

Key words: criminal justice, law, pre-trial proceedings, the head of the investigative body, the classification authority.

Руководитель следственного органа определяется уголовно-процессуальным законом как должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель (п. 38.1 ст. 5 УПК РФ). Независимо от того, в каком ведомстве действует следственное подразделение и на каком уровне, все руководители наделены одинаковыми полномочиями, закрепленными в ст. 39 УПК РФ. Руководитель следственного органа выполняет функцию процессуального контроля за предварительным следствием, которая и определяет круг его полномочий. Хотя некоторыми нормами УПК

РФ те или иные полномочия предоставлены руководителям следственных подразделений определенного уровня. Так, например, в соответствии с ч. 5 ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия до 12 месяцев вправе продлить руководитель следственного органа по субъекту РФ.

Ведомственный процессуальный контроль руководителя следственного органа представляет собой контроль за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия. Этот вид контроля оказывает прямое влияние на состояние законности при решении сообщений о преступлениях и при расследовании преступлений, поскольку осуществляется руководителем следственного органа непрерывно (ежедневно) в силу близости к объекту контрольной деятельности. Руководитель следственного органа, контролируя деятельность следователя по проверке сообщений о преступлениях и законности принимаемых решений на начальном этапе уголовного судопроизводства, имеет возможность оперативно реагировать на выявленные нарушения закона и устранять их, имеет право применить к лицам, допустившим нарушения закона, меры дисциплинарного воздействия.

Руководитель следственного органа по смыслу ст. 39 УПК РФ обязан осуществлять контроль за своевременностью действий следователя по раскрытию и предупреждению преступлений, в том числе и за правильностью и своевременностью рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях, обеспечивая при этом права и законные интересы граждан. Осуществляя функцию обвинения, руководитель следственного органа в основном выполняет полномочия по процессуальному контролю, дополнительно – по предварительному расследованию. Деятельность руководителя следственного органа в рамках полномочий по процессуальному контролю органов предварительного расследования выступает гарантией защиты интересов участников в стадии возбуждения уголовного дела.

Существуют различные классификации полномочий руководителя следственного органа. В предложенной С.А. Табаковым классификации различают три группы полномочий: «Первая – полномочия руководителя следственного органа по осуществлению контроля и руководства предварительным следствием (проверять материалы уголовного дела, давать указания и др.). Вторая группа полномочий носит процессуально-организационный характер и направлена на организацию предварительного следствия в подчиненном подразделении (поручать производство предварительного следствия, изымать уголовное дело у следователя и др.). Наконец, третья группа полномочий отражает направление деятельности руководителя следственного органа, связанное с самостоятельным устранением выявленных нарушений закона (отменять незаконные или необоснованные постановления следователя, возвращать уголовное дело следователю для производства дополнительного расследования и др.)» [1, с. 8].

Е.А. Новиков, проводя анализ процессуальных полномочий руководителя следственного органа по контролю за деятельностью следователя, подразделяет данные полномочия по следующим основаниям: 1) в зависимости от содержания: а) полномочия, обеспечивающие возможность выявления недостатков и процессуальных нарушений; б) полномочия, обеспечивающие устранение выявленных недостатков и процессуальных нарушений; 2) в зависимости от сферы воздействия: а) полномочия по контролю за деятельностью следователей по расследованию конкретных уголовных дел, затрагивающие существо уголовного дела; б) полномочия по процессуальному контролю, которые не затрагивают существа уголовного дела и связаны с определением субъекта расследования» [2, с. 16].

Л. А. Воскобитова предлагает такую классификацию его полномочий:

1) по распределению уголовных дел между следователями (полномочия по поручению производства следствия следователю, по перераспределению уголовных дел, по созданию следственной группы и др.);

2) по проверке хода расследования и контролю его качества (полномочия по проверке материалов уголовного дела, по осуществлению контроля качества расследования путем реализации права утверждать постановления следователя);

3) по руководству ходом расследования и своевременностью исправления ошибок и нарушений закона, допущенных следователем (полномочие (основное) давать письменные и обязательные для исполнения указания; полномочие по обеспечению соблюдения следователем сроков расследования и право продлевать их в случае необходимости; право отменять незаконные или необоснованные постановления следователя) [3, с. 134–137].

С.Ф. Шумилин по способу закрепления в УПК РФ различает: 1) полномочия руководителя следственного органа, закрепленные в уголовно-процессуальных нормах в виде предписаний, устанавливающих право либо обязанность руководителя следственного органа осуществлять определенные процессуальные действия (нормативные полномочия); 2) полномочия руководителя следственного органа, которые обнаруживаются путем толкования отдельных норм УПК РФ [4, с. 83–87].

Разбираясь в предлагаемых в уголовно-процессуальной литературе классификациях полномочий руководителя следственного органа, прежде всего отметим, что следует отличать организационный (административный) и ведомственный процессуальный контроль, первый реализуется руководителями в рамках организации процесса расследования, второй – участниками уголовного процесса в процессуальных формах и на основе возникающих процессуальных правоотношений. Во второй группе выделяют также ознакомительные и властно-распорядительные.

Субъектами ведомственного процессуального контроля являются руководитель следственного органа и следователь. Некоторые авторы считают, что «руководитель следственного органа имеет только процессуальные полномочия. Организационные полномочия имеет то же лицо, но выступающее в качестве должностного лица – руководителя следственного подразделения. Такие полномочия не могут быть составной частью определения участника уголовного судопроизводства» [5, с. 9]. Представляется, что организационный и процессуальный контроль за деятельностью следователя тесно взаимосвязаны, но все же нельзя отрицать важность организационного контроля, его роль в гарантировании прав и свобод граждан, соблюдении законности на стадиях уголовного судопроизводства.

Контроль со стороны руководителя следственного органа не должен лишать следователя процессуальной самостоятельности при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, за законность и обоснованность которого он несет полную ответственность. Полномочия прокурора и руководителя следственного органа по надзору и контролю за законностью и обоснованностью принимаемых решений в стадии возбуждения уголовного дела следователем и дознавателем тесно переплетаются.

Сегодня следователь, как отмечает Е.А. Новиков, не под двойным, а под тройным контролем: «... руководителя следственного органа (ведомственный процессуальный контроль), прокурора (процессуальный надзор) и суда (судебный контроль)» [6, с. 14]. Кроме того, руководитель следственного органа осуществляет полномочия, принадлежавшие ранее прокурору (внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ), тем самым поставив под сомнение самостоятельность следователя и лишив прокурора возможности реагировать на допущенные нарушения законности и обоснованности в стадии возбуждения уголовного дела.

Ранее прокуроры обладали полномочиями, дающими им возможность осуществлять фактически руководство органами расследования [7, с. 64], прокурор давал согласие на возбуждение уголовного дела, отменял незаконные постановления о прекращении уголовных дел, имел право дачи обязательных для исполнения письменных указаний следователю по уголовному делу, т. е. выполнял полномочия, присущие скорее руководителю след-

ствия, чем надзирающей инстанции. По справедливому замечанию Н.В. Веретенникова, перераспределение полномочий прокурора в пользу руководителя следственного органа есть «результат поиска оптимального сочетания функций расследования и надзора в деятельности российской прокуратуры» [8, с. 39].

Есть мнение, что «процессуальное руководство прокурора является окончательным результатом реализации его надзорных полномочий. В отличие от прокурора, руководство со стороны начальников следственных подразделений и начальника органа дознания (начальника подразделения дознания) обусловлено их внутриведомственным положением» [9, с. 15].

Считаем, что руководить следователями в процессуальном и организационном смысле должен руководитель следственного органа, а прокурор осуществлять надзор за исполнением законности согласно УПК РФ. Но по сложившемуся уголовно-процессуальному порядку процессуальный контроль, а фактически надзор, руководство за деятельностью следователей осуществляет руководитель следственного органа. В компетенцию же прокурора входит надзор в ограниченном объеме, он не может непосредственно повлиять на следователя, а действует через руководителя следственного органа, его полномочия по надзору усиливаются, как правило, ведомственными нормативными актами.

Представляется, что необходимо исключить дублирование контрольных процедур, их излишнее затягивание, поскольку, чем зарегламентированнее уголовно-процессуальные процедуры по срокам, участникам, тем дальше конечная цель контрольной процедуры – законность, обоснованность, гарантированность прав и свобод граждан.

Таким образом, для обеспечения статуса участников уголовного процесса, ее субъектов, процессуальной самостоятельности следователя в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо детально, исходя из смысла функций, осуществляемых субъектами контроля и контролируруемыми, урегулировать взаимные полномочия руководителя следственного органа, следователя и прокурора.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа имеет право поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, а также изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству. Поскольку в УПК данные полномочия не связываются с каким-то определенным этапом производства расследования, считаем, что они могут быть реализованы как в начале расследования, так и на более поздних этапах, следовательно, они распространяются и на стадию возбуждения уголовного дела. Как в этом случае нужно толковать понятие «поручения» по производству предварительного следствия нескольким следователям применительно к стадии возбуждения уголовного дела? Представляется, что в случае выявления фактов нарушения закона руководитель следственного органа согласно ч. 2 ст. 163 УПК РФ принимает решение об изменении состава следственной группы, производящей предварительную проверку по заявлению о преступлении. В рамках процессуального руководства следствием руководитель следственного органа в пределах своей компетенции может, в частности, поручить следователю проверить наличие оснований для возбуждения уголовного дела по поступившему заявлению или сообщению о преступлении, дать указания по существу проверки, по принятию мер к предотвращению или пресечению преступления, по закреплению его следов, в условиях неотложности произвести следственные действия, в том числе передать первичные материалы от одного следователя другому.

В пределах руководимого им следственного органа руководитель следственного органа вправе, изымать уголовное дело у любого подчиненного ему следователя, проверять материалы уголовного дела, находящегося в его производстве; передавать уголов-

ное дело от одного следователя другому, но с обязательным указанием оснований такой передачи. При этом руководитель следственного органа вправе разрешать споры о территориальной подследственности в пределах своей юрисдикции (ч. 5 ст. 152 УПК РФ).

Право принимать к своему производству уголовное дело (ч. 2 ст. 39 УПК РФ), на наш взгляд, важная гарантия прав и свобод граждан, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Руководитель следственного органа как наиболее опытный сотрудник осуществляет полномочия следователя должным образом, априори более качественно, чем любой следователь в его подчинении.

Руководитель следственного органа наделен правом возбудить уголовное дело в порядке, установленном УПК РФ, принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя или руководителя следственной группы, предусмотренными УПК РФ.

Более того, согласно п. 3 и 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа может лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении. То есть фактически, даже не приняв уголовное дело к своему производству, руководитель следственного органа, осуществляя ведомственный процессуальный контроль, имеет возможность не только выявить, но и устранить нарушения закона на стадии возбуждения уголовного дела, допускаемые как в ходе проверочной деятельности, так и на этапе принятия итоговых решений.

Таким образом, реализовать свои полномочия руководитель следственного органа может, в том числе отдав указания следователю в письменной форме, которые согласно ч. 3 ст. 39 УПК РФ являются обязательными для следователя. Несмотря на то, что указания могут быть обжалованы следователем руководителю вышестоящего следственного органа, считаем, что указания должны быть прежде всего мотивированными, а следователь имел право их обжаловать не вышестоящему руководителю, а прокурору, указания которого в стадии возбуждения уголовного дела должны быть обязательными.

Другим полномочием руководителя следственного органа, которое гарантирует законность и обоснованность стадии возбуждения уголовного дела, является полномочие проверять материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ).

Анализ ст. 39 УПК РФ показывает, что полномочия руководителя следственного органа сформулированы применительно к производству предварительного следствия, однако в полной мере относятся и к стадии возбуждения уголовного дела. На практике руководитель следственного органа проверяет как возбужденные уголовные дела, так и первичные материалы о совершенном преступлении, в том числе материалы, по которым следователем отказано в возбуждении уголовного дела. К этому его обязывают требования, содержащиеся в ведомственных нормативных актах. Следовательно, руководитель имеет право отменить постановление как о возбуждении уголовного дела, так и об его отказе. Такая форма контроля вряд ли эффективна и объективна. Считаем, что право отменять незаконные и необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела и об его отказе должно принадлежать прокурору.

На практике нередки случаи, когда в процессе осуществления ведомственного процессуального контроля выявляются обстоятельства, которые требуют скорейшего возбуждения уголовного дела для закрепления следов преступления, проведения неотложных следственных действий, устранения допущенных следователем нарушений. Представляется, что в целях укрепления гарантий прав и свобод участников досудебного производства необходимо дополнить статус руководителя следственного органа рядом полномочий, а именно: дополнить п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ руководителя следственного органа правом передавать от одного следователя другому материалы проверки сообщений о преступлениях;

п. 2 той же статьи дополнить указанием на право руководителя следственного органа давать следователю обязательные указания о проведении проверочных действий; дополнить ч. 1 ст. 39 УПК РФ новым п. 2.2 следующего содержания «2.2) рассматривать и разрешать жалобы и обращения лиц, привлекаемых к участию в стадии возбуждения уголовного дела;».

Еще одно полномочие руководителя следственного органа применимо к стадии возбуждения уголовного дела – рассмотрение требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия. Законодатель установил срок для рассмотрения требований прокурора, а также письменных возражений следователя на указанные требования и сообщения прокурору об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранения допущенных нарушений либо о несогласии с требованиями прокурора – не позднее 5 суток, тем самым устранив неопределенность по срокам в данном вопросе, устранив волокиту. Однако считаем, что данный вопрос должен решаться более кардинально, с предоставлением прокурору права отменять незаконные и необоснованные постановления следователя в стадии возбуждения уголовного дела.

Следует также отметить, что процессуальное руководство расследованием преступлений играет важную роль в обеспечении полного, всестороннего объективного предварительного расследования. Осуществляя процессуальное руководство деятельностью следователя, руководитель следственного органа помогает ему профессионально и эффективно решать возникающие при расследовании преступлений задачи.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что руководитель следственного органа обладает обширными полномочиями, но в целях укрепления гарантий прав и свобод участников досудебного производства необходимо устранить декларативность некоторых норм, регулирующих его полномочия.

Считаем, что необходимо найти баланс между процессуальными и организационными полномочиями руководителя следственного органа, чтобы не были ущемлены надзорные полномочия прокурора, прежде всего по вопросам контроля за принятыми решениями в стадии возбуждения уголовного дела: возбуждение уголовного дела и отказ в возбуждении уголовного дела.

Представляется, что требования об устранении нарушений федерального законодательства должны обязательно исполняться следователями, с предоставлением им возможности обжаловать такие требования прокурора вышестоящему прокурору, в связи с чем данный участок контроля будет охвачен прокурорским надзором, процедура надзора будет регламентирована по срокам, участникам, в отличие от нынешней затянутой процедуры требования прокурором устранить незаконные и необоснованные решения, в случае отказа следователя выполнить требования, обращением к руководителю следственного органа, повторного обращения прокурора и т.д. Введение в таком виде ведомственного процессуального контроля в первоначальную стадию процесса будет способствовать, на наш взгляд, действительному обеспечению прав и законных интересов личности при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях.

Литература:

1. Табаков С.А. Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.

2. Новиков Е.А. Руководитель следственного органа в российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и организационные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П.А. Лупинская. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
4. Шумилин С.Ф. Полномочия следователя: механизм и проблемы реализации. М., 2006.
5. Новиков Е.А. Указ. соч.
6. Там же.
7. Савицкий В.М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. М., 1959.
8. Веретенников Н.В. Обеспечение прокурором законности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2009.
9. Табаков С.А. Указ. соч.

В.В. ШИПИЦИНА,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного университета
(Россия)*

V.V. SHIPITSINA,
*candidate of law Sciences, associate Professor,
associate Professor, Department of criminal procedure
Kuban state University
(Russia)*

В.Э. ШИПИЦИН,
*студент 2 курса магистратуры
Кубанского государственного университета
(Россия)*

V.E. SHIPITSIN,
*2nd year student of a magistracy
Kuban state University
(Russia)*

**СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ — КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ
СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**JUDICIAL CONTROL — THE CONSTITUTIONAL GUARANTEE
JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS
OF THE INDIVIDUAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Аннотация. В статье раскрываются, особенности судебного контроля в уголовном судопроизводстве, его значение и сущность в системе реализации полномочий судебной власти. Обосновывается его комплексное значение, как эффективной конституционной гарантии прав и свобод личности и правосудия, как средства достижения цели уголовного процесса и решения его задач.

Ключевые слова: судебная власть, судебный контроль, уголовное судопроизводство, законность, конституционные права личности.

Annotation. In the article, the characteristics of the judicial control in criminal proceedings, its value and essence in the system of realization of powers of the judiciary. Substantiates its comprehensive meaning, as an effective constitutional guarantee of the rights and freedoms of the individual and justice as means to achieve the goals of the criminal process and its tasks.

Key words: judicial power, judicial review, criminal justice, law, constitutional rights of the individual.

Выступая в качестве разновидности социального контроля в уголовном судопроизводстве, процессуальный контроль есть элемент деятельности не только публичных процессуальных органов, но и других участников, так как текущая, во многом субъективная по характеру оценка хода и результатов процессуальной деятельности различными субъектами уголовного судопроизводства изначально является той специфической формой, в которой проявляет и реализует себя подобный контроль.

Говоря о проявлении элементов процессуального контроля во всех стадиях уголовного судопроизводства, его институтах и нормах, действиях и решениях участников процесса, необходимо четко различать те уголовно-процессуальные отношения, где контрольный аспект процессуальной деятельности (проверка и оценка) является доминирующим, всецело определяющим средством решения конкретной (процессуальной) задачи, основным средством достижения поставленной цели, а где лишь вспомогательным средством (одним из средств) для достижения более общей (основной) задачи процесса (стадии или института), только элементом в правовом механизме достижения итоговой цели.

В первом случае именно процессуальный контроль за основаниями, ходом и результатами (качеством) предшествующего производства по делу (действиями или решениями органов и лиц, ведущих процесс) объективно составляет сущность всей уголовно-процессуальной деятельности управомоченных субъектов уголовного судопроизводства, главное ее предназначение и основную задачу, которую необходимо решить на данном этапе. Другие аспекты названной деятельности, в том числе и доказывание, составляющее, как известно, суть всей уголовно-процессуальной деятельности, в данной ситуации не так явно проявляют себя и служат лишь средством (одним из средств) для решения этой контрольной задачи, обеспечивая эффективное ее разрешение.

Во втором случае названные элементы контроля (проверка и оценка) также присущи уголовно-процессуальной деятельности как в целом, так и в отдельных ее моментах. Однако в силу определяющего значения других, основных, задач стадии, требующих своего разрешения на этом этапе, и других процессуальных средств, объективно необходимых и активно используемых для этого, контрольно-проверочные аспекты процессуальной деятельности служат лишь средством для реализации других, главных в данный конкретный момент, составляющих названной деятельности. К примеру, средством реализации целей доказывания в стадии судебного разбирательства, предварительного расследования или в ходе производства отдельных процессуальных и следственных (судебных) действий.

Первое присуще институту судебного контроля за действиями и решениями органов предварительного расследования и прокурора на досудебном этапе; стадии назначения судебного разбирательства (как одной из форм реализации судебного контроля); судебным контрольно-проверочным стадиям российского уголовного процесса (апелляционное, кассационное и надзорное производство, а также производство (в суде) по новым и вновь открывшимся обстоятельствам).

Второе в качестве элементов процесса доказывания нередко проявляет себя в отдельных следственных и судебных действиях, направленных на собирание и проверку доказательств по делу, либо в качестве элементов процесса доказывания в стадии судебного разбирательства – при разрешении дела по существу.

В зависимости от решаемых на том или ином этапе уголовного судопроизводства задач делают процессуальный контроль универсальным и достаточно эффективным средством обеспечения прав личности в уголовном процессе, средством достижения цели процесса и решения его непосредственных процессуальных задач.

В этом плане судебный контроль есть система предусмотренных уголовно-процессуальным законом средств, направленных на реализацию конституционных функций судебной власти, призванных, в конечном итоге, к недопущению незаконного, необоснованного ограничения прав личности в уголовном процессе, к ее восстановлению в этих правах либо возможной их компенсации средствами права.

В качестве исходной посылки анализа феномена судебного контроля, верно отмечено, что истинная суть подобного контроля и социальное назначение его процедур могут

быть поняты только в контексте доктрины правового государства и гражданского общества, роли судебной власти в концепции разделения властей [1, с. 64].

Во всем многообразии взглядов на судебную власть в качестве основных можно выделить два подхода. Первый, условно названный организационным, заключается в том, что власть пытаются определить через систему судебных органов (судов), призванных к отправлению правосудия.

Так, еще И.Я. Фойницкий отмечал, что судебная власть «...образует систему подчиненных закону органов, призванных к применению законов в порядке судебного производства» [2, с. 158].

Среди сторонников подобной позиции можно назвать также С.П. Ефимичева и П.С. Ефимичева, Ю.А. Дмитриева, Г.Г. Черемных [3, с. 65, 48] и других. Если отбросить несущественные моменты в сути данного спора, то фактически власть в данной ситуации отождествляется с ее носителями (судами).

Второй, функциональный [4, с. 2], подход к пониманию судебной власти заключается в определении ее в качестве предусмотренной законом формы деятельности государственных органов, которая осуществляется путем рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях споров о праве. Таким образом, в рамках данного подхода власть фактически отождествляется с правосудием как особой (высшей) формой деятельности судебных органов.

В.А. Лазарева справедливо обращает внимание на то, что эти «различия» в определении сущности судебной власти не следует преувеличивать, а тем более противопоставлять друг другу, так как каждое из них лишь с разных сторон всесторонне характеризует одно и то же явление, в каждый конкретный момент лишь акцентируя внимание исследователя на том или ином признаке судебной власти, которые в реальности всегда находятся в диалектическом единстве, взаимно дополняя и обогащая друг друга. Вне этого единства судебная власть просто не существует как целое, как правовая реальность, ибо организационный признак выражает то, что судебная власть осуществляется исключительно судами, а функциональный указывает на форму реализации этой власти посредством указанной в законе процедуры. Поэтому не может существовать объективно ни само полномочие вне органа, которому оно принадлежит, ни управомоченный государственный орган без присущих ему полномочий. Отсюда следует, что судебная власть не тождественна ни судебной системе, ни правосудию, если они взяты в отрыве друг от друга.

Определение сущности судебной власти объективно невозможно без определения ее функций и форм реализации. В теории права как тот, так и другой вопрос все еще является дискуссионным. В данной связи мы не можем согласиться с излишне категоричным мнением В.А. Лазаревой о том, что в силу положений ч. 2 ст. 118 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе РФ» в теории правовой науки уже практически не осталось сомнений по поводу возможных форм реализации судебной власти [5, с. 25].

Конечно, надо признать, что в силу названных норм судебная власть реализуется посредством конституционного, гражданского, административного, уголовного судопроизводства. Необходимо признать и тот факт, что реальной формой реализации названной власти является правосудие. Однако известно и то, что термин «правосудие» (пока) нормативно закреплён только применительно к уголовному и гражданскому судопроизводству. В том, что и другие формы судопроизводства по сути являются такими же формами отправления правосудия, пока подобной ясности нет [6 с. 108–116], а потому вопрос (о возможных формах реализации судебной власти) все также остается дискуссионным, несмотря на утверждение В.А. Лазаревой. На наш взгляд, нормативное понятие правосудия объективно нуждается в дальнейшей, уже признанной в теории правовой науки, дифферен-

циации, охватывая собой все возможные формы реализации конституционных полномочий судебной власти.

Нет единства взглядов и в вопросе о функциях судебной власти. Так, В.А. Ржевский и Н.М. Чепурнова, на наш взгляд, не определившись в исходных методологических посылах своего исследования, к формам осуществления судебной власти относят такие не совпадающие друг с другом категории, как «правосудие», «надзор за судебной деятельностью нижестоящих судов со стороны вышестоящих», «судебное управление, судебный контроль в области исполнительной власти» и «судебный конституционный контроль» [7, с. 96].

Иного мнения придерживается В.В. Скитович, который правосудие, юрисдикционный контроль, формирование судейского корпуса и руководство судебной практикой относит не к формам осуществления, а к функциям судебной власти [8, с. 150]. По мнению же В.П. Божьева, единственной функцией судебной власти является отправление правосудия. Что же касается судебного контроля, формирования судейского корпуса и руководства судебной практикой, то это полномочия судебной власти, виды ее реализации [9, с. 17]. В теории права все чаще высказывается мнение о том, что судебная власть выполняет только две основные функции – правосудия и конституционного контроля [10, с. 9, 10].

Понимая под функцией основное направление деятельности или реализации какого-либо явления, названные авторы в этом предельно принципиальном вопросе «забывают» учесть методологически важное положение о том, что в соответствии с устоявшимся в теории права мнением функции государства и функции его органов не совпадают. Поэтому правосудие (и судебный контроль как особая форма его проявления) есть функция не столько самой государственной власти, сколько соответствующих (судебных) органов государства. Конституция РФ, в ст. 118 однозначно указывает на то, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется судом». Подчеркнем, судом, а не ветвью государственной власти. Власть же судебная должна иметь свою функцию, выражающую основные направления ее реализации, роль и социальное назначение в обществе.

В силу прямого действия конституционных норм именно права и свободы личности не только всецело определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной властей, но и обеспечиваются правосудием (ст. 18, 46, 118). Более того, именно правосудию принадлежит ведущая роль в этом направлении государственной деятельности. Поэтому именно конституционная функция судебной защиты названных прав и свобод личности, а в данной связи и интересов государства и общества (в случае их нарушения), прямо или опосредованно закреплена в ст. 2, 18, 45, 46, 52, 118 Конституции РФ, составляет сущность и основное направление деятельности судебной власти [11, с. 115]. Функция, которая реализуется посредством отправления правосудия, призванного, в конечном итоге, к разрешению социально-правового спора сторон средствами уголовного, гражданского, административного, конституционного (ст. 118 Конституции РФ) [12, с. 440].

Таким образом, критерием подлинной независимости и самостоятельности судебной власти в государстве и обществе является ее способность реально обеспечить безопасность личной свободы граждан, осуществить эффективную защиту их прав и свобод от посягательств различного рода.

Подобный подход к определению функции судебной власти не является чем-то принципиально новым в теории правовой науки. В своих исходных моментах он сложился и получил свое дальнейшее развитие в трудах дореволюционных российских ученых.

Так, еще И.Я. Фойницкий справедливо указывал на то, что «государственная задача судебной власти – ограждение прав, законом дарованных, против всех нарушителей их.

Суд ограждает права государственные, общественные и личные. Но в основании всех прав личности лежит ее свобода. Поэтому естественно, что одной из важнейших функций судебной власти признается ограждение свободы личности, на стражу которой становится суд для устранения посягательств, направленных против нее как преступными действиями частных лиц, так и распоряжениями властей посторонних. Самостоятельной и независимой в отношении внешнем судебная власть может быть признана только там, где она в состоянии доставить действительную безопасность личной свободе против посягательств всякого рода» [13, с. 183–184].

С.И. Викторский и С.В. Познышев неоднократно подчеркивали, что власть судебная должна не только всесторонне рассмотреть уголовное дело по существу, но и «осуществлять закон, утверждать его господство в жизни, бороться с произволом и насилием» [14, с. 87–88].

В теории российской правовой науки, практически господствующим стало мнение о том, что только наличие и реализация этой правозащитной функции дает основание характеризовать государство как демократическое и правовое [15, с. 61, 239]. Поэтому выделение судебной защиты в самостоятельную конституционную функцию государства обусловлено как объективными потребностями гражданского общества, так и потребностями самоограничения произвольности действий самого государства, ибо полномочия власти «легитимны лишь в пределах соблюдения прав человека. Нарушение общепризнанных стандартов в этой области служит основанием для изменения статуса самой власти».

Реализуя себя в деятельности суда по разрешению социальных конфликтов правового характера, судебная власть в конечном итоге призвана к восстановлению, компенсации или защите средствами права нарушенного или оспариваемого блага граждан, государства или общества, обеспечению баланса их интересов, а также взаимной ответственности друг перед другом. Оставаясь беспристрастным арбитром, суд (реализуя судебную власть во всех ее формах), с одной стороны, обеспечивает всем гражданам, независимо от их роли и статуса в споре, реализацию гарантированного Конституцией РФ права на судебную защиту (ст. 46), с другой – защищает интересы самого государства и общества от тех его членов, которые не признают или нарушают принятые (в качестве общеобязательных) правила поведения в данном обществе.

С этих позиций представляется необоснованным отнесение к функциям судебной власти полномочий суда по толкованию правовых норм, руководству судебной практикой, судебному управлению, формированию судебного корпуса и т. п. направлениям организационно-управленческой деятельности суда как структурно обособленного органа государственной власти, реализующего весь комплекс или отдельные из названных функций [16, с. 215–216].

Поскольку по самой своей сути эта деятельность не направлена на разрешение социально-правового спора сторон в сфере общественных отношений, она, соответственно, не выражает социальной роли и назначения судебной власти в государстве и обществе. Поэтому конституционной функцией судебной власти является судебная защита, восстановление или компенсация нарушенных, или оспариваемых прав личности; защита законных интересов личности, государства и общества посредством разрешения (средствами правосудия) социально-правового спора сторон. Формой реализации этой конституционной функции является отправление правосудия, которое, в свою очередь, реализуется методом конституционного, уголовного, гражданского, и административного судопроизводства.

Предусмотренные законодателем формы отправления правосудия одновременно являются (конкретными) формами судебной защиты прав, свобод и законных интересов личности, интересов общества и государства. Отсюда необходимость предельной ясности

в вопросе о правовой сущности самого правосудия, формах его проявления в рамках того или иного судопроизводства (ст. 118 Конституции РФ), его цели, объекте и предмете, а равно реальном соотношении этой правовой категории с другими.

Более того, следует отметить, что именно судебная защита представляет собой основу государственной защиты личности, подчиняющей себе все остальные, внешние и внутренние, функции государства.

Судебный контроль – самостоятельное предусмотренное законом средство, направленное на реализацию конституционных функций судебной власти. Формой реализации, которой, в свою очередь, является отправление правосудия, а методом реализации уголовное и, отчасти, конституционное, судопроизводство.

Применительно к институту судебного контроля в российском уголовном процессе, необходимо различать те процессуальные отношения, где контрольный аспект деятельности (проверка и оценка) является доминирующим, всецело определяющим средством решения процессуальной задачи, основным средством достижения поставленной цели, а где лишь вспомогательным средством (одним из средств) для достижения более общей задачи процесса; всего лишь элементом в механизме достижения итоговой цели.

Литература:

1. Лазарева В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение: лекции-очерки. Самара, 2000.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996.
3. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Всеобщая декларация прав человека и реализация ее положений в сфере уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 1999. № 7-8; Дмитриев Ю.А., Черемных Г.Г. Судебная власть в механизме разделения властей и защите прав и свобод человека // Государство и право. 1997. № 8.
4. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916. С. 2.
5. Лазарева В.А. Указ. соч.
6. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1998.
7. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Указ. соч.
8. Скитович В.В. Судебная власть как системное образование // Правоведение. 1997. № 1.
9. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. В.П. Божьева М., 1996; Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права // Журнал российского права. 2000. № 12.
10. Абросимова Е.Б. Судебная власть: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1991; Масликов И.С. Судебная власть в государственном механизме Российской Федерации: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1997.
11. Судебная защита прав и свобод граждан / под ред. В.П. Кашепова. М., 1999; Стецовский Ю.И. Судебная власть: учебное пособие. М., 1999.
12. Конституционное право: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 1998.
13. Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2.
14. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
15. Байтин М.И. Понятие и классификация функций государства // Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 1994.
16. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1991.

III раздел
**«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных
социально значимых интересов»**

Д. А. ДАДАШЕВА,
*студентка 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

D.A. DADASHEVA,
*2 year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ**

**CRIMINAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION:
CONCEPT AND VALUE**

Аннотация. Данная статья посвящена анализу содержания понятия «уголовная политика». По мысли автора, направление современной российской уголовной политики должно опираться на национальные и культурные ценности нашей страны.

Ключевые слова: уголовная политика, профилактика преступности, подходы к изучению преступности.

Annotation. This article is devoted to the analysis of the content of the concept of "criminal policy". According to the author, the direction of modern Russian criminal policy should be based on the national and cultural values of our country.

Key words: criminal policy, crime prevention, approaches to the study of crime.

Изучая дисциплину «уголовное право», я заинтересовалась одной из глобальных тем российского права: «Уголовная политика в РФ». Она включает в себя множество различных аспектов, таких как понятие, содержание, методы и принципы. Следует отметить, что уголовная политика стремительно развивается вместе с уголовным правом. Это объясняется необходимостью усиления борьбы с опасными формами преступности- наркомагией, насильственными преступлениями, терроризмом, коррупцией и т. д. Именно уголовно-правовая политика способствует борьбе с преступностью, обеспечивает снижение ее показателей в стране различными методами, в том числе с помощью криминализации, декриминализации, пенализации и депенализации.

Уголовная политика является первоначальной ступенью борьбы с преступностью. На ее основе формируется тактика и стратегия криминологической, уголовно-исполнительной и уголовно-процессуальной политики, которая разумно реагирует на все виды преступных деяний и способствует ее реализации в дальнейшей жизни общества и государства. Можно смело утверждать, что с одной стороны, она представляет собой специфический характер деятельности государства, связанной с работой правоохранительных структур и с определением принципов уголовной ответственности, но с другой стороны, уголовная политика способствует защите определенного государства своими методами,

тем самым охраняет общество и государство от различных преступлений, имея свой собственный механизм реализации в уголовном законе.

Многие ученые исследуют развитие уголовного права и выделяют тенденцию к совершенствованию уголовно-правовой политики. Остановимся на основных подходах к определению данного понятия.

По мнению А.И. Коробеева, А.В. Усса и Ю.В. Голика, «уголовная политика в традиционном ее понимании есть генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений». Я считаю, что уголовная политика и есть определенный цикл жизнедеятельности общества, потому что не государство влияет на уголовно-правовую политику, а действия людей и уровень преступности в обществе. Конечно же, государство не может не реагировать на преступность, но государство только устанавливает ряд принципов и мер наказаний, тем самым определяет содержание уголовной политики.

В науке предпринята классификация существующих взглядов на определение уголовной политики [2]. М.Ю. Воронин считал, что их можно разделить на несколько групп:

1. Взгляд, в соответствии с которым уголовная политика заключается, главным образом, в осуществлении мероприятий по социальной профилактике преступности, воздействующей на ее детерминанты.
2. Подход, в соответствии с которым уголовная политика включает в себя всю совокупность мер уголовно-правового воздействия на преступность.
3. Широкий спектр мер, начиная от уголовно-правовых и заканчивая мерами социального развития.

Следует отметить, что уголовная политика воспринимает достижения различных наук криминального цикла, а потому рассматривает преступность с одной стороны, с точки зрения социологии, а с другой, – антропологии и биологии. Под антропологией или биологией понимают телесные и моральные особенности преступника, по которым можно определить склонность к совершению преступлений. Начало разработке уголовной антропологии положил Чезаре Ломброзо, великий итальянский тюремный врач и психолог. Многие ученые считают его основоположником уголовной антропологии. Его самая значимая идея о прирожденном преступнике состоит в выделении четырех видов преступников: вор, насильник, душегуб и жулик.

Ломброзо так рассуждал о преступниках: «Он не знает чувства сострадания, не понимает раскаяния, нет у него совести. Он пустой, атеист, тщеславный, лентяй, легкомысленный, любит женщин и предаётся половым излишества, а также в некотором в виде более хитрый, чем умный».

Рассмотрим другой подход к исследованию преступности как явления, которому противодействует уголовная политика – социологический или статистический. Это научное исследование преступления как основополагающего общественного явления и изложение социальных условий преступления [3]. Здесь подразумевается индивидуальная особенность человека, который совершает преступное деяние. Откуда у человека появляется желание совершения преступления? Адольф Кетле утверждал, что любой социальный строй предполагает определенное количество и определенный порядок преступлений, вытекающий из его организации. Другие ученые писали, что это патологический характер

преступности и опасное явление для общества. Возможно даже, что это зависит от поведения или личности родителя, чей ребенок совершил какое-либо преступление.

Что касается статистики, то это наиболее объективная информация о показателях преступности, по которой и можно корректировать уголовную политику государства. Так, в январе-июне 2017 года зарегистрировано 1030,2 тысячи преступлений, или на 12,9% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Снижение регистрируемых преступлений отмечено в 76 субъектах Российской Федерации. 92,1% всех зарегистрированных преступлений выявляется органами внутренних дел, 4,4% из них – на стадии приготовления и покушения. Более 41% преступлений регистрируется в республиканских, краевых и областных центрах, пятая часть – в сельской местности, где преступлений зарегистрировано на 13,2% меньше, чем за январь-июнь 2016 года [4].

Каково же значение современной российской уголовно-правовой политики в жизни общества? Все уголовно-правовые нормы закреплены в УК, следовательно, можно сделать вывод, что закон – это статическое выражение политики. Конечно же, отдельные члены общества могут говорить: «Уголовная политика не имеет значимости в современном мире». Я не согласна с этим мнением. В 2018 году уголовному закону исполнится 22 года. За это время он вырос в треть и считается ядром современной уголовной политики, то есть началом отраслевых политик в сфере борьбы с преступностью. Сотрудники правоохранительных органов, следуя предписаниям УК, спасают многих людей, а в какой-то мере направляет их на истинный путь жизни.

Представляется, что уголовная политика России в условиях современной непростой международной обстановки должна ориентироваться на дальнейшее укрепление национальных ценностей. Немаловажное значение здесь имеет постоянное внимание к этой проблеме со стороны Президента и Правительства Российской Федерации.

В.В. Путин: Смысл всей нашей политики – это сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России. Поэтому наши усилия направлены на поддержку традиционных ценностей и семьи, на демографические программы, улучшение экологии, здоровья людей, развитие образования и культуры [5].

С тех пор как В.В. Путин стал управлять нашей страной, я заметила стабильную позитивную динамику уголовной политики, а именно социальную и государственную работу по совершенствованию ее различных направлений. Воплощен курс на декриминализацию ряда деяний, расширены виды наказаний, альтернативные лишению свободы, налицо улучшение условий содержания осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Были решены многие задачи, которые направлены на либерализацию и гуманизацию уголовной политики, так же расширено взаимодействие с институтами гражданского общества. Хотелось бы обратить внимание и на сотрудников внутренних дел, которые очень много сделали для граждан России, для них организована отдельная социальная защита в виде улучшения условий для их службы и их же безопасности.

В заключение, хотелось бы добавить, что уголовная политика представляет собой расширенную базу, которая совершенствуется и дает возможность проследить за всеми действиями нашей страны в целом на примере уголовного закона.

Поэтому я считаю, что нужно обратить внимание на наличие правового механизма связи уголовной политики с иными направлениями социальной политики. Тем самым, необходимо обозначить цель: развитие уголовной политики на базе принципов общесоциального и государственного развития.

Для этого нужно соблюдать простые правила: прежде всего, развить общегосударственные дисциплины на начальном этапе обучения в образовательных учреждениях. Необходимо привить у граждан любовь к истории России на примере исторических описаний разных героев всех времен. Цель всего этого – доказать русскому народу, что уголовная политика не стоит на месте, а смело развивается во всех направлениях, базируясь при этом на наших национальных и культурных ценностях.

Литература:

1. Франц фон Лист под редакцией В.С. Овчинского — Задачи уголовной политики. 2004 г.
2. Н.А. Лопашенко — Уголовная политика. 2009 г.
3. П.П. Пусторослев — Уголовно-антропологическая доктрина или теория прирожденного состояния преступности. 1895 г.
4. статистика МВД РФ 2017 г.
5. <http://www.kremlin.ru/> — Послание Президента РФ Федеральному Собранию, 2017 г. (3.11.2017 г.)

Н. ЕЛИСЕЕВА,

*аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*

(Россия)

N. ELISEEVA,

*post-graduate student of the Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

(Russia)

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА В РОССИИ В XX – XXI ВВ.

EVOLUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR BEHAVIOR TO SUICIDE IN RUSSIA IN THE XX – XXI CENT.

Аннотация. На основе компаративистского исследования нормативных источников, принятых в России в XX-XXI вв., осуществлен системный анализ положений отечественного уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства. По его итогам автором сформулирован ряд положений, касающихся специфики и характерных черт криминализации доведения до самоубийства в России, а также выделены этапы поступательного развития дифференциации уголовной ответственности за соответствующие преступления.

Ключевые слова: суицид, доведение до самоубийства, состав преступления, криминализация, декриминализация, дифференциация уголовной ответственности.

Annotation. Based on the comparative study of normative sources adopted in Russia in the XX-XXI cent., a systematic analysis of the provisions of the domestic criminal law on responsibility for bringing to suicide was carried out. As a result, the author formulated a number of provisions concerning the specifics and characteristics of the criminalization of bringing to suicide in Russia, and also outlined the stages of the progressive development of differentiation of criminal responsibility for the relevant crimes.

Key words: suicide, bringing to suicide, crime, criminalization, decriminalization, differentiation of criminal responsibility.

Вопрос об исторических вехах становления уголовной ответственности за доведение до самоубийства представляется достаточно актуальным, поскольку в современный период он соприкасается с проблемой социально-обоснованной криминализации и декриминализации. Прокатившаяся по стране волна самоубийств подростков в 2016-2017 гг. привлекла внимание к проблеме противодействия преступному воздействию, направленному на формирование суицидальной линии поведения. Не утешительна и статистика суицидов в РФ: «По уровню самоубийств среди подростков Россия находится на одном из первых мест в мире – средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире» [1]. Обладая свойством двойной превенции, установление ответственности за доведение до самоубийства играет важную роль в системе общей и индивидуальной профилактики преступлений против жизни. Данная особенность была в полной мере воспринята отечественным уголовным законодательством и представителями отечественной правовой доктрины. Именно она предопределила становление и развитие уголовной ответственности за доведение за самоубийство в законодательстве России в XX-XXI вв.

Как известно, начало XX в. в России было ознаменовано принятием весьма прогрессивного для своего времени Уголовного Уложения 1903 г. Несмотря на то, что оно так и не было введено в действие в полном объеме, анализ положений Уложения необходим для формирования целостной картины истории криминализации доведения до самоубийства. Уложение 1903 г., в отличие от ранее действовавших норм уголовного закона, не предусматривало ответственность за самоубийство. Однако в нем были криминализованы способствование самоубийству (ст. 463) и доведение до самоубийства (ст. 462). В ст. 462 Уголовного Уложения предусматривалась ответственность за предоставление средств к самоубийству, но лишь при условии, что последовало самоубийство [2]. В ст. 463 Уложения предусматривалось наказание за «подговор к самоубийству» лица, не достигшего двадцати одного года, или заведомо для виновного находившегося в состоянии невменяемости; содействие самоубийству таких лиц советами или указаниями, доставлением средств или устранением препятствий. Специфику времени отражало установление уголовной ответственности за «американскую дуэль», когда самоубийца определялся в силу жребия. Покушение на самоубийство, подстрекательство и содействие к заключению подобного соглашения также являлись уголовно наказуемыми [3]. Наказание за подобное преступление представлялось достаточно суровым – до восьми лет лишения свободы.

Уголовное законодательство советского периода продолжило линию Уложения 1903 г. и полностью исключало ответственность за самоубийство. Такое законодательное решение было поддержано представителями отечественной науки. Так, А.Ф. Кони отмечал, что: «Нельзя не приветствовать статью 148 советского Уголовного кодекса (*имеется в виду УК РСФСР 1922 г.* – курсив автора), совершенно исключившую наказуемость самоубийства и покушения на него» [4]. Солидарную позицию высказывал и М.Д. Шаргородский, который писал о нецелесообразности уголовной ответственности за самоубийство, поскольку она не может служить ни целям общего, ни целям специального предупреждения [5].

Разрушительные силы советской идеологии в полной мере проявили себя в концепции отношения государства и общества к самоубийцам. Так, дореволюционное право, пронизанное идеями христианства, категорически не принимало и не допускало мысли к оправданию самоубийства, поскольку это один из самых тяжких грехов в православии. Но в условиях нового времени, хотя и сохранилось отношение к самоубийству как поступку неэтичному и аморальному, была сформирована идея о свободе воли человека и невмешательстве государства и общества в ее проявление.

Вместе с тем государство не могло оставаться в стороне от ситуации противоправного воздействия на человека, в результате которого он подводился к реализации суицидальной поведенческой линии. Именно поэтому первые советские уголовные законы устанавливали ответственность за содействие или подговор к самоубийству в отношении несовершеннолетних и душевнобольных лиц. Состав данного преступления традиционно рассматривался как привилегированный по отношению к составу убийства. Такой подход законодателя подвергался справедливой критике со стороны отечественных авторов. Так, в частности, С.В. Бородин обращал внимание на непоследовательность законодателя, так как при отсутствии ответственности за самоубийство, равно как и ненаказуемости содействия ему, в законе предусматривалось более мягкое наказание за содействие самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого с пониженной санкцией (до трех лет лишения свободы) по сравнению с санкциями статей, предусматривавших ответственность за убийство» [6].

В УК РСФСР 1922 г. ответственность за склонение или подговор к самоубийству предусматривалась ст. 148, размещенной в разделе 5 «Преступления против жизни, здоро-

вья, свободы и достоинства личности». Спецификой рассматриваемого состава преступления выступало то, что в круг обязательных признаков объекта был включен *потерпевший*. Таковыми, согласно ст. 148 УК, могли являться лишь несовершеннолетние или лицо, для виновного заведомо неспособное понимать свойства или значение совершаемого им действия или руководить своими поступками, т.е. невменяемое. Объективная сторона включала ограниченный круг действий: содействие или подговор к самоубийству. Обращает на себя внимание терминология, используемая законодателем для описания преступных действий. Она, с одной стороны, была призвана не оставлять сомнений в том, что имеется в виду не соучастие в преступлении (*подговор, а не подстрекательство*), с другой стороны, должна была способствовать отграничению указанных действий от таких категорий как «физическое или психическое принуждение», образующими объективную сторону состава убийства. По правовой конструкции склонение или подговор к самоубийству – материальный состав преступления, поскольку обязательным условием наступления уголовной ответственности было совершенное самоубийство или покушение на него.

Вместе с тем следует обратить внимание на отказ в УК РСФСР 1922 г. от криминализации доведения до самоубийства. Судебная практика случаи доведения до самоубийства квалифицировала «по аналогии статей, предусматривающих убийство». Такое положение дел было непоследовательным, поскольку общественная опасность указанного деяния (при определенных условиях: систематичности, жестокости и циничности действий виновного) достаточно высока и сопоставима с общественной опасностью содействия или подговора к самоубийству. На это обращал внимание М. Д. Шаргородский, указывая, что кто, оставаясь в живых, помогает другому человеку покончить с собой, тот, безусловно, представляет общественную опасность вне зависимости от того, было ли лицо, покончившее с собой, вменяемо или нет. В этой связи уже в УК РСФСР 1926 г. этот пробел был устранен. В результате «ребрендинга» законодательства появилась ст. 141 УК, состоявшая из двух частей: ч. 1 – устанавливала уголовную ответственность за доведение до самоубийства, а ч. 2 – за содействие или подговор к самоубийству. Вместе с тем, справедливо замечание А.Н.Красикова о том, что основным недостатком рассматриваемой нормы явилось то, что в различных ее частях с одинаковой санкцией были предусмотрены разные формы причастности к самоубийству» [7].

Однако, несмотря на очевидный прогресс, и в определенном смысле инновацию, поскольку криминализация доведения до самоубийства на тот момент была не известна законодательству зарубежных государств, основная проблема заключалась в отсутствии легальной дефиниции «доведения до самоубийства». Не было в законодательстве также и определения понятия самоубийства, без которого нельзя в полной мере уяснить понятие доведения до самоубийства. К сожалению, не появилась рассматриваемое определение и в последующий период. Вместе с тем, очевидным является тот факт, что неопределенность ключевых понятий, консолидирующих вокруг себя те или иные признаки состава преступления, формируют такие правоприменительные проблемы как отсутствие единообразной квалификации; сложность отграничения от смежных составов преступлений и т.п. Восполнить указанный пробел были призваны научные комментарии к уголовному закону и доктринальное толкование.

Так, достаточно интересное и обоснованное понимание юридической сущности доведения до самоубийства было представлено в комментариях к УК РСФСР 1960 г. под редакцией Ю.Д. Северина. По мнению авторов, оно является преступлением особого рода, в котором последствия наступают непосредственно в результате действий самого потерпевшего, который вынуждается виновным к самоубийству или покушению на него [8].

На взгляд Р.З. Авакяна, при доведении до самоубийства виновное лицо посягает непосредственно на жизнь другого лица, что указывает на повышенную общественную опасность этого преступления и характеризует его отдельный (непосредственный) объект [9].

Как и ранее, обязательным признаком объекта указанных составов преступлений выступал потерпевший. Так, ответственность за доведение до самоубийства могла наступать, если преступные действия были направлены против лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица. Что касается содействия или подговора к самоубийству, то здесь сохранился прежний подход, и в качестве потерпевшего могли выступать лишь несовершеннолетние или лица, заведомо неспособные понимать свойства или значения ими совершаемого или руководить своими поступками.

Законодательная конструкция диспозиции ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г. предусматривала альтернативную диспозицию: жестокое обращение с потерпевшим или иное подобное обращение (*непосредственно в норме – «иным подобным путем»*), используемое при доведении до самоубийства. Таким образом, неопределенность описания способа совершения преступного деяния отдавала на откуп судейскому корпусу решение столь концептуального вопроса, является ли действие или бездействие наказуемым в каждом конкретном случае. В Комментариях к УК РСФСР 1926 г. отмечалось: «Причины, приведшие к самоубийству или к покушению на него находящихся в той или иной зависимости лиц, могут быть весьма разнообразны, на что в норме указывало выражение «или иным путем» [10]. К сожалению, такой подход неизбежно приводил к превалированию субъективного вменения при правовой оценке доведения до самоубийства. Как справедливо отмечает К.Н. Епишин, «... исследуя условия, приведшие человека к самоубийству, суд должен был оценивать их не с какой-то объективной точки зрения, вообще говоря, в подобных случаях невозможной, а с точки зрения потерпевшего лица – единственного правильного критерия, внося в эту оценку свои поправки, вытекающие из всей совокупности фактов» [11].

Единственное, что оправдывало подобный подход, это закрепленное законодателем обязательное условие о том, что наказуемым указанное деяние могло быть лишь при наличии признака *систематического, более или менее длительного злого обращения с потерпевшим*. Думается, что такое указание позволяло оценить ситуацию доведения до самоубийства более объективно, поскольку его устойчивый характер уже сам по себе свидетельствует о злонамеренности действий субъекта преступления. Таким образом, наказуемыми признавались только противоправные действия, направленные на потерпевшего. Если самоубийство являлось результатом законных действий обвиняемого, то даже при наличии причинной связи и заведомости наступления последствий уголовная ответственность не могла иметь места.

Вменение ч. 1 ст. 141 УК РСФСР 1926 г. не ставилось в зависимость от содержания мотива и цели субъекта преступления. В комментариях к уголовному законодательству рассматриваемого периода прямо указывалось на то, что для применения ч. 1 ст. 141 УК вовсе не требовалось намерения со стороны обвиняемого заставить другое лицо покончить жизнь самоубийством.

В формулировке юридических признаков состава содействия или подговора к самоубийству (ч. 2 ст. 141 УК) в полном объеме сохранились подходы УК РСФСР 1922 г.

Уголовный кодекс 1960 г. не изменил общих подходов к криминализации доведения до самоубийства. Вместе с тем несомненным прогрессом было отнесение доведения до самоубийства к преступлениям против жизни. Помимо этого были существенно расширены границы его криминализации. *Во-первых*, оно было криминализовано в отдельной норме – ст. 107 УК РФ. *Во-вторых*, взамен ранее уже подвергнутых нами критической

оценке слов «иным подобным путем» (УК РСФСР 1926 г.) введено указание на систематическое унижение личного достоинства потерпевшего. В-третьих, потерпевшим от преступления признавалось любое лицо без каких либо ограничений. Но если это преступление было совершено в отношении несовершеннолетнего, то общественная опасность содеянного возрастает и суд должен данное обстоятельство учесть при назначении наказания [12].

Вместе с тем законодатель сохранил требование о нахождении потерпевшего в материальной или иной зависимости от виновного. Под материальной зависимостью понимались случаи, когда потерпевший был вынужден получать от виновного существенную материальную поддержку или находиться на его полном иждивении, а виновный, в свою очередь, обязан оказывать потерпевшему эту материальную помощь. Судебная практика широко трактовала категорию «иная зависимость». Так, Президиум Верховного Суда РСФСР признал в качестве таковой зависимость, основанную на брачных отношениях [13].

УК РСФСР изменил концепцию правовой оценки подговоров и содействия самоубийству, переведя их из статуса привилегированного состава преступления, как было в УК РСФСР 1922 г. и 1926 г., в основной состав убийства. Как отмечает С.В. Бородин, «судебная практика пошла по пути признания убийством содействия или подговора к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого лица» [14].

В комментариях к этой уголовно-правовой норме в рассматриваемый период высказывалась аналогичная точка зрения, предполагавшая квалификацию подговоров или содействия самоубийству несовершеннолетних и душевнобольных лиц в качестве умышленного убийства, «выполненного путем использования психических особенностей потерпевшего» [15]. Рекомендуемая авторами квалификация, соответственно, ограничивалась рамками ст. 102 или ст. 103 УК РСФСР.

Поскольку в законе форма вины состава доведения до самоубийства была определена недостаточно четко, вопрос о ее содержании в отечественной правовой доктрине решался достаточно спорно. Ряд авторов усматривали прямой умысел. Однако при доведении до самоубийства несовершеннолетних лиц или душевнобольных они полагали, что квалификация должна быть осуществлена не по ст. 107 УК РСФСР, а по ст. 102 или 103 УК РСФСР [16]. Большинство же ученых справедливо считали, что рассматриваемое преступление совершается с косвенным умыслом или по неосторожности [17].

Уголовное законодательство Российской Федерации постперестроечного периода в вопросе регламентации ответственности за доведение до самоубийства осталось на прежних позициях (ст. 110 УК РФ). Вместе с тем границы криминализации были расширены за счет исключения указания на такое условие, как материальная или иная зависимость потерпевшего от субъекта преступления. Современный российский уголовный закон охраняет от доведения до самоубийства не только тех, кто находится от виновного в материальной или иной зависимости, но и жизнь любого человека.

Диспозиция ч. 1 ст. 110 УК РФ выгодно отличается от предыдущих аналогов тем, что в ней способ совершения преступного деяния описан более четко: «... путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего». Таким образом, признак систематичности теперь необходим лишь для факта унижения человеческого достоинства. Что касается жестокого обращения, то для привлечения к уголовной ответственности достаточно установить наличие единичного подобного факта. Расширен в ч. 1 ст. 110 УК РФ и круг наказуемых деяний. Это не только доведение до самоубийства, но и до покушения на него. Поступательное развитие криминализации доведения до самоубийства нашло отражение и в осуществленной в ч. 2 ст. 110 УК РФ дифференциации уголовной ответственности за данное преступление. В числе квалифици-

рующих признаков первоначальная редакция рассматриваемой нормы предусматривала совершение деяния:

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

в) в отношении двух или более лиц;

г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что становление и развитие института уголовной ответственности за доведение до самоубийства в России прошло длительный путь. Наиболее активный период его формирования приходится на XX в., когда произошел «прорыв» в регламентации ответственности за склонение или подговор к самоубийству (Уголовное Уложение 1903 г., УК РСФСР 1922 г.). Именно он обеспечил последующий переход к ответственности за доведение до самоубийства (ст. 141 УК РСФСР 1926 г., ст. 107 УК РСФСР 1960 г. и ст. 110 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ)). Поступательное развитие отечественного законодательства к моменту принятия УК РФ 1996 г. привело к формированию норм, предусматривающих ответственность за доведение любого лица до самоубийства или покушения на него. При этом способ совершения преступного деяния охватывает и угрозы, и жестокое обращение, и систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Оптимальным образом в ч. 2 ст. 110 УК РФ учтены требования о дифференциации уголовной ответственности в зависимости от наличия таких признаков, как особенности потерпевшего (несовершеннолетний возраст, беспомощное состояние лица, материальная или иная зависимость от виновного, беременность потерпевшей); количество потерпевших (в отношении двух и более лиц); факт совершения преступления в соучастии (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой), публичность унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Кроме того, законодатель ввел в систему Особенной части новые статьи – 110¹ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства» и 110² УК РФ «Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства», заслуживающие отдельного критического анализа.

Литература:

1. Статистика самоубийств среди подростков в России. Справка // URL: <https://ria.ru/spravka/20120220/570313334.html> (дата обращения – 13 марта 2018 г.).

2. Сараева Ю.В., Кленова Т.В. Историческая обусловленность уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. 2018. № 2(13) // URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/2\(13\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/2(13).pdf) (дата обращения – 31 января 2018 г.).

3. Уголовное уложение 22 марта 1903. СПб., 1904. С. 83.

4. Кони А.Ф. Самоубийство в законе и жизни. М., 1923. С. 9.

5. Шаргородский М.Д. Преступление против жизни и здоровья. М.: Юридическое изд-во Минюста СССР, 1948. С. 65.

6. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М.: Юридическая литература, 1977.

7. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 185.

8. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М.: Юридическая литература, 1984.

9. Авакян Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. Ереван: АН АССР, 1971.

10. Комментарий к УК РСФСР 1926 года / под ред. Е.Г. Ширвиндта. М.: Изд-во НКВД, 1927.
11. Епишин К.Н. Ответственность за доведение до самоубийства по советскому уголовному праву // Философия социальных коммуникаций. 2013. № 4 (25).
12. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. С. 248.
13. Сборник постановлений Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1964–1972 гг. М., 1973. С. 280.
14. Бородин С.В. Указ. соч. С. 14.
15. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Г.З. Анашкина. М.: Юридическая литература, 1971.
16. Советское уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Г.А. Кригера. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 150-152; Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юрист, 1993. С. 117.
17. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. С. 248.

Т.Ю. ЖИНКИНА,
*аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
старший преподаватель кафедры
общетеоретических и государственно-правовых дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

T.YU. ZHINKINA,
*PhD student Department of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University
senior lecturer of the Department of General Theoretical and State Legal Disciplines of the Ku-
ban Social and Economic Institute
(Russia)*

**О НЕОБХОДИМОСТИ УЧЕТА ПОЛОЖЕНИЙ
ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ)**

**ON NECESSITY OF ACCOUNTING THE REGULATIONS
OF CIVIL LEGISLATION FOR QUALIFICATION OF CRIMES IN THE SPHERE
OF ECONOMIC ACTIVITY (IN THE CONTEXT OF THE DECISIONS
OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу действующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся необходимости учета гражданского законодательства в процессе квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. На базе конкретных примеров автор приходит к выводу о недостаточном соответствии используемой в УК РФ терминологии ее гражданско-правовому содержанию.

Ключевые слова: постановления Пленума Верховного Суда РФ, квалификация преступлений в сфере экономической деятельности, предпринимательская деятельность, сделка, гражданский оборот, недвижимое имущество.

Annotation: This article is devoted to the analysis of current decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the need to take into account civil legislation in the process of qualifying crimes in the sphere of economic activity. On the basis of specific examples, the author comes to the conclusion that the terminology used in the Criminal Code of the Russian Federation does not meet its civil-law content.

Keywords: decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, qualification of crimes in the sphere of economic activity, entrepreneurial activity, transaction, civil turnover, real estate.

Общественные отношения в сфере экономической деятельности регламентируются различными отраслями права. Потому положения последних необходимо учитывать в процессе квалификации преступлений, предусмотренных главой 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Эта проблема не только изучается представителями научного сообщества, но и находится под пристальным вниманием органов правосудия. Чтобы минимизировать количество ошибок правоприменителей в юридической оценке того или иного общественно опасного деяния, Пленум Верховного Суда РФ регулярно обобщает материалы судебной практики. На примере его действующих постановлений,

изданных в результате рассмотрения российскими судами дел о преступлениях в сфере экономической деятельности, целесообразно проанализировать случаи, когда квалификация содеянного предполагает обращение к положениям гражданского законодательства.

Основополагающая идея соотношения норм уголовного и гражданского права при регулировании общественных отношений в названной сфере закреплена в постановлении № 48 Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». По мнению Пленума, необходимо исключить возможность использования уголовного преследования в качестве средства для давления на предпринимательские структуры и решения споров хозяйствующих субъектов, оградить от необоснованного привлечения к уголовной ответственности предпринимателей за неисполнение ими договорных обязательств в тех случаях, когда оно обусловлено обычными предпринимательскими рисками [1].

Примечательно, что не только в УК РФ, но и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ встречается использование терминологии других отраслей права, но при этом с отличным от традиционного содержанием. В п. 7 указанного выше постановления говорится, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. При этом далее отмечается, что преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности. Казалось бы, данное определение дублирует понятие предпринимательской деятельности, закрепленное в п. 1 ст. 2 ГК РФ (при этом ссылка на указанную статью в постановлении не содержится). Однако это не совсем так. В гражданском законодательстве сказано, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, *если иное не предусмотрено настоящим Кодексом* (здесь и далее курсив мой – Т. Ж.). По смыслу ст. 23, 86.1 ГК РФ и Федерального закона от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» граждане могут вести совместную деятельность в области сельского хозяйства как путем создания юридического лица – крестьянского (фермерского) хозяйства, так и без образования юридического лица на основе соглашения о создании крестьянского (фермерского) хозяйства. В обоих случаях к данной предпринимательской деятельности применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. Таким образом, в названном выше постановлении Пленума явно не отражен особый правовой статус лиц, являющихся главами фермерского хозяйства, которые, разумеется, занимаются предпринимательской деятельностью.

В то же время, в постановлении № 23 Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве», раскрывающем сущность состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ [2], в п. 1 отмечено, что в соответствии со ст. 23 ГК РФ гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации, в качестве индивидуального предпринимателя, а глава крестьянского (фермерского)

хозяйства – с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства. Также при характеристике ст. 176 УК РФ и Федеральная служба судебных приставов в своих Методических рекомендациях [3] отмечает, что глава крестьянского (фермерского) хозяйства, осуществляющий деятельность без образования юридического лица, признается предпринимателем с момента государственной регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства (ст. 23, 257 ГК РФ).

Похожая ситуация встречается в постановлении № 32 Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [4]. В п. 6 данного постановления дается следующая трактовка ключевого для цивилистики понятия: к сделкам как признаку преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут быть отнесены не только действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (это положение соответствует ст. 153 ГК РФ), но и на создание видимости возникновения или перехода гражданских прав и обязанностей. Очевидно, что в один ряд поставлена сделка в ее подлинном, «чистом» виде и ничтожная (абсолютно недействительная) по смыслу ст. 170 ГК сделка, не имеющая юридической силы. Представляется, что при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности использование устоявшихся и имеющих легальное закрепление гражданско-правовых понятий допустимо только в их исходном содержании. Примечательно, что Федеральная служба судебных приставов при выявлении и пресечении преступлений в сфере экономической деятельности опирается именно на дефиницию сделки, указанную в ст. 153 ГК РФ (прямая отсылка к этой статье дается при описании состава преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ) [3].

Другая немаловажная проблема учета норм гражданского права при юридической оценке содеянного обнаруживается в п. 1 этого же постановления Пленума Верховного Суда РФ. В нем зафиксировано положение, прямо не указанное в тексте уголовного закона, а именно: предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут быть денежные средства или иное имущество, полученные в качестве платы за сбыт предметов, ограниченных в гражданском обороте. Получается, чтобы уточнить, какие предметы ограничены в гражданском обороте, необходимо учитывать ст. 129 ГК РФ, которая, в свою очередь, отсылает еще к другим законодательным актам. Таким образом, Верховный Суд акцентирует наше внимание на том, что пласт гражданского законодательства, используемого для квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, может быть шире, чем это явствует из формулировки диспозиции статьи УК РФ.

Примечательно, что в названных выше постановлениях необходимость обращения к нормам гражданского права логически вытекает из текста, но прямо Пленум Верховного Суда РФ на это редко указывает. Исключением в этом смысле является его постановление № 14 от 26 апреля 2007 г. «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [5]. Верховный Суд утверждает, что, разрешая вопрос о наличии в действиях лица составов преступлений, предусмотренных статьями 146, 147 и 180 УК РФ, суды должны учитывать *положения гражданского законодательства* о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, являющихся объектом исключительных прав (интеллектуальной собственностью), может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя (п. 4). Кроме того, в тексте еще много раз встречаются ссылки на гражданское законодательство, в том числе – и на конкретную статью (в п. 24 содержится пря-

мая отсылка к ст. 15 ГК РФ), а в п. 33 упоминаются даже законодательные акты, которые утратили силу, и указывается на необходимость вместо них использовать нормы части четвертой ГК РФ.

Следует также иметь в виду, что при установлении признаков составов преступлений может возникнуть необходимость обращения к обобщениям судебной практики, изначально не имеющим уголовно-правовую направленность. Это, например, постановление № 28 Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» [6]. Кроме того, само понятие недвижимого имущества, сформулированное в ГК, применительно к различным жизненным ситуациям нуждается в уточнении и конкретизации. Потому правоприменителю целесообразно изучить позиции высших судебных инстанций страны относительно толкования содержания ст. 130 ГК РФ с целью ответа на вопрос, является ли тот или иной объект недвижимостью.

В целом, следует отметить, что взаимосвязь между нормами уголовного и гражданского права при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности объективна и потому должна быть учтена при юридической оценке деяния. При этом уголовное законодательство и практика его применения (как отдельные судебные приговоры, так и их обзоры и обобщения) должны исходить из системности права. Необходимо исключить искажение содержания понятий гражданского права, используемых в УК РФ.

Литература:

1. Российская газета. 2016. 24 ноября. № 7134 (266).
2. URL: <http://base.garant.ru/1353895/> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15 апреля 2013 г. № 04-4). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
4. Российская газета. 2015. 13 июля № 6722 (151).
5. Российская газета. 2007. 5 мая № 4358 (0).
6. Российская газета. 2015. 10 июля № 6721 (150).

Г.В. КАШОИДА,
магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

G.V. CASHOIDA
graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
С ПРИЗНАКАМИ ОТСТАВАНИЯ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ,
НЕ СВЯЗАННОГО С ПСИХИЧЕСКИМ РАССТРОЙСТВОМ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

**CRIMINAL RESPONSIBILITY OF MINORS WITH THE SIGNS
OF DEVELOPMENTAL DELAY NOT RELATED TO MENTAL DISORDER:
SOME PROBLEM ASPECTS**

Аннотация. В статье рассматривается понятие «возрастной» невменяемости подростков, совершивших общественно опасное деяние, его соотношение со смежными категориями уголовного права – «невменяемость» и «ограниченная» вменяемость. Обращено внимание на недостаточную четкость формулировок ч. 3 ст. 20 УК РФ и влияние этого на правоприменительную практику.

Ключевые слова: вменяемость, невменяемость, «ограниченная» вменяемость, «возрастная» невменяемость, уголовная ответственность, общественно опасное деяние, несовершеннолетний.

Annotation. The article deals with the concept of «age» insanity of adolescents who committed a socially dangerous act, its correlation with related categories of criminal law – «insanity» and «limited» sanity. Attention is drawn to the lack of clarity of the wording of Part 3 of Art. 20 of the Criminal Code of the Russian Federation and its impact on law enforcement practice.

Key words: sanity, insanity, «limited» sanity, «age» insanity, criminal responsibility, socially dangerous act, minor.

Психическое состояние лица во время совершения общественно опасного деяния играет в уголовном праве весьма значимую роль, существенно влияя на пределы уголовной ответственности. Особый интерес представляет изучение этого вопроса в ракурсе проблемы ответственности несовершеннолетних.

В уголовно-правовой доктрине используется понятие уголовно-релевантных психических состояний (англ. *relevant* – относящийся к делу), под которыми понимаются болезненные (патологические) и неболезненные (без патологических расстройств) состояния психики субъекта, которые влияют на реализацию уголовной ответственности, назначение наказания, назначение и применение других мер уголовно-правового характера [1]. В их число включено отставание несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, в психическом развитии.

Отставание несовершеннолетних в психическом развитии, т.е. несоответствие их психического развития паспортному возрасту, может иметь разные причины. Специалисты отмечают, что наиболее часто задержка психического развития происходит вследствие ос-

лабленности нервной системы, обусловленной инфекцией, хроническими соматическими заболеваниями, интоксикацией, травмой головного мозга, перенесенными внутриутробно, при родах или в раннем детстве нарушениями эндокринной системы, а иногда и вследствие педагогической запущенности при неблагоприятных условиях воспитания.

Некоторое, иногда значительное, отставание в психическом развитии ребенка наблюдается также при психофизическом инфантилизме. Это состояние может быть вызвано различными причинами биологического и социального характера. Возможны такие формы инфантилизма, когда отставание имеется только в психическом развитии [2].

Причинами отставания в психическом развитии может явиться и начавшееся в раннем возрасте употребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсикоманических и иных психоактивных веществ. Задержка в психическом развитии иногда наблюдается у подростков, ослабленных длительными или хроническими соматическими заболеваниями. В специальной литературе отмечается, что соматически ослабленные несовершеннолетние психически здоровы и имеют достаточные возможности для нормального умственного развития, но некоторые их особенности, отличающие их иногда от основной массы сверстников, могут снижать способность сознавать истинное значение своих действий и возможность руководить ими [3].

Дети с задержкой психического развития обладают потенциальными возможностями интеллектуального совершенствования, которые могут быть развиты при помещении таких подростков в надлежащие условия содержания и воспитания. Вместе с тем в момент совершения общественно опасных деяний для них характерны, как отмечается специалистами, нарушения познавательной деятельности, что обусловлено незрелостью эмоционально-волевой сферы, пониженной работоспособностью, недостаточностью ряда высших психических функций. Нарушения эмоционально-волевой сферы и поведения проявляются в слабости волевых установок, эмоциональной неустойчивости, импульсивности, аффективной возбудимости, двигательной расторможенности либо, наоборот, вялости, апатичности.

Исследование уровня психического развития и иных особенностей личности несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния, имеет чрезвычайно важное значение. Поэтому не случайно ст. 421 УПК РФ предусматривает, что при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием иных обстоятельств устанавливается и уровень психического развития несовершеннолетнего.

Во-первых, при отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, вследствие которого несовершеннолетний не мог в полной мере осознавать фактический характер или общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности (ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Во-вторых, уровень психического развития и другие особенности личности несовершеннолетнего должны учитываться судом при назначении наказания.

В-третьих, уровень психического развития должен учитываться при решении вопроса об освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) либо освобождении от наказания (ст. 92 УК РФ) с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

Чаще всего на практике возникают проблемы, связанные с так называемой «возрастной» невменяемостью, которая в соответствии с ч. 3 ст. 20 УК РФ служит основанием для исключения уголовной ответственности несовершеннолетнего.

Подростки одного возраста могут значительно отличаться друг от друга по состоянию мыслительной и познавательной деятельности, состоянию эмоционально-волевой

сферы, запасу знаний и представлений и т.п. Поэтому необходимо иметь в виду не только паспортный, но и психологический возраст несовершеннолетнего, под которым понимается тот возраст, нормативным показателем которого соответствует уровень психического (умственного, эмоционального, волевого и т.п.) развития, достигнутый несовершеннолетним к моменту совершения общественно опасного деяния [4].

Часть 3 ст. 20 УК РФ исключает уголовную ответственность несовершеннолетнего, который достиг возраста уголовной ответственности, но в силу отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

Иногда подросток обнаруживает признаки отставания в психическом развитии, но если уровень его психического развития не ниже возраста привлечения к уголовной ответственности, оснований для признания наличия «возрастной невменяемости» нет.

Проблемы возникают при разграничении «возрастной невменяемости» и обычной невменяемости (ст. 21 УК РФ) либо «ограниченной вменяемости» (ст. 22 УК РФ).

Статья 21 УК РФ гласит: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики». Отличие невменяемости и «возрастной» невменяемости кроется в ряде следующих моментов.

Во-первых, отставание в психическом развитии при «возрастной невменяемости» не связано с болезненным состоянием психики (хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием или иным болезненным состоянием психики). Поэтому следует различать такие понятия, как отставание в психическом развитии и слабоумие.

Во-вторых, при обычной невменяемости несовершеннолетний в момент совершения общественно опасного деяния не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, а при «возрастной невменяемости» – может, но не в полной мере, не в той, которая достаточна для решения вопросов привлечения к уголовной ответственности.

Эти отличия следует учитывать при решении соответствующих вопросов, хотя последствия установления обоих видов невменяемости – исключение уголовной ответственности несовершеннолетнего лица.

В некоторых случаях у несовершеннолетних обнаруживается психическое расстройство, не исключающее вменяемости, но не позволяющее в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, – состояние так называемой ограниченной вменяемости [5].

Признаки «ограниченной вменяемости» указаны в ч. 1 ст. 22 УК РФ: «Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности».

В силу ч. 2 ст. 22 УК РФ такое психическое расстройство учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера. В уголовно-правовой норме не говорится о том, в сторону смягчения или ужесточения наказания суд должен учитывать наличие у подсудимого (в том числе несовершеннолетнего) психического расстройства, что вызывает разногласия при применении данной уголовно-правовой нормы.

Как отмечает Г.В. Назаренко, УК РФ обязывает учитывать психическое расстройство, не исключающее вменяемости, главным образом для назначения наказания наряду с принудительными мерами медицинского характера [6]. По мнению автора, снижение наказания ограниченно вменяемым лицам недопустимо в случае совершения ими умышленных преступлений, причинами которых являются антиобщественные взгляды и установки личности, а не психические аномалии. Однако судебная практика идет по пути смягчения наказания в случае совершения преступления лицом с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, во всех ситуациях.

В научных публикациях в настоящее время можно встретить два толкования положений ч. 3 ст. 20 УК РФ: узкое – наличие любого психического расстройства исключает возможность постановки вопроса о «возрастной невменяемости», поскольку любое психическое расстройство искажает психическое развитие ребенка; широкое – постановка вопроса о «возрастной невменяемости» возможна и при наличии у несовершеннолетнего психического расстройства, не исключающего вменяемости, если имеющееся у него отставание в психическом развитии непосредственно не связано с этим психическим расстройством. Действующая в настоящее время в России Международная классификация болезней X пересмотра предусматривает широкий круг психических расстройств, не исключающих вменяемости, которые сами по себе не вызывают отставания в психическом развитии [7].

Нам представляется более правильным второе, широкое толкование. При таком толковании в какой-то мере сглаживаются противоречия при применении ч. 3 ст. 20 и ст. 22 УК РФ.

Сравнительный анализ положений ч. 3 ст. 20 УК РФ о «возрастной» невменяемости и ст. 22 УК РФ об «ограниченной» вменяемости приводит к выводу о нарушении принципа справедливости при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних, которые не могут в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. В соответствии со ст. 22 УК РФ, если такая неспособность вызвана психическим расстройством, лицо подлежит уголовной ответственности, но суд учитывает это при назначении наказания, а если иными факторами – не привлекается к уголовной ответственности.

В некоторых случаях отставание в психическом развитии является незначительным и не влияет на способность несовершеннолетнего осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Но в соответствии с ч. 1 ст. 89 УК РФ уровень психического развития, наряду с другими особенностями личности, должен учитываться судом при назначении несовершеннолетнему наказания и, на наш взгляд, в сторону его смягчения.

Возможны ситуации, когда отставание в психическом развитии у несовершеннолетнего отсутствует, но подросток в момент совершения общественно опасного деяния был не способен или способен не в полной мере осознавать значение своих действий (бездействия) или руководить ими вследствие особенностей личности или специфики ситуации, в которой совершаются действия. На поведение несовершеннолетнего может влиять переживание им конфликтных ситуаций, вызывающих при определенных условиях аффективные вспышки и негативистические реакции, которые и выливаются иногда в противоправное поведение. Наличие глубоких конфликтных переживаний способствует в некоторых случаях снижению способности сознавать значение своих действий и – в еще большей степени – руководить ими. Если в таких ситуациях заключение экспертизы будет свидетельствовать о том, что подросток не обнаруживает отставания в психическом развитии, но определенные обстоятельства или свойства личности не позволяли ему в полной мере осознавать фактический характер своих действий (бездействия) или в полной мере руко-

водить ими, подросток не может быть освобожден от уголовной ответственности. Вместе с тем эти обстоятельства не могут быть проигнорированы и, на наш взгляд, должны быть признаны судом не просто смягчающими, а исключительными, существенно понижающими степень общественной опасности преступления.

Уровень психического развития несовершеннолетнего должен также учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности (ст. 90 УК РФ) либо освобождении от наказания (ст. 92 УК РФ) с применением принудительных мер воспитательного воздействия.

В соответствии с ч. 1 ст. 90 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности при совершении преступления небольшой или средней тяжести, но основанием для принятия такого решения, специально оговоренным в данной норме, является возможность исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия.

Таким образом, объективная оценка уровня психического развития несовершеннолетнего, совершившего общественно опасное деяние, установление причин отставания в психическом развитии и способности несовершеннолетнего в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими являются залогом соблюдения принципа справедливости при решении вопроса о применении к несовершеннолетнему мер уголовно-правового характера.

Вместе с тем в судебно-следственной и прокурорской практике имеют место случаи необъективного и необоснованного решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности несовершеннолетних лиц, у которых имеет место отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, когда во время совершения общественно опасного деяния они не могут в полной мере осознавать преступность своих действий либо руководить ими.

Таким образом, законодательная формулировка «возрастной» невменяемости (ч. 3 ст. 20) требует конкретизации и уточнения, а также комплексного подхода к изучению этого психического состояния, к установлению четких критериев его отграничения от смежных категорий, используемых в уголовном законе (невменяемость, «ограниченная» вменяемость), как в теории, так и на практике.

Литература:

1. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантное психическое состояние субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 15-30.
2. Любавина М.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних, отстающих в психическом развитии // КриминалистЪ. 2010. № 2 (7). С. 10-18.
3. Гомонов Н.Д., Безруков А.В. Проблемы уголовной ответственности несовершеннолетних с признаками отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2002. Выпуск № 3. Том 5. С. 479-482.
4. Цымбал Е., Дьяченко А. Возрастная невменяемость: теория и практика применения // Уголовное право. 2000. № 3. С. 43-50.
5. Илларионов С.Н. Ограниченная вменяемость в уголовном праве // Администратор суда. 2012. № 2. С. 28-30.
6. Назаренко Г.В. Уголовно-релевантное психическое состояние субъекта преступления и лиц, совершивших общественно опасные деяния: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 171-191.
7. Цымбал Е., Дьяченко А. Указ. соч. С. 43.

Г.В. КАШОИДА,
магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

А.В. ЦВИЛИЙ,
преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

G.V. CASHOIDA
graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)

A.V. TSVILI
the teacher of the chair of criminal and criminally-executive law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

ИНСТИТУТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: КОМПАРАТИВИСТСКИЕ АСПЕКТЫ

INSTITUTE OF THE CRIME SUBJECTS IN THE FOREIGN CRIMINAL LAW: COMPARATIVIST ASPECTS

Аннотация. В статье осуществлен компаративистский анализ положений зарубежного уголовного законодательства, касающихся определения признаков субъекта преступления. Авторами показаны сходства и отличия в регламентировании законодателями соответствующих вопросов, предпринята попытка объяснения различий, в том числе, в историческом ракурсе.

Ключевые слова: субъект преступления, признаки субъекта преступления, возраст уголовной ответственности, вменяемость, невменяемость, компаративистский анализ.

Annotation. In the article, a comparative analysis of the provisions of foreign criminal law relating to the determination of the characteristics of the subject of a crime was carried out. The authors show similarities and differences in the regulation of relevant issues by legislators, an attempt is made to explain the differences, including in the historical aspect.

Key words: subject of crime, signs of a crime subject, age of criminal responsibility, sanity, insanity, comparative analysis.

Уяснение понятия и сущности субъекта преступления требует осуществления анализа уголовного законодательства зарубежных государств. Это полезно и для развития науки уголовного права, и для дальнейшего совершенствования судебно-следственной практики. При этом следует констатировать, что в зарубежном уголовном праве вопросы субъекта преступления изучены гораздо менее тщательно, нежели в российской уголовно-правовой доктрине, и толкуются в различных странах по-разному, порой противоречиво. Литература по данному вопросу ограничена, малодоступна и носит разрозненный характер. Тем не менее, обращение к законодательному опыту зарубежных стран в соответствующей части полезно и познавательно.

Уголовное законодательство большинства зарубежных государств исходит из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо – человек. Однако в ряде стран на протяжении веков этот вопрос решался и решается неоднозначно, так как многи-

ми законодательствами субъектом преступления наряду с физическими лицами признавались юридические лица, а также предметы, животные, насекомые. В специальной литературе можно найти информацию о том, что, например, в древних Афинах суд разбирал дела о смертных случаях, причиняемых предметами, после чего особые жрецы выбрасывали эти предметы за пределы полиса. В Англии почти до середины XIX в. существовало положение, согласно которому предмет, причинивший смерть, подлежал конфискации в пользу короля [1].

В средние века феодальное уголовное право субъектом преступления часто признавало животных. Светскими судами в XIV и XV вв. подвергались уголовному преследованию животные, причинившие смерть человеку, в особенности быки – за ярость и свиньи, загрызшие детей. Этих животных казнили, как правило, через повешение. В истории канонического уголовного права зафиксированы процессы против насекомых и животных, истреблявших посевы, плодовые деревья, виноградники и т.п. Так, во Франции в 1710 г. осудили крыс и мышей за нанесение значительного ущерба хлебным полям, а в 1740 г. – корову [2]. Уголовная ответственность животных, насекомых и вещей являлась не столько ответственностью за виновное деяние, сколько наказанием за опасные вредные действия, независимо от того, от кого или чего они исходили. Испуганное этими событиями население либо обращалось к духовенству, либо устраивало самосуды против «правонарушителей».

Таким образом, признание субъектами преступлений предметов, животных, насекомых в рабовладельческом и феодальном уголовном праве объясняется господством мистических взглядов на преступление как на деяние, оскорбляющее бога и охраняемый им мир на основании принципа: ответственность наступает в любом случае и для всякого, причинившего вред.

Уголовная ответственность юридических лиц издавна была известна зарубежному уголовному праву, в том числе не только странам, принадлежащим к англосаксонской правовой системе (Англии, США и др.), но и государствам континентальной Европы. Существует этот институт в зарубежном уголовном праве и в настоящее время.

Хотя проблема признания субъектом преступления юридических лиц в уголовном законодательстве многих государств решается неоднозначно, подавляющее большинство зарубежных юристов все-таки склоняются к выводу, что уголовную ответственность за преступные деяния может нести только вменяемое физическое лицо – человек.

Таким образом, субъектом преступления во всех зарубежных государствах без исключения признается физическое лицо, достигшее ко времени совершения преступления установленного законом возраста. Это – одно из необходимых условий привлечения лица к уголовной ответственности. Вместе с тем возраст, с которого она наступает, в странах определяется по-разному. В основе установления возраста для субъекта преступления, как правило, лежит уровень сознания несовершеннолетнего, т.е. способность данного лица адекватно оценивать происходящее в объективном мире и в соответствии с этим осмысленно и целенаправленно совершать те или иные деяния.

В уголовном законодательстве США, например, общий возраст, с которого лицо может отвечать за совершенные преступления по федеральному уголовному законодательству и по УК большинства штатов, 16 лет [3]. Однако в уголовном законодательстве некоторых штатов он иной. Так, в частности в УК Нью-Йорка (§ 30.00) минимальный возраст уголовной ответственности за тяжкое убийство установлен с 13 лет, хотя вообще ответственность предусмотрена с 16 лет [4].

Субъектом преступления по действующему УК Франции признается лицо, достигшее 13-летнего возраста. Но уголовное наказание, применяемое к несовершеннолетним

преступникам, является менее суровым по сравнению с наказанием, предусмотренным для взрослого лица, совершившего преступление [5].

Положения, непосредственно касающиеся привлечения подростков к уголовной ответственности, регулируются Законом о судах по делам несовершеннолетних. В систему общих судов включены самостоятельные подразделения – суды по делам несовершеннолетних, рассматривающие дела о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 14 до 18 лет [6].

В Японии уголовная ответственность наступает так же, как и в ФРГ, с 14 лет. В ст. 41 УК Японии определено, что действия, совершенные лицом, не достигшим возраста 14 лет, не являются уголовно наказуемыми [7].

По уголовному законодательству Англии по общему (прецедентному) праву уголовная ответственность может наступать с 10-летнего возраста, а в ранний исторический период соответствующий возраст составлял 8 лет. Ввиду отсутствия до настоящего времени в Англии уголовного кодекса и полной систематизации уголовного законодательства возраст, начиная с которого лицо может считаться субъектом преступления, определяют многочисленные уголовные законы. Так, к полной уголовной ответственности в Англии могут быть привлечены лица, достигшие возраста 17 лет [8].

В Ирландии уголовная ответственность может наступать с 7-летнего возраста. Это одно из немногих западноевропейских государств, установивших столь низкую возрастную планку для субъектов преступления. Следует учитывать, что ирландское уголовное законодательство до сих пор не кодифицировано. Причем в стране действуют как старые английские уголовные законы, так и новые ирландские [9].

Возраст субъекта в 7 лет установлен, кроме того, в Египте, Ливане, Ираке и ряде других государств [10]. Но к полной уголовной ответственности в большинстве зарубежных стран могут быть привлечены лица, достигшие, как правило, возраста 16-17 лет (США, Англия, Дания, Бельгия, Греция, Египет и др.) [11].

Согласно уголовному законодательству Финляндии субъектом преступления признается лицо, достигшее возраста 15 лет. В УК Финляндии 1894 г. с последующими многочисленными изменениями в §1 Общей части говорится, что деяния, которые совершаются детьми до достижения 15-летнего возраста, не влекут уголовного наказания [12].

В ряде стран современное уголовное право возникло и развивалось как право социалистического типа, в связи с чем оно принципиально отличается от уголовного права Англии, США, Франции, ФРГ, Японии и т. д. Так, уголовное законодательство, например, Венгрии, Румынии, КНДР, Болгарии и других стран субъектом преступления признает физическое лицо, как правило, достигшее 14 лет. В УК Болгарии содержится указание, что уголовная ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет наступает в том случае, если они во время совершения преступления понимали совершаемое деяние. В Чехии уголовная ответственность предусмотрена с 15 лет; в Монголии – с 16 лет; в Польше – с 17 лет, а ответственность лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 17 лет, предусмотрена специальным законом; на Кубе – с 16 лет, а за отдельные специально предусмотренные в законе преступления – с 14 лет [13].

Установление одинакового возраста (14-16 лет), с наступлением которого лицо, совершившее преступление, признается субъектом преступления, в уголовных кодексах нынешних стран СНГ объясняется их общим «советским» прошлым, обусловившим и значительное сходство современных законодательных установлений.

В настоящее время в Российской Федерации и странах ближнего зарубежья ведется активная работа по совершенствованию уголовного законодательства. Уточняются и детализируются многие институты уголовного права применительно к новым условиям. Каса-

ется это, в том числе, установления возраста субъекта преступления. Примером в этом отношении выступает УК Республики Узбекистан 1994 г. В его ст. 17 возраст ответственности за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 97) установлен с 13 лет. Общей уголовной ответственности подлежат физические лица, которым до совершения преступления исполнилось 16 лет, а за более тяжкие преступления субъектом преступления признается лицо в возрасте 14 лет [14].

Наряду с возрастными признаками субъект преступления должен обладать еще одним – вменяемостью, т.е. способностью адекватно оценивать свои деяния и руководить ими. Невменяемые лица не могут признаваться субъектами преступления и подлежать уголовной ответственности. К ним применяются лишь меры медицинского характера, не являющиеся наказанием. Сама же формула невменяемости традиционно рассматривается в уголовном праве как совокупность медицинского и юридического критериев, характеризующих психическое состояние лица во время совершения им преступления, с которым закон связывает исключение уголовной ответственности.

В зарубежном уголовном законодательстве эти вопросы на определенных этапах развития человеческого общества решались по-разному. В более ранние исторические периоды опасные действия психических больных воспринимались как «беспокойство» сообразно религиозным взглядам [15]. Поэтому требование, прозвучавшее в начале XIX в., чтобы душевнобольные за совершенные деяния, содержащие признаки преступления, не подлежали уголовной ответственности, – прогрессивное положение [16].

Французский УК 1810 г. одним из первых в истории уголовного законодательства исключил уголовную ответственность в отношении лиц, которые совершили деяния, содержащие признаки преступления, в состоянии душевной болезни. В ст. 64 данного кодекса говорится: «Нет ни преступления, ни проступка, если во время совершения деяния обвиняемый был в состоянии безумия» [17]. Однако УК Франции 1810 г., а также бельгийский Уголовный кодекс 1867 г., голландское Уложение 1881 г., норвежское Уложение 1902 г. для определения понятия невменяемости пользовались в основном медицинским критерием. В XX столетии большинство уголовных кодексов зарубежных государств для определения состояния невменяемости использует не только медицинский, но и психологический критерий, которые в совокупности образуют биолого-психологический, или смешанный, критерий.

Так, общий критерий невменяемости предусмотрен в итальянском УК 1930 г., ст. 88 которого указывает: «... не является вменяемым тот, кто во время совершения действия находился вследствие болезни в таком душевном состоянии, что была исключена возможность понимать и желать» [18].

В соответствии со ст. 85 УК Италии невменяемое лицо освобождается от уголовного наказания, не являясь субъектом преступления. Вменяемость данный кодекс связывает также с возрастом, считая невменяемыми лиц, которым не исполнилось на время совершения преступления 14 лет.

Общий критерий невменяемости предусмотрен и в швейцарском УК 1937 г. (с последующими изменениями). Согласно ст. 10 данного УК налицо невменяемость, если виновный ко времени совершения деяния находился в состоянии душевной болезни, слабоумия или тяжелого расстройства сознания, когда вследствие этого состояния лицо не может осознавать неправомерность своего деяния либо руководить им [19].

В уголовном законодательстве Англии критерии невменяемости сформулированы неопределенно и, как правило, описаны в судебных прецедентах. Невменяемыми, например, могут признаваться только лица с дефектами в интеллектуальной области; расстрой-

ство же эмоций и воли допускается вообще не принимать во внимание. Правовые предпосылки невменяемости изложены в «правилах Мак-Натена» 1843 г. [20].

С ответственностью и виной достаточно связано понятие невменяемости и в уголовном законодательстве США. Примерный УК США в п. 1 ст. 4.01 определяет невменяемость таким образом: лицо не может отвечать за преступление, во время которого оно вследствие психической болезни или неполноценности в существенной степени лишено способности отдавать себе отчет в преступности (упречности) своих действий или согласовывать свое поведение с требованиями закона [21]. Однако до сих пор во многих штатах при решении вопроса о вменяемости суды исходят из английского прецедентного законодательства и, в частности, упомянутых «правил Мак-Натена», пользуясь при этом и понятием уменьшенной вменяемости.

Невменяемость в УК ФРГ регулируется § 20, где говорится, что вина отсутствует, если лицо в момент совершения деяния вследствие болезненного психического расстройства, глубокого расстройства сознания или слабоумия, а также другого тяжелого психического отклонения не способно осознавать противоправность своих действий или отдавать себе отчет в содеянном [22].

По уголовному законодательству Японии невменяемые лица, совершившие преступление, не подлежат уголовному наказанию и, следовательно, не являются субъектами преступления (в ч. 1 ст. 39 УК Японии) [23].

Анализ уголовного законодательства зарубежных государств показывает, что в некоторых странах как в прошлом, так и в настоящее время вопросы, связанные с совершением лицом преступления в невменяемом состоянии, не разработаны законодателем достаточно детально либо вообще не решены. Вместе с тем их регламентация имеет принципиальное значение для привлечения к уголовной ответственности и определения наказания.

Так, в новом УК Франции 1992 г. законодатель попытался восполнить упущенный пробел. В ст. 122-1 говорится: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое в момент совершения деяния находилось в состоянии психического или нервно-психического расстройства, лишившего его способности осознавать или контролировать свои действия» [24].

В шотландском уголовном законодательстве до сих пор нет понятия уменьшенной вменяемости [25].

Примечательно, что, например, УК Швеции 1965 г. вообще не содержит понятия невменяемости. К лицам, совершившим преступления под влиянием душевной болезни, умственной отсталости или другого ненормального психического состояния, применяются меры судебного реагирования. В число этих мер входит, как правило, отдача под ответственный надзор в порядке опеки над душевнобольными лицами, которые направляются для амбулаторного психиатрического лечения [26].

В уголовных кодексах бывших социалистических стран (в частности, Болгарии, Чехии) понятие невменяемости по своему содержанию мало чем отличается от понятия, данного в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., хотя и имеет свои специфические черты. В этих странах невменяемые лица, совершившие преступления, не подлежат уголовной ответственности и наказанию. В отношении них применяются принудительные меры медицинского характера.

Понятие невменяемости в новых уголовных кодексах стран СНГ в основном тоже аналогично понятию невменяемости, которое определено ст. 11 Основ 1958 г. Так, в ст. 18 УК Республики Узбекистан сказано: «Не подлежит ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то

есть не могло сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие хронической психической болезни, временного расстройства психики, слабоумия либо иного болезненного психического расстройства».

Формула невменяемости аналогичного содержания с небольшими редакционными отступлениями содержится и во вновь принятых уголовных кодексах Украины (ст. 19) и Молдовы (ст. 11). Другие страны СНГ также придерживаются традиционных взглядов на понятие невменяемости.

Рассмотрение отмеченных и других вопросов, связанных с субъектом преступления в зарубежном уголовном праве, имеет не только большое теоретическое и практическое значение, но и определяет необходимость комплексного подхода в их исследовании. Оно необходимо, в том числе, для решения ряда вопросов, связанных с субъектом преступления, в отечественном уголовном праве.

Литература:

1. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1969. С. 395.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. СПб., 1902. Т. 1. С. 142; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 252.
3. Примерный уголовный кодекс (США) / под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969. С. 90.
4. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 145.
5. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.
6. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб., 2003; Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006. С.335-337.
7. Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002.
8. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 148.
9. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М., 1993. С. 82.
10. Пионтковский А.А. Указ соч. М., 1961. С. 298.
11. Курс советского уголовного права / под ред. Н.А. Беляева и М.Д. Шаргородского. Т. 1. С. 398.
12. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч.
13. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч.
14. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.
15. Лунц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966. С. 26; Кули-Заде Т.Л. Проблемы ограниченной вменяемости в истории зарубежного уголовного законодательства и научных школ XX века // Вестник МГУ. Серия Право. 2011. № 2. С.119-127.
16. Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 285.
17. Французский Уголовный кодекс 1810 г. М., 1947. С. 115. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.
18. Итальянский Уголовный кодекс 1930 г. М., 1941. С. 24. Уголовный кодекс Италии. Общая часть и преступления против государства. М., 1991.
19. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Указ. соч.
20. Кубанцев С.П. Правила Мак-Натена как концепция невменяемости в уголовном праве США // Журнал российского права. 2005. №8. С.115-127.
21. Примерный уголовный кодекс (США) / под ред. Б.С. Никифорова. М., 1969. С. 80; Никифоров Б.С., Решетников Ф.М. Современное американское уголовное право. М., 1990.

22. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб., 2003.
23. Уголовный кодекс Японии. СПб., 2002.
24. Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002.
25. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М., 1993. С. 33.
26. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968. С. 255. См. также: Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001.

Н.К. КУСТОВА,
*преподаватель кафедры специальных дисциплин,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России
(Россия)*

N.K. KUSTOVA,
*the teacher of the department of special disciplines,
associate of the Department of Criminal Law and Criminology
Krasnodar University of the MIA of Russia
(Russia)*

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

CONCEPT AND SIGNS OF THE IMPLICATIONS OF THE CRIME AS INDEPENDENT CRIMINAL-LEGAL INSTITUTE

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к дефиниции прикосновенности к преступлению и определению признаков этого института, сформировавшиеся в отечественной уголовно-правовой доктрине. На основании этого анализа предложено авторское понятие прикосновенности к преступлению и комплекс признаков данного института.

Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, соучастие в преступлении, укрывательство преступления, попустительство преступлению, недонесение о преступлении, признаки прикосновенности к преступлению.

Annotation. The article examines approaches to the definition of the implication of the crime and the definition of the characteristics of this institution, formed in the domestic criminal legal doctrine. On the basis of this analysis, the author's concept of implication to crime and the complex of features of this institution are proposed.

Key words: implication of the crime, complicity in crime, concealment of crime, connivance of crime, failure to report crime, signs of implication to crime.

Прикосновенность к преступлению известна отечественному уголовному законодательству с X в. С течением времени рамки института прикосновенности менялись в зависимости от социально-политической обстановки и содержания уголовной политики российского государства. Однако на протяжении всей истории своего существования он играл важную роль в системе предупреждения преступлений. Это обусловлено, прежде всего, тем, что нормы рассматриваемого института обладают двойной превенцией: во-первых, они направлены на устранение и нейтрализацию условий для совершения преступлений; во-вторых, способствуют реализации принципа неотвратимости наказания, поскольку направлены на изобличение всех виновных; в-третьих, создают предпосылки к снижению латентной части преступности.

Институт прикосновенности к преступлению – это одно из необходимых средств формирования гражданского общества в государстве, которое объявляет себя правовым [1]. Однако, на взгляд М.М. Лапунина, данный уголовно-правовой институт «на протяжении вот уже полутора веков играет роль «изгоя» в уголовном праве» [2].

В свою очередь А.В. Наумов пишет, что прикосновенность к преступлению является проблемой существования в Особенной части УК РФ одной статьи и в связи с этим исчерпала себя как институт Общей части уголовного права [3].

В отечественной правовой доктрине дореволюционного и советского периодов существовала позиция, отрицавшая правовую значимость прикосновенности к преступлению [4].

В настоящее время теория прикосновенности к преступлению развивается в рамках активной дискуссии, однако существование самостоятельного института прикосновенности к преступлению под сомнение уже не ставится. Так, Г.Л. Кригер указывает, что, несмотря на исключение прикосновенности из Общей части УК, вряд ли правильно считать, что данный уголовно-правовой институт исчерпал себя [5].

Поиск оптимальных решений правовой регламентации института прикосновенности к преступлению сводится, на наш взгляд, к решению двух ключевых вопросов: выработке дефиниции прикосновенности и определения круга деяний, ее составляющих.

Определяя природу прикосновенности, А.Ф. Кистяковский писал, что «прикосновенные к преступлению лица стоят лишь близ него, тогда как участвующие находятся внутри; первые лишь касаются главного преступления, вторые совершенно объемлют его; вернее, сами объемлются им» [6].

Юридическая природа прикосновенности к преступлению заключается в создании благоприятных условий для совершения и окончания преступления [7]. Прикосновенность к преступлению возникает при наличии основного преступления на стадиях приготовления (укрывательство преступления, попустительство его совершению, недонесение о преступлении) и потскриминальной (легализация и приобретение имущества, полученного преступным путем; укрывательство преступления; недонесение о преступлении). В этой связи несостоятельно понимание прикосновенности как преступной деятельности, возникающей исключительно по поводу уже совершённого преступления [8]. Обращает на себя внимание тот факт, что прикосновенность возникает не только в связи с совершением основного преступления, но и в связи с совершением общественно опасного посягательства невменяемым лицом. Так, например, К. признана виновной в укрывательстве преступления, не будучи осведомленной, что общественно опасное посягательство совершено лицом в состоянии невменяемости [9].

Прикосновенность обладает всеми признаками преступления, определенными в ст. 14 УК РФ. Справедливо в этой связи утверждение А.В. Зарубина о том, что «общественная опасность прикосновенности к преступлению заключается в увеличении возможности для уклонения лица, совершившего основное посягательство, от применения уголовно-правового воздействия с помощью лиц, не участвовавших в его совершении» [10].

Однако подобный подход все же не в полной мере отражает степень общественной опасности прикосновенности, раскрывает ее ограниченно. На наш, взгляд нельзя упускать из вида то обстоятельство, что прикосновенность общественно опасна не только за счет создания возможности для субъекта основного преступления избежать справедливого преследования со стороны государства (укрывательство, недонесение). Ее вредоносность и в том, что она создает предпосылки для повышения эффективности преступной деятельности субъекта (легализация, приобретение незаконного добытого имущества), а равно условия для возможности преступной деятельности иного лица (попустительство).

Как отмечает Е.В. Волотова, современное общество достигло того уровня развития, при котором общественная опасность различных видов прикосновенных деяний во многих случаях практически сравнялась с общественной опасностью тех преступлений, прикосновенными к которым они являются [11].

Прикосновенность как консолидированная уголовно-правовая категория нарушает общественные отношения в сфере обеспечения нормального функционирования существующей в государстве системы противодействия преступлениям, именно поэтому ее об-

щее понятие должно обладать «сквозным» для всего Уголовного кодекса характером и располагаться в Общей части УК РФ. Отдельные же деяния, составляющие различные формы прикосновенности, следует размещать в Особенной части сообразно содержанию их видового объекта, что и осуществлено, хотя и не в полной мере, в действующей редакции УК РФ.

Сходную позицию высказывал И.Х. Хакимов, который полагал, что прикосновенное лицо посягает, прежде всего, на общественные отношения, связанные с деятельностью государства по предупреждению и раскрытию преступлений [12].

Сложно поддержать тех авторов, которые считают, что объектом прикосновенности к преступлению выступает общественная безопасность [13] и на основании этого предлагают включить нормы о ней в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности» [14].

Отличается, на наш взгляд, узостью утверждение, что прикосновенность посягает на интересы правосудия в широком смысле, однако не во всех прикосновенных преступлениях они являются основным объектом, а могут выступать в качестве дополнительного или факультативного [15]. Ошибочной видится и позиция тех авторов, которые увязывают объект прикосновенного деяния с тем, на что было направлено основное преступление [16].

Таким образом, в системном понимании прикосновенность к преступлению является самостоятельным комплексным институтом Общей и Особенной частей уголовного права. Однако в действующей редакции УК РФ эта система нарушена, поскольку в Общей части дефиниция прикосновенности отсутствует. Подобный подход вряд ли справедлив, поскольку продуцирует не только правоприменительные ошибки (в частности, при разграничении соучастия и прикосновенности к преступлению), но и ведет к созданию искусственных правовых конструкций (примером, в частности, служит примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ).

Определение правовой природы прикосновенности к преступлению всегда носит дискуссионный характер.

В дореволюционный период в отечественной теории уголовного права сложилось два основных подхода относительно правовой природы прикосновенности к преступлению: 1) она рассматривалась как соучастие с выделением прикосновенных соучастников; 2) определялась как особая форма совиновничества [17]. Вместе с тем уже тогда ряд ученых ставили под сомнение подобный подход [18]. Впоследствии, в отечественной правовой доктрине постепенно начинают формироваться теоретические основы отграничения прикосновенности к преступлению от соучастия. Так, В.В. Есипов отмечал, что прикосновенность к преступлению не может быть формой соучастия и тем более совиновничества, так как нельзя вложиться в то, что уже совершилось и существует [19].

В советский период В.Г. Смирнов указывал: «Природа общественно опасных деяний лиц, прикосновенных к преступлению, носит двойственный характер. С одной стороны, это содействие преступнику, совершившему преступление, с другой – это противодействие работе органов социалистического правосудия. При этом укрыватель, недоноситель и попуститель лишь постольку препятствуют борьбе с общественно опасными явлениями, поскольку они оказывают преступникам содействие в сокрытии их от суда, в реализации плодов преступления или в сокрытии его следов» [20].

По мнению В.Д. Меньшагина, «характерными чертами прикосновенности является то, что поведение виновных в таких случаях не находится в причинной связи с преступлением, совершенным другими лицами...» [21]. Думается, что подобное понимание прикосновенности существенно сужает ее истинное содержание, поскольку взаимосвязь

основного преступления и прикосновенного имеет более сложный характер. В ряде случаев причинная связь между ними отсутствует (например, при заранее не обещанном укрывательстве, легализации имущества), но в других, напротив, причинная связь налицо (например, в ситуации попустительства). В последнем случае очевидно, что прикосновенное деяние создает предпосылки для возникновения возможности совершения основного преступления.

Такая точка зрения высказывалась в трудах Г. Виттенберга и П. Панченко, считавших, что в причинной связи с основным преступлением находятся недонесение и попустительство в отношении готовящегося или совершаемого преступления [22].

Е.О. Болотова совершенно обоснованно отмечает, что прикосновенность как уголовно-правовая категория означает имеющую уголовно-правовое значение специфическую связь деяния одного лица (далее – прикосновенного лица) с преступлением другого лица, при котором прикосновенное лицо хотя и не является исполнителем или иным соучастником преступления, но действие (бездействие) которого предопределяет возможность его совершения либо обеспечивает сокрытие [23].

В монографических источниках современного периода представлены новые подходы к пониманию прикосновенности к преступлению. В частности, А.А. Васильев предлагает отталкиваться от того, на что направлена деятельность субъекта прикосновенного деяния. При этом он использует метод перечисления, указывая, что прикосновенность к преступлению – это деяние лица, не участвовавшего в совершении основного преступления, заключающееся в действии (бездействии) с вещами материального мира, содержащими информацию об основном преступлении, участником, свидетелем и (или) потерпевшим от основного преступления, либо с информацией об основном преступлении, направленное на воспрепятствование выявлению, расследованию и раскрытию основного преступления [24].

Думается, такой подход нельзя назвать удачным, поскольку прикосновенность не ограничивается лишь направленностью на *воспрепятствование* выявлению, расследованию и раскрытию основного преступления.

Этот же контраргумент вполне применим и к определению А.В. Зарубина, который также акцентирует внимание на том, что прикосновенность препятствует применению мер уголовно-правового воздействия за совершение основного посягательства при отсутствии признаков соучастия в нем [25].

Интересным, но все же несколько ограниченным, представляется определение прикосновенности к преступлению, сформулированное Е.В. Пономаренко: «... «преступная прикосновенность» – это умышленные деяния, создающие угрозу причинения ущерба деятельности органов дознания, предварительного расследования, суда в части осуществления ими уголовно-процессуального преследования, вынесения справедливого приговора суда в отношении лиц, совершивших умышленные преступления, их не обусловившие, но возникающие в связи с ними и на их основе в виде заранее не обещанного: укрывательства преступления или лица, его совершившего, не оказания помощи правосудию в части готовящегося, совершающегося или совершенного преступления, препятствующие решению задач УК РФ» [26].

Нельзя поддержать позицию и тех авторов, которые ограничивают прикосновенность к преступлению сферой общественной безопасности [27] или интересами государственной власти [28]. На взгляд А.Е. Милина, «Прикосновенность к преступлению – это предусмотренные уголовным законом виновно совершенные общественно опасные деяния, связанные с готовящимся, совершаемым или оконченным преступлением, но не со-

действующие его подготовке и совершению, а значит не находящиеся в причинной связи с преступным результатом либо самим преступным действием или бездействием» [29].

На наш взгляд, прикосновенность, обуславливается основным преступлением, возникает на почве уже совершенного или совершаемого общественно опасного посягательства. Преступная деятельность, образующая прикосновенность к преступлению, является вторичной по отношению к другому совершенному преступлению, именуемому в теории и практике уголовного права как основное или предикативное преступление [30].

Прикосновенность посягает на общественные отношения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений, поскольку ее субъект, в какой бы форме она не осуществлялась, оказывает содействие преступнику в уклонении от уголовной ответственности.

Заслуживает внимания точка зрения Н.С. Косяковой о том, что сущность прикосновенности выражается в посягательстве на целую систему общественных отношений, составляющих условия нормального и безопасного функционирования общества [31].

В свою очередь широкое и достаточно точное толкование объекта прикосновенности к преступлению предлагает С.А. Шатов: это «общественные отношения в сфере деятельности правоохранительных органов и суда по пресечению, расследованию и раскрытию преступлений, изобличению виновных лиц и привлечению их к установленной законом ответственности, а также предупреждению преступности, что является важнейшей комплексной задачей современной системы правосудия» [32].

Таким образом, осуществленный анализ доктринальных источников позволяет сформулировать следующее определение прикосновенности: *это виновно совершенное общественно опасное противоправное деяние лица, не являющегося соучастником преступления, направленное на создание возможности совершения преступления другим лицом либо на сокрытие уже совершенного другим лицом преступного деяния.*

В последнее время в отечественной науке развернулась дискуссия относительно терминологического обозначения рассматриваемой категории. Так, ряд авторов ратует за переименование ее в «преступную прикосновенность» [33]. Подобное предложение, на наш взгляд, нецелесообразно, поскольку смысловая нагрузка традиционно используемой категории «прикосновенность к преступлению» совершенно точно отражает саму ее суть, подчеркивая, что правовой оценке подлежит именно прикосновенность к преступлению, а не какому-либо иному деянию.

К *отличительным признакам прикосновенности к преступлению* следует относить следующие:

1) прикосновенность обуславливается основным преступлением, возникает на почве уже совершенного или совершаемого общественно опасного посягательства;

2) прикосновенность посягает на общественные отношения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений, поскольку ее субъект, в какой бы форме она не осуществлялась, оказывает содействие преступнику в уклонении от уголовной ответственности;

3) прикосновенность как консолидированная уголовно-правовая категория посягает на существующую в государстве систему противодействия преступлениям;

4) прикосновенность общественно опасна не только за счет создания возможности для субъекта основного преступления избежать справедливого преследования со стороны государства (укрывательство, недонесение), но и тем, что она создает предпосылки для повышения эффективности его преступной деятельности (легализация, приобретение незаконного добытого имущества), а равно условия для ее осуществления (попустительство);

5) юридические признаки прикосновенности выражаются в том, что она может иметь форму лишь умышленного преступного деяния (общего либо специального субъекта), реализуемого как в форме действия, так и в форме бездействия.

Литература:

1. Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: дис... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 141.
2. Лапунин М.М. Прикосновенность к преступлению (глава 14) // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 442.
3. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. М.: Юристъ, 1996. С. 315.
4. См.: Ковалёв М.И. Уголовная ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву. М., 1952. С. 12; Омаров А.С. Ответственность за укрывательство преступлений по советскому уголовному праву. М., 1954. С. 4-5.
5. Курс российского уголовного права. Общая часть / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М. 2001. С. 396.
6. См.: Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права съ подробнымъ изложениемъ началъ русскаго уголовного законодательства. Часть Общая. Второе исправленное и значительно дополненное издание. Киевъ, 1882. С. 609.
7. Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению М., 2004. С. 5. См. также: Феоктистов М.В. Институт прикосновенности к преступлению и проблемы его законодательной регламентации // Проблемы уголовного права и криминологии: материалы выездного заседания секции уголовного права и криминологии УМО по юридическому образованию высших учебных РФ (Н.Новгород, 11-14 сентября 2013 г.). Н.Новгород: Изд-во Нижегород. госуниверситета, 2013. С. 106-113.
8. Магдиев М.Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. Махачкала, 2006. С. 5; Дробот С.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 6.
9. См.: Приговор № 1-312/2016 Прикубанского районного суда г. Краснодара от 7 апреля 2016 г. по делу № 1-312/2016 // Архив Прикубанского районного суда за 2016 г.
10. Зарубин А. В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 4.
11. Волотова Е.В. Прикосновенность к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 9.
12. Хакимов И.Х. Ответственность за прикосновенность к хищению социалистического имущества. Ташкент: Фан, 1982. С. 24.
13. Макаров А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению М., 2004. С. 5; Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5.
14. См.: Разгильдиев Б.Т. Уголовно-правовые проблемы прикосновенности к преступлению. Саратов, 1981. С. 29-30; Макаров А.Д. Указ. соч. С. 5; Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис... канд. юрид. наук. С. 5.
15. Свинаярева Е. А. Прикосновенность к преступлению // Вестник Владимирского юридического института. 2009. № 2(11). С. 143.
16. Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности к преступлению по советскому уголовному праву. Л., 1957. С. 26-27.

17. См.: Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступления и преступники. Наказание и наказуемые. Типография Варшавского учебного округа. 1894 г. С. 159-160.
18. Там же.
19. Там же. С. 159–160.
20. Смирнов В.Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. Ленинград, 1957. С. 26.
21. Советское уголовное право: Общая часть / под ред. В.Д. Меньшагина. М.: Издательство МГУ, 1977. С. 245.
22. Виттенберг Г.Б, Панченко П.Н. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. Иркутск: Издательство Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1976. С.8.
23. Болотова Е.О. Прикосновенность к преступлению: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.
24. Васильев А.А. Уголовно-правовая характеристика прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 8.
25. Зарубин А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 4.
26. Пономаренко Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 6.
27. См.: Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис... канд. юрид. наук. С. 5; Макаров А.Д. Указ. соч. С. 5.
28. Сережкина К.Н. Прикосновенность к преступлению в уголовном праве России: оптимизация норм и практики их применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С.6.
29. Милин А. Е. Уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 5.
30. См.: Лапунин М.М. Вторичная преступная деятельность: понятие, виды, проблемы квалификации, криминализации и пенализации. М., 2006. С. 36; Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 37.
31. Косякова Н.С. Прикосновенность к преступлению по российскому уголовному праву: становление, состояние и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С.12.
32. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. СПб., 2012. С. 106.
33. Пономаренко Е.В. Указ. соч. С. 5.

С.А. ЛОБОВ
*доцент кафедры государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин
Кубанского института социэкономии и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»,
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)*
S.A. LOBOV
*Associate Professor of the State
and general theoretical disciplines
Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(branch) OUP V «Academy of Labor and Social Relations»,
candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ МЕР ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ТРУДА

ON THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF MEASURES OF THE GENERAL-SOCIAL CRIME PREVENTION IN THE WORK OF LABOR

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы формирования в современной России системы мер общего предупреждения преступности, применяемых в сфере трудовых отношений. Исследуются вопросы их оптимизации, отмечается, что решающее значение в формировании такой имеют долгосрочные широкомасштабные общенациональные мероприятия, направленные на улучшение всех сфер жизни общества.

Ключевые слова: предупреждение, трудовые отношения, социально-экономические меры предупреждения преступности, политические меры предупреждения преступности наркотики, социально-психологические меры предупреждения преступности.

Annotation: in the article the problems of formation in modern Russia of the system of measures of general crime prevention applied in the sphere of labor relations are considered. The problems of their optimization are discussed, it is noted that long-term large-scale national events aimed at improving all spheres of society's life are crucial in shaping this.

Keywords: prevention, labor relations, socio-economic measures to prevent crime, political measures to prevent crime, drugs, socio-psychological measures to prevent crime.

Общесоциальное предупреждение преступности обычно рассматривается как структурированная и иерархизированная система мер предупредительного характера, которая отражает в себе структуру причинного комплекса преступности в целом или какого-либо ее вида. В данной системе принято разделять предупредительные меры на общие (общесоциальные) и специальные (криминологические) [1].

Общесоциальные меры характеризуется чрезвычайно широкой сферой воздействия, охватывая практически все причинные факторы преступности. Эти меры обеспечивают системное, комплексное воздействие на преступность во всех ее проявлениях. Это позволяет использовать весьма различные по содержанию профилактические меры в тесной взаимосвязи [2]. Среди таких мер можно назвать социально-экономические, политические,

организационные воспитательные, правовые и пр. Все эти меры применимы в том числе и в сфере трудовых отношений.

В числе важнейших мер общесоциального и экономического характера, нацеленных, среди прочего, на ограничение преступности в области трудовых отношений, можно выделить следующие:

- развитие промышленного производства, основанного на современных технологиях;
- совершенствование системы распределения материальных благ;
- совершенствование финансовых институтов государства, создание эффективных финансовых инструментов;
- обеспечение соответствия минимальных размеров оплаты труда, пенсий и пособий реальному прожиточному минимуму;
- снижение уровня безработицы;
- государственная поддержка и контроль создания новых и сохранения существующих рабочих мест;
- государственный контроль за соблюдением закона в сфере оплаты труда вне зависимости от формы собственности предприятий, недопущение задержек выплаты заработной платы, своевременное выявление виновных в этом и привлечение их к ответственности;
- формирование и реализацию государственной политики защиты и поддержки базовых социальных институтов (семьи, рождаемости, материнства и детства, и пр.);
- создание благоприятных условия для решения проблем жилищной сферы;
- государственная поддержка некоммерческих форм социальной помощи, благотворительности, меценатства и другой подобной деятельности.

Любые общесоциальные меры предупреждения будут эффективны только в случае наличия жесткого социального и правового контроля за их осуществлением.

Как отмечается в криминологической литературе для эффективного предупреждения преступлений в сфере труда должна быть разработана и осуществлена комплексная система мероприятий финансового, налогового, пограничного, таможенного и валютного контроля, дополненная мерами по предупреждению коррупционных проявлений в областях такого контроля [3].

По формам такой контроль подразделяется на: внутренний, осуществляемый непосредственно на предприятии его администрацией, трудовыми коллективами, общественными объединениями работников и внешний реализуемый органами государства.

По времени осуществления контроль может быть подразделен на: предварительный, который реализуется до начала трудовых отношений, при отборе работников и приеме их на работу; текущий, осуществляемый непосредственно в процессе трудовой деятельности и последующий, реализуемый после прекращения трудовых правоотношений.

Способы осуществления такого контроля могут быть документальными, то есть состоять в изучении документации предприятия (приказов, распоряжений, инструкций, положений, связанных с организацией труда) и непосредственными, то есть осуществляться путем опроса или получения объяснений от представителей администрации, работников и третьих лиц, располагающих необходимыми сведениями. Результаты проверок должны реализовываться путем восстановления нарушенных прав и мер правовой ответственности виновных. Помимо этого, результаты проверок должны анализироваться и обобщаться.

Социально-экономические меры непременно должны дополняться политическими мерами общего характера, обеспечивающими ограничение преступных проявлений в сфере труда. К их числу можно отнести:

- устойчивости системы государственного управления в сферах экономики и социального обеспечения;
- обеспечение и сохранение оптимального баланса государственных и частных интересов в экономической и социальной сферах;
- разработка и реализация государственных программ и иных мер, обеспечивающих ограничение и искоренение коррупционного поведения государственных и муниципальных служащих;
- разработка эффективной уголовной политики, обеспечивающей единообразное понимание целей, задач и результатов уголовной репрессии в сфере противодействия преступности в целом и отдельным ее видам, в том числе и преступности в сфере труда.

Весьма распространенным фактором существования преступности в трудовой сфере является незнание трудового законодательства как работодателями, так и работниками населением, существующее на фоне общей правовой неграмотности населения.

В связи с этим обстоятельством приобретает большое значение реализации комплекса мер, нацеленных на преодоление правовой неграмотности и правового нигилизма населения, включающие в себя:

- формирование в обществе уважительного отношения к законам и правопорядку, в том числе и к законам, формирующим правоотношения в трудовой сфере общественной жизни;
- широкое освещение состояния законодательства, предусматривающего ответственность за правонарушения и преступления в трудовой сфере;
- информирование населения о реализации мер ответственности конкретных лиц, совершивших преступления, в сфере труда, и конкретных мерах, примененных к ним;
- информирование населения о существующих способах законной защиты трудовых прав и способов их реализации;
- оповещение населения о положительных результатах профилактики преступлений в сфере труда;
- освещение в средствах массовой информации позитивного опыта деятельности правоохранительных и контрольных органов, общественных объединений и организаций по предупреждению и противодействию нарушениям трудовых прав граждан.

Существенное профилактическое значение в современных условиях приобретает формирование мотивационной сферы людей, соответствующей основным долговременным интересам общества. Прежде всего, это должно коснуться отношения к корыстной мотивации. Социологические, психологические и криминологические исследования показывают, что с переходом общества на рыночные отношения отмечается смягчение моральных и правовых оценок корыстной мотивации в сознании людей. В известной мере, такое изменение неизбежно по меньшей мере потому, что невозможно представить себе нормальное существование таких общественных институтов как частная собственность, свободное предпринимательство и др., в условиях пренебрежения представлениями о прибыли, доходе, выгоде, пользе [4].

Однако, в настоящее время в общественном сознании формируются взгляды о реабилитации любых проявлений корысти, жадности любой ценой путем, пренебрежении любыми правилами и запретами для достижения материального благополучия [5].

Поэтому важнейшей задачей представляется необходимость восстановления в общественном сознании критических оценок неправомерных проявлений корысти, исключить отношение к ним как к морально допустимым и, одновременно сформировать понятие о несовместимости таких проявлений с идеалами, нормами и ценностями цивилизованного общества, как социальный паразитизм, уголовно наказуемое поведение.

В завершение можно сформулировать некоторые выводы. Определяющее значение в формировании общесоциальной системы профилактики преступности в сфере труда приобретают долгосрочные широкомасштабные мероприятия, нацеленные на совершенствование и улучшение социально-экономической сферы жизни общества, упрочение политической власти, рост уровня правовой культуры, нравственности и духовности.

Литература:

1. Криминологии: Учебник / под ред. Г.А. Аванесова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2015. – С. 296; Криминология: учеб. пособие / под ред. С.Я. Лебедева и М.А. Кочубей. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. – С. 190-191.
2. Алексеев, А.И. Криминология: курс лекций / А.И. Алексеев. – М., 2006. – С. 117.
3. Криминология: Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – М., 2002. – С. 285.
4. Миненок, М.Г., Миненок Д.М. Корусть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. – СПб., 2001; Михайлова, В.П. Юридическая психология: учебное пособие / В.П. Михайлова, Н.И. Коруытчекова, Л.А. Александрова. – М., 2013; Ильин Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – СПб., 2002. Мешков, Н.И. Мотивация личности как ключевая проблема психологии / Н.И. Мешков, Д.Н. Мешков // Интеграция образования. – Т. 19. 2015. № 15.
5. Лунеев, В.В. Мотивация преступного поведения / В.В. Лунеев. – М., 1991. – С. 218.

А.В. ПЛОХАЯ,
магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

A.V. PLOKHAYA,
graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)

**КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ,
СОВЕРШАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ,
ЕГО ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ**

**QUALIFIED TYPES OF CRIMES AGAINST JUSTICE ACCOMPLISHED
BY OFFICIALS WHO HAVE IMPLEMENTING IT**

Аннотация. В статье рассмотрена система признаков, квалифицирующих преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами, его осуществляющими, представлен анализ каждого из них. Автором высказаны предложения по совершенствованию уголовного закона в соответствующей части.

Annotation. The article examines the system of signs that qualify crimes against justice committed by officials who implement it, presents an analysis of each of them. The author made proposals for improving the criminal law in the relevant part.

Ключевые слова: преступления против правосудия; должностные лица, осуществляющие правосудие; квалифицирующие признаки; система квалифицирующих признаков; уголовно-правовая оценка.

Key words: crimes against justice; officials in charge of justice; qualifying signs; system of qualifying characteristics; criminally-legal estimation.

В рамках системы преступлений против правосудия в качестве самостоятельного ее компонента в специальной литературе нередко выделяется такая их разновидность, как преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами, его осуществляющими [1]. К этим деяниям следует относить привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела (ст. 299 УК РФ); незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ); незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ); принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ); фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (ч. 2-4 ст. 303 УК РФ); вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ).

Практически для всех названных преступлений (за исключением незаконного освобождения от уголовной ответственности) законом предусмотрены квалифицирующие признаки, повышающие степень общественной опасности соответствующих деяний.

Для удобства рассмотрения все квалифицирующие обстоятельства стоит классифицировать по группам. Всего таковых можно выделить три. Их содержание, так или иначе, связано с определенными признаками составов названных посягательств.

В первую следует включить обстоятельства, связанные с наступлением указанных в законе определённых преступных последствий. К таковым отнесены тяжкие последствия в ч. 3 ст. 301, в ч. 3 ст. 303 и в ч. 2 ст. 305 УК РФ. Кроме того, это причинение крупного

ущерба (ч. 2, 3 ст. 299 УК РФ), а также вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы, предусмотренное ч. 2 ст. 305 УК РФ.

Как известно, понятие «тяжкие последствия», нередко используемое законодателем, является оценочной категорией, установление конкретного наполнения которой – вопрос факта. В определенной ситуации совершения соответствующего преступления на следователе и суде лежит задача установления конкретных наступивших последствий и решение вопроса о том, могут ли они быть отнесены к категории тяжких. Решение данного вопроса представляется непростым, тем более что незначительная практика применения указанных уголовно-правовых норм не позволяет делать каких-либо обобщений. Вместе с тем и в теории уголовного права, и в судебной практике сложился определённый взгляд на содержание таких последствий применительно к иным видам преступлений. Представляется, что этот подход может быть использован и при квалификации интересующих нас преступлений при наличии рассматриваемого признака. Так, например, в постановлении Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» к иным тяжким последствиям в п. 13 отнесено, в частности, самоубийство или попытка самоубийства потерпевшего лица [2].

Применительно к иным преступлениям в специальной литературе к тяжким последствиям относят расстройство психической деятельности потерпевшего, существенное нарушение тех или иных его прав и свобод – трудовых, семейных и пр.

Представляется, в круг тяжких последствий рассматриваемых преступлений, кроме названных последствий (самоубийство и покушение на него, возникновение психического расстройства), можно отнести и ряд иных. Например, при совершении деяния, предусмотренного ст. 301 УК РФ, это может быть развитие у потерпевшего какого-либо тяжёлого заболевания (туберкулёз, гепатит С), длительное его пребывание в условиях ограниченной свободы. При фальсификации доказательств – реальное осуждение невиновного на основе таковых; утрата работы, бизнеса, повлекшая, соответственно, материальные убытки; разрушение семейных связей и др. При вынесении заведомо неправосудного судебного акта, кроме всего прочего, – причинение имущественного вреда незаконно осужденному человеку, продолжение преступной деятельности лицом, реально совершившим преступление и избежавшим ответственности, и др.

Понятие крупного ущерба применительно к ст. 299 УК РФ определено законом в примечании к названной статье. Согласно ему крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей.

В качестве последствия преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 305 УК РФ, названо вынесение незаконного приговора суда к лишению свободы. Это может быть как лишение свободы на определённый срок, так и пожизненное лишение свободы.

Говоря о наступлении последствий как признаке соответствующих посягательств, следует указать, что при их наличии составы рассматриваемых преступлений (сконструированные при отсутствии квалифицирующих признаков как формальные) трансформируются в материальные. Следовательно, меняется момент их окончания, требуется установление причинной связи между деянием, образующим объективную сторону, и указанным в законе последствием. Кроме того, возникает вопрос о содержании виновного отношения лица к этим обстоятельствам. Думается, что оно может выступать в форме умысла, как прямого, так и косвенного.

Следующая группа квалифицирующих обстоятельств, как отмечено ранее, связана со способом воздействия на потерпевшего при совершении рассматриваемых преступле-

ний. Это применение насилия, издевательства и пытки в процессе принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 302 УК РФ).

В специальной литературе насилием признают «активную сознательную деятельность (поведение), непосредственно направленную против свободного волеизъявления. При таком понимании насилия его феноменальной особенностью следует считать причинение вреда тому, чья свобода ограничивается, против чьей свободной воли происходит деяние. В отличие от многих других форм проявления человеческой активности только насилие представляет собой поведение, при котором поступки человека очевидно нацелены на подавление свободы» [3].

В рассматриваемой ситуации имеется в виду исключительно физическое насилие, поскольку если «предусматривается ответственность за угрозу применения насилия, то это специально оговаривается в диспозиции уголовно-правовой нормы» [4].

Что касается физического насилия, то его можно определить как осуществляемое вопреки воле человека воздействие, нарушающее его телесную неприкосновенность, причиняющее или способное причинить вред его здоровью, ограничивающее свободу волеизъявления или действий потерпевшего либо полностью лишаящее его такой свободы.

Состав насильственного принуждения к даче показаний охватывает нанесение потерпевшему побоев, лёгкого и средней тяжести вреда его здоровью, а также тяжкого вреда при отсутствии признаков, названных в ч. 2-4 ст. 111 УК. Наличие указанных обстоятельств и умышленное лишение жизни потерпевшего требует дополнительной квалификации содеянного по ч. 2-4 ст. 111 или ст. 105 УК. Если в процессе совершения преступления смерть потерпевшему причиняется по неосторожности, такие последствия требуют самостоятельной квалификации по ст. 109 УК РФ. Такой вывод обусловлен тем, что жизнь личности не является ни дополнительным, ни факультативным объектом принуждения к даче показаний. Соответственно предусматривающая это преступление уголовно-правовая норма на охрану жизни не рассчитана.

В специальной литературе высказано мнение, что последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью в любом случае не охватываются составом принуждения к даче показаний и требуют самостоятельной оценки по ст. 111 УК РФ [5]. Полагаем, что дополнительная квалификация по ч. 1 ст. 111 УК РФ не требуется. Этот вывод подтверждается результатом сопоставления санкций соответствующих уголовно-правовых норм.

Издевательство представляет собой разновидность психического насилия, информационного воздействия на потерпевшего, подавляющего его волю в результате грубого циничного унижения чести и достоинства человека. Оно может объективироваться в совершении оскорбительных действий, допущении такого же рода высказываний в отношении допрашиваемого, циничном, глумливом высмеивании каких-либо его моральных свойств, физических недостатков, принуждении лица к совершению унижающих его достоинство поступков и т.д. Издевательство может быть растянуто во времени (например, продолжаться в течение ряда допросов). Но его может образовать даже разовый акт соответствующего поведения, поэтому в установлении систематичности последнего необходимости нет [6].

Что касается пытки, то для ее определения следует обратиться к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой ООН 10 декабря 1984 г. Согласно положениям последней пытка представляет собой любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо, или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или при-

нудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия [7].

В УК РФ в примечании к ст. 117 тоже сформулирована дефиниция пытки, основанная на воспроизведенных ранее международно-правовых установлениях: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса понимается причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях».

В специальной литературе высказана критика законодательного определения пытки. Авторы отмечают, что специфика пытки заключается в жестоком мучении человека, а не просто в причинении ему страданий. В частности, они указывают, что жестокое мучение предполагает либо длительность причинения страданий, что их, бесспорно, усугубляет, либо изощрённость нанесения последних [8]. Полагаем, что с представленной позицией следует согласиться. Жестокое мучение в ситуации совершения названного преступления может проявляться, в частности, в том, что допрашиваемого в течение нескольких часов держат на ногах или стоя на коленях; лишают его сна, пищи, питья; совершают в отношении него многократные болезненные действия (секут, колют острыми предметами, прижигают тело и др.) либо глубоко оскорбительные и т.д.

Наконец, третья группа квалифицирующих названные преступления признаков обусловлена категорией преступления, в совершении которого подозревается или обвиняется потерпевший. Это привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, если это связано с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (ч. 2 ст. 299 УК РФ) и фальсификация доказательств по уголовному делу о преступлениях таких категорий (ч. 3 ст. 303 УК РФ). Критерии отнесения преступления к той или иной категории установлены, как известно, в ст. 15 УК РФ.

Таким образом, рассмотрение квалифицирующих преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами, его осуществляющими, обстоятельств свидетельствует о том, что они могут быть систематизированы по определенным группам. Это обусловлено тем, что их содержание связано с определенными признаками их составов (преступные последствия, способы совершения и др.).

Анализ соответствующей системы позволяет сделать вывод о необходимости ее дальнейшего совершенствования. В частности, мы солидарны с И.Н. Кабашным, предлагающим дополнить ст. 300 УК РФ частью второй следующего содержания: «То же деяние, совершенное в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления ...» [9]. Видится, кроме того, целесообразным высказанное в специальной литературе мнение о необходимости корректирования понятия пытки в примечании к ст. 117 УК РФ путем отражения в нем такого ее проявления, как жестокое мучение потерпевшего.

Литература:

1. См., напр.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Том V: преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 210.

2. См.: Постановление Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. №16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70712364/>.

3. Иващенко А.В., Марцев А.И. Методология правового исследования насилия // Социально-правовые проблемы борьбы с насилием. Омск, 1996. С. 4.
4. Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М.: Юр. лит., 1974. С. 75.
5. См., например: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. С. 194; Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новосёлова. М.: Норма, 2001. С. 635; Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.П. Коняхина, М.Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015. С. 749.
6. См., например: Бородин С.В. Преступления против жизни. М.: Юристъ, 1999. С. 185; Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996. С. 51.
7. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 45.
8. См. также: Дворянсков И. Уголовная ответственность за пытку и иное бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с заключенными // Уголовное право. 2003. № 4. С. 19-21; Попов Н.А. Понятие «пытка» как элемент объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. 117 и 302 УК России // Уголовное право и современность: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. Красноярск, 1999; Попов Н., Попова Л. Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты // Уголовное право. 2003. № 3. С. 53–54.
9. См.: Кабашный И.Н. Преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 8.

А.В. ПЛОХАЯ,
магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

А.В. ЦВИЛИЙ,
преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

A.V. PLOKHAYA,
graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)

A.V. TSVILI,
the teacher of the chair of criminal and criminally-executive law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST JUSTICE IN THE SOVIET CRIMINAL LAW: STAGES OF EVOLUTION

Аннотация. В статье представлен анализ процесса эволюции системы преступлений против правосудия в отечественном уголовном законодательстве в советский период. Авторы показывают, как от кодекса к кодексу она совершенствовалась, формируя основу для современной модели криминализации названных деяний.

Ключевые слова: преступления против правосудия, система преступлений против правосудия, криминализация, эволюция уголовного законодательства, классификация преступлений.

Annotation. The article presents an analysis of the evolution of the system of crimes against justice in the domestic criminal legislation in the Soviet period. The authors show how it was improved from the code to the code, forming the basis for a modern model of criminalization of these acts.

Key words: crimes against justice, a system of crimes against justice, criminalization, the evolution of criminal law, the classification of crimes.

Советское уголовное законодательство, как и законодательство любого государства, уделяло серьезное внимание обеспечению правовыми средствами нормальной деятельности по осуществлению правосудия. Система соответствующих норм формировалась постепенно, по мере развития государства и права нового типа, совершенствования законодательной техники. Первым нормативным документом, положившим начало организации и деятельности советской судебной системы, стал Декрет о суде №1 от 22 ноября 1917 г. [1]. Однако он не содержал уголовно-правовых установлений, касающихся вопросов ответственности за преступления против правосудия. Вместе с тем в Декрете было сформулировано положение, что «местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат револю-

ционной совести и революционному правосознанию» (п. 5). Таким образом, в определенной мере могли применяться нормы, касающиеся преступлений против правосудия, содержащиеся в прежних уголовных законах.

Впервые система преступлений против правосудия, разработанная советским законодателем, была представлена в УК РСФСР 1922 г. [2]. В нем содержалось девять статей, криминализующих преступления против правосудия. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что они предусматривались в разных главах Уголовного кодекса.

Статья 68, устанавливающая наказуемость укрывательства ряда контрреволюционных преступлений, не связанного с непосредственным совершением этих преступных посягательств, размещалась в главе «Государственные преступления» раздела «О контрреволюционных преступлениях» УК РСФСР. Это было, например, укрывательство организации в контрреволюционных целях вооруженных восстаний, террористических актов, направленных против представителей советской власти, или участия в названных деяниях, участия в шпионаже всякого рода и др.

Часть норм, предусматривающих интересующие нас посягательства, содержалась во втором разделе главы «Государственные преступления» УК РСФСР – «О преступлениях против порядка управления». Это, в частности, недонесение о достоверно известных предстоящих совершённых контрреволюционных преступлениях (ст. 89); освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения либо содействие его побегу (ст. 94); побег арестованного из-под стражи или из места заключения, учинённый посредством подкопа, взлома или вообще повреждения затворов, стен и т.п. (ст. 95).

В главе V УК РСФСР – «Преступления против жизни, свободы и достоинства личности» – содержались нормы о заведомо ложном доносе (ст. 177) и заведомо ложном показании (ст. 178).

Ответственность за самовольное оставление определённого установленного законным распоряжением административных или судебных властей местопребывания (ст. 223 УК РСФСР) предусматривалась в главе VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок».

Наконец, ответственность за преступления против правосудия, совершённые осуществляющими его должностными лицами, устанавливалась статьями главы «Должностные преступления». Систему таких деяний образовывали постановление судьями неправосудного приговора (ст. 111); незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний, заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных либо корытных видов (ст. 112).

По мере развития законодательства УК РСФСР 1922 г. дополнялся, в том числе положениями, касающимися преступлений против правосудия.

Так, уже в 1922 г. в ст. 95 Кодекса было включено такое деяние, как побег с места высылки или с пути следования к ней [3].

В результате законотворческой деятельности в УК РСФСР появились ст. 104 «а», предусматривающая наказуемость уклонения свидетеля, эксперта, переводчика и понятого от явки по вызову следственного или судебного органа, а равно за отказ от выполнения возложенных на них обязанностей, и ст. 104 «б», криминализующая разглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного производства [4].

Декретом ВЦИК и СНК от 25 августа 1924 г. ст. 104 «б» дополнена указанием на уклонение народного заседателя от исполнения своих обязанностей без уважительных причин [5].

УК РСФСР 1926 г. [6] нормы, предусматривающие ответственность за преступления против правосудия, содержал уже в двух главах – «Иные преступления против порядка управления» и «Должностные (служебные) преступления».

Таким образом, система этих посягательств стала состоять как бы из двух компонентов – преступления против правосудия, посягающие на установленный в государстве порядок управления, совершаемые любыми лицами, и посягательства на интересы правосудия, совершаемые специальным субъектом – должностными лицами.

Первая группа объединяла следующие преступные деяния:

- незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из места заключения либо содействие его побегу; побег арестованного из-под стражи или из мест заключения, побег с места обязательного поселения или пути следования к нему (ст. 81 УК РСФСР);

- самовольное возвращение высланного в место, запрещённое для проживания, самовольное временное оставление назначенного постановлением судебного или административного органа местопребывания, неявка в срок к назначенному теми же органами месту жительства (ст. 82 УК РСФСР);

- уклонение или отказ свидетеля, эксперта, переводчика и понятого от выполнения своих обязанностей, уклонение от исполнения своих обязанностей народного заседателя, воспрепятствование явке свидетеля или народного заседателя для исполнения своих обязанностей (ст. 92 УК РСФСР);

- заведомо ложный донос, заведомо ложное показание (ст. 95 УК РСФСР);

- оглашение данных предварительного следствия, дознания или ревизионного обследования (ст. 96 УК РСФСР).

Вторую группу образовывали:

- постановление судьями неправосудного приговора, решения или определения при наличии корыстных или иных личных видов (ст. 114 УК РСФСР);

- незаконное задержание, незаконный привод, принуждение к даче показаний при допросе путём применения незаконных мер со стороны производящего допрос лица, а также заключение под стражу в качестве меры пресечения из личных либо корыстных видов (ст. 115 УК РСФСР) [7].

Обращает на себя внимание то, что УК 1926 г. не содержит указания на такое деяние, как укрывательство преступлений. Но это не упущение законодателя, а принципиальная его позиция: заранее не обещанное укрывательство было отнесено к пособничеству. Это положение вызывает серьезные возражения, во-первых, исходя из сути такой разновидности преступной деятельности; во-вторых, с позиций исторической традиции: заранее не обещанное укрывательство не считалось соучастием ни в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, ни в УК РСФСР 1922 г.

Развитие советской уголовно-правовой теории, накопление законотворческого опыта, дальнейшее совершенствование законодательной техники привели к тому, что в Уголовном кодексе 1960 г. [8] была представлена достаточно разработанная система преступлений против правосудия. Соответствующие положения были сконцентрированы в самостоятельном разделе нормативного акта – главе 8 Особенной части УК «Преступления против правосудия». Таким образом, впервые в истории советского уголовного законодательства в УК появилась обособленная глава, объединившая все нормы о преступлениях против правосудия.

В специальной литературе того периода предлагался следующий подход к классификации названных деяний в рамках их системы: 1) преступления против правосудия, совершаемые должностными лицами органов правосудия (в том числе органов, содействующих его осуществлению); 2) преступления против правосудия, совершаемые отдель-

ными гражданами; 3) преступления против правосудия, совершаемые осужденными или лицами, заключенными под стражу; 4) преступления против правосудия, совершаемые путем укрывательства преступлений или недонесения о них [9].

Первую группу образовывали: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 176 УК РСФСР); вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления (ст. 177 УК РСФСР); заведомо незаконный арест или задержание (ст. 178 УК РСФСР); принуждение к даче показаний (ст. 179 УК РСФСР).

Во вторую были включены: заведомо ложный донос (ст. 180 УК РСФСР); заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо неправильный перевод (ст. 181 УК РСФСР); отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 182 УК РСФСР); понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкуп этих лиц с целью дачи ими ложных показаний или ложного заключения (ст. 183 УК РСФСР); разглашение данных предварительного следствия или дознания (ст. 184 УК РСФСР); растрата, отчуждение или сокрытие имущества, подвергнутого описи или аресту, либо сокрытие или присвоение имущества, подлежащего конфискации (ст. 185 УК РСФСР).

Третья группа была представлена побегом с места ссылки или из лечебно-трудового либо воспитательно-трудового профилактория (ст. 186 УК РСФСР); самовольным возвращением высланного в места, запрещенные для проживания (ст. 187 УК РСФСР); побегом из места заключения или из-под стражи (ст. 188 УК РСФСР).

Четвертую, соответственно, образовывали заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 189 УК РСФСР); недонесение о преступлениях (ст. 190 УК РСФСР).

В 1962 г. была установлена «персональная» уголовная ответственность за недонесение о государственных преступлениях (ст. 88.1 УК РСФСР) и укрывательство государственных преступлений (ст. 88.2 УК РСФСР) [10]. Нумерация статей свидетельствует о том, что размещены они были не в главе «Преступления против правосудия». Действительно, нормы о названных посягательствах располагались в разделе 2 «Иные государственные преступления» гл. 1 «Государственные преступления». Очевидно, законодатель полагал, что непосредственным объектом названных преступлений выступают не общественные отношения в сфере нормального осуществления правосудия, а «социалистические общественные отношения, составляющие правильную деятельность органов социалистического государства, осуществляющих борьбу с государственными преступлениями» [11].

В 1977, 1983 и 1987 гг. гл. 8 УК РСФСР была дополнена соответственно ст. 188.1 («Уклонение от отбывания наказания в виде лишения свободы»), ст. 188.2 («Неисполнение судебного решения») [12], ст. 188.3 («Злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения») [13] и ст. 188.4 («Незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях») [14].

С принятием в 1989 г. Закона СССР «Об ответственности за неуважение к суду» были внесены коррективы в уголовное законодательство. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 декабря 1989 г. [15] УК РСФСР пополнился ст. 176.1 («Вмешательство в разрешение судебных дел»), ст. 176.2 («Угроза по отношению к судье или народному заседателю»), ст. 176.3 («Оскорбление судьи или народного заседателя»). Подобным образом государство стремилось укрепить судебную власть и поднять ее авторитет.

Разумеется, в течение периода действия УК 1960 г. вносились изменения в содержание ряда норм, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, но в целом их система сохраняла свою стабильность.

Таким образом, эволюция системы преступлений против правосудия и норм, предусматривающих за них ответственность, свидетельствует о поступательном развитии отечественного уголовного законодательства в этой части в советский период. От кодекса к кодексу она совершенствовалась, формировалось единообразное представление об объекте названных преступлений, уточнялись их признаки. Стоит отметить, что большинство посягательств, ее образующих, криминализированы и в действующем УК РФ.

Литература:

1. См.: СУ РСФСР 1917. №4. Ст. 50.
2. См.: СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
3. См.: СУ РСФСР. 1922. № 72-73. Ст. 906.
4. См.: СУ РСФСР 1923 . № 48. Ст. 479.
5. См.: СУ РСФСР. 1924. № 73. Ст. 717.
6. См.: СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
7. См. также: Советское уголовное право: Особенная часть: учебник / под ред. Б.С. Утевского. М., 1958. С. 241-244; 316-332.
8. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст.591.
9. См., напр.: Загородников Н.И. Советское уголовное право. Общая и Особенная части. М.: Юрид. лит., 1975. С. 452.
10. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1962. №29. Ст. 449.
11. Загородников Н.И. Указ. соч. С. 297.
12. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1977. № 12. Ст. 255.
13. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 37. Ст. 1334.
14. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 43. Ст. 1501.
15. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 50. Ст. 1477.

Е.Н. РЫБАЛКИНА,
магистрант кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

E. N. RYBALKINA,
graduate student of the department of criminal law and criminology
Kuban State University
(Russia)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

FOREIGN EXPERIENCE OF CRIMINALIZATION OF TRAFFICKING IN HUMANS AND USE OF SLAVERY

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ подходов зарубежного законодателя к криминализации торговли людьми и использования рабского труда. Делается вывод о том, что для эффективного противодействия данным преступлениям каждому государству необходимо обратить внимание на нормы иностранных государств, устанавливающие уголовную ответственность за подобные преступления, в целях выявления позитивных моментов в этом процессе.

Ключевые слова: торговля людьми, использование рабского труда, зарубежный опыт, уголовная ответственность, сравнительный анализ.

Annotation. The article compares the approaches of the foreign legislator to the criminalization of human trafficking and the use of slave labor. It is concluded that in order to effectively counteract these crimes, each state needs to pay attention to the norms of foreign states that criminalize such crimes in order to identify positive moments in this process.

Key words: human trafficking, use of slave labor, foreign experience, criminal responsibility, comparative analysis.

Торговля людьми и использование рабского труда представляют собой опасные посяательства на свободу человека, признанную одним из важнейших человеческих благ, защищаемых и гарантированных цивилизованными государствами. Для рассмотрения подходов зарубежных законодательств к обеспечению правовой охраны названных благ личности, необходимо прежде всего провести сравнительный анализ соответствующих статей уголовных законов иностранных государств.

В настоящее время подходы к конструированию конкретных составов преступлений, законодательное описание их признаков, а также дифференциация уголовной ответственности в уголовных кодексах зарубежных стран существенно отличаются. При этом следует заметить, что в них имеют место нормативные установления, представляющие интерес и для российского уголовного законодательства [1].

Названные преступления международного характера криминализованы национальными законами различных государств. Так, чтобы бороться с этой проблемой, УК Австрии предусматривает § 104, устанавливающий наказание за занятие работорговлей, то есть для тех, «кто стремится к тому, чтобы обратить другого человека в рабство или другое, схожее с рабством, состояние или продать человека в рабство или другое, схожее с рабством, состояние». Данное деяние относится к преступлениям против свободы [2].

В УК Голландии (Нидерландский кодекс о наказаниях) работорговле посвящаются 4 статьи (ст. 274-277), отнесенных к разделу «Преступления против свободы личности». В них установлена ответственность лица, которое прямо или косвенно в собственных интересах или в интересах другого лица «умышленно участвует в работорговле». В законе присутствует указание и на специального субъекта – «лицо, которое поступает на службу или служит капитаном судна, или в качестве члена команды корабля» [3].

В дополнение к уголовному закону существует «Инструкция по работе со случаями торговли детьми», которая включает в себя нормативное понятие «торговца людьми». Важную роль для реализации соответствующих уголовно-правовых норм играет Закон Голландии об иностранцах, предусматривающий возможность получения легального статуса для жертв торговли, а также свидетелей по делу до полного завершения судебного разбирательства.

Что касается Италии, то она является одной из немногих стран Европы, которая имеет сформировавшийся комплекс правовых актов, направленных на решение проблемы торговли людьми и использования рабского труда. В соответствии с Кодексом о наказаниях преступлением считается «принуждение лица въехать на территорию иностранного государства для занятия там проституцией путем использования насилия, угроз или обмана», а также признается наказуемым деяние любого, кто поставит кого-то в положение раба или в аналогичное состояние [4].

Помимо этого, на территории Италии действует Закон о торговле людьми, нацеленный на упорядочение действий различных ведомств в сфере борьбы и противодействия торговле людьми, оказания помощи и обеспечения легального статуса жертвам данных преступлений. Названный закон позволяет правоохранительным органам реализовывать заложенное в проекте Протокола ООН положение о конфискации доходов и имущества торговцев и выплат компенсаций пострадавшим на практике. Он также распространяет на жертву право свидетеля и иные процессуальные права, необходимые для отстаивания своих интересов в суде.

Вдобавок к вышесказанному, в Австрии, Италии, Голландии и Бельгии пострадавшим от торговли людьми женщинам была дана возможность получить разрешение на временное содержание и временное проживание. В 1998 г. Европейская Комиссия ввела пакет новых рекомендаций по вопросам вовлечения негосударственных организаций в борьбу с торговлей людьми, а также оказания поддержки и обеспечения помощи, пострадавшим от данного преступления.

В это же время Уголовный кодекс Азербайджанской республики (УК АР) 2000 г. не предусматривает ответственность за торговлю людьми, однако криминализует торговлю несовершеннолетними (ст. 173, гл. 22 «Преступления против несовершеннолетних и семейных отношений»). Статья 106 Кодекса определяет рабство и работорговлю. Первое трактуется как «полное или частичное осуществление в отношении человека правомочий, присущих праву собственности». Работорговля понимается как «содержание лица с целью превращения в невольника, или использования в качестве невольника, его продажи или обмена, распоряжение им, а также любое деяние, связанное с работорговлей или перевозкой невольников, а равно рабство на сексуальной основе или посягательство на половую свободу на основе». Эти деяния отнесены к преступлениям против мира и безопасности человечества [5].

Исходя из сказанного, родовым и видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 106 («Рабство») УК АР, является мир и безопасность человечества, а личная свобода человека – дополнительным. Такая двойственность объясняется тем, что рабство в международном праве рассматривается как преступление двойственного характера. Во-

первых, рабство как международное преступление, которое относится к группе военных преступлений. Вторая разновидность рабства – преступление международного характера [6].

По мнению большинства ученых, объектом посягательства при совершении действий, образующих рабство как преступление международного характера, должна выступать именно личная свобода человека.

Поэтому, целесообразней поместить статью о рабстве в главу УК АР о преступлениях против свободы и достоинства личности, установив в то же время в главе о преступлениях против мира и безопасности человечества ответственность за рабство как разновидность действий, образующих военное преступление [7].

Большой перечень преступлений, связанных с торговлей людьми, содержится в УК Республики Беларусь (УК РБ). Они размещены в гл. 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». К их числу относятся: «Торговля людьми» (ст. 181); «Понуждение» (ст. 185); «Вербовка людей для эксплуатации» (ст. 187). Достоинством УК Республики Беларусь является то, что диспозиции его норм, которые призваны охранять личную свободу, носят описательный характер. Это позволяет максимально точно квалифицировать соответствующие деяния, избегая применения аналогии и допущение ошибок в следственной и судебной практике [8].

Уголовный кодекс Украины 2001 г., по сравнению с ранее действовавшим уголовным законодательством, содержит существенные изменения, касающиеся охраны свободы личности. Раздел III УК «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» предусматривает ответственность за торговлю людьми и за иные незаконные сделки по передаче человека.

В отличие от ст. 181 УК Республики Беларусь, предусматривающей ответственность за аналогичные незаконные действия, в ст. 149 УК Украины приводится более полное определение понятия «торговля людьми». Это «продажа, иная оплачиваемая передача человека, а равно осуществление в отношении его любой иной незаконной сделки, связанной с законным или незаконным перемещением с его согласием или без согласия через государственную границу Украины для дальнейшей продажи либо иной передачи другому лицу (лицам), с целью сексуальной эксплуатации, использования в порнобизнесе, вовлечения в преступную деятельность, вовлечения в долговую кабалу, усыновления (удочерения) в коммерческих целях, использования в вооруженных конфликтах, эксплуатации его труда» [9].

По мнению специалистов, низкий процент привлечения к уголовной ответственности за торговлю людьми объясняется совокупностью следующих факторов: отсутствие практики по данной категории дел; дилетантский характер преступлений, когда оно начинается на территории одной страны, а завершается на территории другого государства; нежелание жертв преступлений сотрудничать с правоохранительными органами из-за боязни за свою безопасность и безопасность близких, а также из-за отсутствия реальной защиты свидетелей со стороны государства; низкая квалификация работников правоохранительных органов; отсутствие у женщин, вступающих в брак с иностранцами необходимых знаний о своих правах в качестве иностранцев [10]. Это свидетельствует о необходимости объединения усилий государств в соответствующей сфере, в том числе – о целесообразности «сближения» нормативных установлений, касающихся вопросов уголовной ответственности за названные преступления.

УК Федеративной Республики Германии предусматривает более узкое определение торговли людьми, которое в § 180 звучит следующим образом: «Кто ради имущественной выгоды воздействует на другое лицо, чтобы, зная о его стесненном положении, склонить

это лицо к занятию проституцией или к продолжению этого ...». Помимо этого, в § 181 предусматривается «Тяжкий случай торговли людьми», который трактуется как занятие проституцией вербовка с применением насилия, угроз, хитрости, а также связанные с незаконным перемещением потерпевшего через границу, если лицо находилось в стесненном либо беспомощном положении [11].

Анализ содержания УК Китайской Народной Республики 1997 г. показывает, что в нем отсутствует специальная глава, закрепляющая ответственность за посягательства на свободу личности. Но в то же время уголовно-правовые нормы, призванные охранять свободу человека, можно встретить в гл. 4 «Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав»: в ст. 240 закреплена ответственность за похищение женщины или ребенка на продажу; ст. 241 – за покупку похищенных на продажу женщины или ребенка. Очевидным недостатком УК КНР является отсутствие в нем положений об ответственности «выгодоприобретателя». Бесспорно, права М.Ю. Буряк, когда утверждает, что «далеко не всегда лицо, непосредственно осуществляющее указанные действия, и то лицо, которое получает от этого прибыль, совпадают» [12].

Отличительной чертой уголовно-правовых норм является то, что законодатель КНР предусмотрел более строгие виды наказания за совершение соответствующих преступлений по сравнению с аналогичными уголовно-правовыми нормами других государств.

Завершая характеристику зарубежного уголовного законодательства, охраняющего право личности на свободу, следует обратить внимание на тот факт, что все ранее перечисленные уголовные законы зарубежных стран вступили в силу в конце XX в., то есть после принятия основополагающих международно-правовых актов по защите прав и свобод человека. А, как известно, международное законодательство определяет основной целью защиту неотъемлемых прав и свобод человека, к числу которых относятся право на жизнь, здоровье и свободу.

Ежегодно международными организациями принимаются и редактируются комплексы международно-правовых актов, направленных на защиту свободы человека, соблюдаются рекомендации международного законодательства о приведении внутригосударственного права в соответствие с международными нормами.

Литература:

1. Жинкин А.А. Торговля людьми и использовании рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 17.
2. Уголовный кодекс Австрии. СПб., 2004.
3. Уголовный кодекс Голландии. СПб., 2001.
4. Уголовный кодекс Италии. СПб., 2005.
5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. СПб., 2001.
6. Международные акты о правах человека: сборник документов. М., 1998. С. 504.
7. См. также: Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. М., 1999. С. 153.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь / предисл. Б.В. Волженкина; обзорная статья А.В. Баркова. СПб., 2001. С. 240.
9. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. и предисл. В.Я. Тация и В.В. Сташиса. СПб., 2001.
10. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации. Теория и практика борьбы. Владивосток, 2001. С. 38.
11. Уголовный кодекс Германии. СПб., 2001.
12. Буряк М.Ю., Ерохина Л.Д. Торговля женщинами в целях сексуальной эксплуатации: теория и практика борьбы: учебное пособие. Владивосток, 2001.

В.В. ФИРСОВ,
студент 3 курса
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

V.V. FIRSOV,
3-year student
Faculty of Law
Kuban State University
(Russia)

Д.В. СОБОЛЕВ,
студент 2 курса
юридического факультета
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
(Россия)

D.V. SOBOLEV,
2-year student
Faculty of Law
Kuban State University
(Russia)

**ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

**DIGITAL CURRENCIES IN THE SPHERE OF CRIMINAL AND LEGAL
REGULATION: LEGISLATIVE
AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правового противодействия незаконному обороту цифровой валюты (криптовалюты). Исследован опыт зарубежного законодательства, в том числе аспекты уголовной ответственности. Показаны позиции государственных органов по отношению к криптовалюте, определены возможные пути легализации цифровых валют с применением мер по осуществлению безопасности, в том числе путем криминализации соответствующих деяний.

Annotation. The article deals with the issues of criminal legal counteraction to illegal circulation of the digital currency (crypto currency). The experience of foreign legislation, including aspects of criminal liability, has been studied. The positions of state bodies in relation to the crypto currency are shown, possible ways of legalization of digital currencies are identified with the application of measures for the implementation of security, including by criminalizing the corresponding acts.

Ключевые слова: цифровые валюты, криптовалюта, Bitcoin (биткоин), Ethereum, Монеро, технология блокчейн, транзакции, уголовная ответственность, финансовые операции, легализация, криминализация.

Key words: digital currencies, crypto currency, Bitcoin (bitcoin), Ethereum, Monero, blocking technology, transactions, criminal liability, financial operations, legalization, criminalization.

Технический прогресс сопровождал развитие общества на протяжении многих столетий, но особенно следует выделить XXI век, ознаменовавшийся рядом прорывных инновационных технологий, которые в значительной мере изменили представление о современном мире. При этом сам процесс информатизации начался достаточно давно, внедрение многих технологий прошло относительно гладко. Однако некоторые достижения научно-технического прогресса настолько сложны, непонятны в своем устройстве и непредсказуемы в дальнейшем функционировании, что государство оказывается на распутье безоговорочного отторжения, либо полного их принятия.

Сегодня невозможно не заметить особую озабоченность законодателей различных стран таким экономическим явлением, как криптовалюта. Заголовки практически всех крупных СМИ пестрят новостями и разборами, касающимися основных представителей данного феномена, а именно «биткойна», «эфириума», «райпл» и других. Быстрый рост стоимости предопределил возникновение особого внимания к регулированию криптовалют как со стороны обычных граждан, так и государства. В частности, это обусловлено тем, что нередко криптовалюта используется в преступных целях.

Что же такое криптовалюта и необходимо ли государственное регулирование данного института? С тех пор, как биткойн и его аналоги стали создаваться и распространяться на территории РФ, отношение к ним со стороны государства неоднократно менялось. На сегодняшний день цифровые деньги признаны так называемым «денежным суррогатом», но ответственность за их выпуск и использование не установлена, тем более что сейчас уже речь идет о легализации электронных монет в нашей стране, а Центральный банк РФ задумывается о создании национальной виртуальной валюты.

Впервые такое явление, как криптовалюта, в частности, «биткойн», стало объектом наблюдения на государственном уровне в 2014 году. Согласно ч.1 ст. 75 Конституции РФ: «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль» [1]. В свою очередь, эмиссия, использование других денег (денежных суррогатов) не допускается по смыслу данной статьи. Дальнейшее развитие государственного регулирования криптовалют характеризовалось неоднозначно, поскольку мнения различных государственных органов (Минфин, Генпрокуратура, МВД) неоднократно трансформировались (от инициатив полного запрета до легализации данного явления в качестве денежных единиц). Так, необходимо сказать, что велись разработки специального законопроекта Министерства финансов РФ, предусматривающего уголовную ответственность за использование и оборот криптовалюты. Но данный законопроект не был лоббирован и с учетом критики со стороны Минэкономразвития не был утвержден. На следующем этапе Министерство финансов предложило признать криптовалюту криминальной и предусмотреть уголовную ответственность, установив санкции в виде лишения свободы за «майнинг» и «транзакции» биткойна. Однако и этот законопроект был отвергнут законодателем.

Спустя небольшой промежуток времени по инициативе депутатов Государственной Думы появился новый законопроект о легализации криптовалюты на территории РФ. Но неоднозначность новой экономической категории и отсутствие ответа на вопрос о безопасности ее использования не позволили законодателю одобрить и данный законопроект.

В марте 2016 года был подготовлен следующий законопроект, устанавливающий конкретные пределы уголовной ответственности за использование криптовалют. В частности, в законопроекте было предусмотрено дополнение УК РФ статьей 187¹ следующего содержания:

«Статья 187.1. Оборот денежных суррогатов

1. Изготовление (выпуск), приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов, –

наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трёх лет, либо лишением свободы на срок до четырех лет.

2. Те же деяния, совершенные организованной группой, – наказываются лишением свободы на срок до шести лет либо штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет.

3. Те же деяния, совершенные лицом, осуществляющим управленческие функции в финансовой организации (кредитная организация, страховая организация, профессиональный участник рынка ценных бумаг, негосударственный пенсионный фонд, управляющая компания инвестиционного фонда, паевого инвестиционного фонда и негосударственного пенсионного фонда, клиринговая организация, организатор торговли, кредитный потребительский кооператив, микрофинансовая организация, общество взаимного страхования, акционерный инвестиционный фонд), – наказываются лишением свободы на срок до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет либо штрафом в размере от одного миллиона до двух с половиной миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех лет» [2].

Но и данная законодательная инициатива не была одобрена ввиду отсутствия единого мнения Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Генеральной Прокуратуры РФ. В дальнейшем, Минфин безапелляционно продолжал продвигать инициативу запрета криптовалют.

Заслуживает внимания складывающаяся правоприменительная практика. Так, Коломенские полицейские и сотрудники ФСБ задержали троих людей, которые нелегально зарабатывали на обналичивании и продаже биткоинов. Согласно сообщению МВД, фигуранты дела незаконно обналичили более 500 млн руб. В отношении них возбудили дело по статье «Незаконная банковская деятельность». Чтобы обменивать и переводить криптовалюту, задержанные оформили на своих родственников более 300 банковских и sim-карт, говорится в сообщении МВД. Это первое уголовное дело за обналичивание биткоина в РФ [3].

Для дальнейшего изучения данного вопроса целесообразно обратиться к зарубежному опыту ряда государств. Прежде всего, необходимо разграничить группы государств по критерию отношения к криптовалютам. В настоящее время можно выделить три основных направления регулирования обращения криптовалют в различных странах.

Одно из направлений представляют те страны, в которых установлен тотальный запрет криптовалют в любом их проявлении. К данным странам относятся следующие: Бангладеш, Боливия, Непал, Таиланд, Индия. Например, в Бангладеш за использование и осуществление транзакций с криптовалютами предусмотрена уголовная ответственность, в том числе в виде лишения свободы на срок до 12 лет. В Боливии правовое регулирование также является достаточно жестким. Центральный банк этой страны указывает, что «любая валюта, которая не контролируется правительством, считается незаконной». Запрет криптовалюты в этом государстве связан, прежде всего, с действиями мошенников, создавших финансовую пирамиду. В Непале недавно были запрещены все операции, связанные с криптовалютой. Сопровождался запрет единичными арестами и привлечением к ответственности.

Вторым направлением является легализация криптовалют как объекта гражданско-правовых отношений. К данным странам относятся США, Канада, Австралия, ЕС, Швейцария, Япония. Наиболее прогрессивной позиции придерживаются США. Такая криптова-

люта как биткоин законодательно определяется не как валюта, а как компания, осуществляющая предоставление финансовых услуг. Несмотря на легализацию криптовалют, американская система предусматривает инструменты контроля правомерности использования криптовалюты. В частности, Служба США по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN) в 2013 году опубликовало специальное руководство по криптовалютам, в частности, биткоину. Деятельность, связанная с криптовалютой, подлежит регистрации, учету и облагается налогами. Канада признает биткоин-биржи компаниями, осуществляющими финансовую деятельность. Так же, как и в США, данный вид деятельности контролируется, в частности законодательством о борьбе с отмыванием денег. Законодатель Австралия, легализовав криптовалюту, позволяет фирмам осуществлять торговлю, майнинг, продажу, покупку биткоинов. Но, нужно сказать, что данная деятельность, как и в иных странах, контролируется государством. Предусмотрена система учета и отчетности.

Европейский Союз не занимает однозначной позиции в отношении криптовалюты. Некоторые страны легализовали биткоин, другие же не имеют четко обозначенной позиции в отношении криптовалют. Так, например, в Финляндии биткоину предоставлен статус финансовой услуги и криптовалюта рассматривается как товар. В ФРГ криптовалюта, а именно биткоин, официально легализована и используется в экономическом обороте и расчетах, причем, как между юридическими, так и физическими лицами. Швейцария отождествляет биткоин с «иностранный валютой». В Австрии в 2017 году был открыт биткоин-банк, в котором можно обменять биткоины на евро, т.е. по сути легализовано обналичивание криптовалюты. В Великобритании так же достаточно лояльно относятся к криптовалютам. Стоит отметить, что Соединенное Королевство финансирует большие финансовые средства в развитие цифровых валют. В Японии принят закон, в соответствии с которым биткоин признан платежным средством. На данный момент оборот биткоинов в стране составляет около 185 миллиардов иен. Япония на сегодняшний день является крупнейшим рынком по торгам биткоином и иными криптовалютами.

Третье направление представлено странами, в которых правовое положение криптовалют остается неоднозначным либо данный экономический институт находится вне правового регулирования. К данной группе стран относятся, прежде всего, крупнейшие мировые лидеры: Китай и Россия. КНР с сомнением относится к криптовалютам, указывая на тот факт, что «цифровые деньги» ничем не подкреплены. В Китае борьба с криптовалютой является достаточно неоднозначной. Сначала под запретом оказались транзакции с биткоином, осуществляемые финансовыми организациями. Затем был введен запрет на оборот криптовалюты. Банковским учреждениям и иным финансовым организациям запрещено совершать сделки с использованием биткоинов. Но, необходимо отметить, что «майнинг» и использование криптовалют не запрещено обычным гражданам. Таким образом, китайская политика в отношении криптовалют является достаточно осторожной.

Статус криптовалют в Российской Федерации остается дискуссионным. Министерство финансов России активно продвигает инициативу по запрету криптовалют, в том числе биткоина. Центробанк неоднократно отзывался о биткоине негативно, приравнивая криптовалюту к так называемым «денежным суррогатам». Но ряд чиновников и большой круг общественности считают криптовалюту перспективным инструментом развития и совершенствования государственной экономики.

Для определения статуса криптовалюты целесообразно установить положительные и отрицательные стороны данного явления современной экономики. Определим ее преимущества: 1) код криптовалюты является открытым (криптовалюты используют алгоритмы, свойственные использованию в интернет-банкинге). Вся информация о транзакциях является публичной и общедоступной, однако данные о получателе и отправителе скрыты;

2) отсутствие инфляции (система количества монет биткоин построена таким образом, что увеличение их количества идет пропорционально увеличению всемирного запаса золота на планете; максимальное количество монет – 21 миллион Биткоинов); 3) пиринговая сеть криптовалюты (одноранговость; отсутствие главного сервера); 4) отсутствие границ при проведении транзакций (отсутствие посредников при проведении финансовых операций); 5) защищенность системы (невозможность отмены платежей, подделки криптовалют, их копирования или двойной оплаты).

Но, наряду с преимуществами, существуют и недостатки, которые и обуславливают настороженность по отношению к легализации криптовалют со стороны государственных органов. В частности, к ним относятся следующие: 1) биткоин не обеспечен как валюта; 2) биткоины существуют вне рамок одного банка или банковской системы; 3) скорость обращения криптовалюты достаточно высока, в сравнении с обычной валютой; 4) анонимность транзакций. Так, Центральный Банк РФ в информационном письме от 27.01.2017 г. указал следующее: «В связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Банк России предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [4].

Указанные выше аспекты системы криптовалют предопределили соответствующее отношение к ним со стороны государственных органов. Считается, что, используя свойство анонимности, преступные элементы приспособили криптовалюты для осуществления своих противоправных целей (наркобизнес, торговля оружием, финансирование терроризма, оплата запрещенных товаров и т.д.)

Также необходимо особенно отметить следующие потенциально негативные аспекты использования криптовалют: 1) экономическая опасность (отсутствие регулирования со стороны Центрального Банка может привести к мощной инфляции из-за огромного количества необеспеченной криптовалюты); 2) отсутствие законодательного регулирования; 3) пиратство (Сотрудниками Федеральной службы безопасности проведены обыски в Московском центре управления воздушным движением в аэропорту «Внуково». Основанием к данным действиям стало обращение руководителей центра в правоохранительные органы с указанием на постоянные скачки напряжения сети электроснабжения. В ходе обыска сотрудники ФСБ выяснили, что причиной этому стало создание одним из системных администраторов так называемой «фермы майнинга криптовалюты», которую он подключил к электрической сети аэропорта. Системный администратор аэропорта задержан ФСБ [5]; 4) проблемы с информационной безопасностью (защищенность криптографическими алгоритмами участников полностью пропадает в процессе обмена денежного суррогата на фиатные деньги, так как появляется биржевой посредник, осуществляющий операции с помощью своих систем. Буквально недавно владельцы Ethereum потеряли финансовые активы почти на 300 млн долларов из-за ошибки одного разработчика Parity). Также есть примеры успешных хакерских атак на биржи криптовалют.

Перечисленные выше причины обуславливают наличие спора в нашей стране о необходимости введения уголовной или административной ответственности за использование криптовалют.

Считаем целесообразным представить некоторый комментарий к точке зрения о «криминальной стороне использования криптовалют», на котором основаны законодательные инициативы и доводы ряда государственных органов. В частности, необходимо указать на тот факт, что в среднем оборот теневой экономики в РФ, по различным данным, составляет от 500 млрд. рублей до нескольких трлн. рублей. В сравнении, в мировой экономике рынок наркотиков составляет от 500 млрд. долларов до 1 трлн. долларов. Доля криптовалют на данном рынке представлена таким ее видом, как Monero, которая используется в значительной степени для осуществления теневых финансовых операций, и составляет 1,8 млрд. долларов. Сопоставив эти цифры, приходим к выводу, что доля использования криптовалют на теневом рынке равна менее 1%.

Из вышеизложенного следует, что криптовалюта не является основным и даже значительным средством осуществления финансовых операций в рамках теневой экономики. Мы считаем, что государственные органы, учитывая позитивные и негативные аспекты, должны, прежде всего, обращать внимание на данную проблему в целом. При этом подчеркиваем, что наш подход не является однополярным. С одной стороны, поддерживаем позицию о целесообразности легализации цифровых валют (в данный момент Минфин разрабатывает проект ФЗ «О цифровых валютах»), с другой стороны, предлагаем предусмотреть в УК РФ ответственность за следующие преступления:

1. Включить в УК РФ статью 174.2 «Легализация (отмывание) денежных средств, добытых преступным путем, посредством использования криптовалют» в следующей редакции: «Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом путем незаконного использования криптографических ключей и внесения изменений в распределенный реестр, – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года».

2. Часть 1 статьи 159.6 УК РФ представить в следующей редакции: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, а равно путем незаконного использования криптографических ключей и внесения изменений в распределенный реестр – наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев.»

Подводя итоги изучению возможности легализации криптовалют, а с другой стороны, введения в отношении лиц, незаконно их использующих на территории РФ, уголовной ответственности, считаем, что государству не стоит препятствовать научному прогрессу. Однако при этом криптовалюта, являясь аналогом государственной валюты, должна подлежать правовому регулированию. Показательно то, что в настоящее время Министерство финансов Российской Федерации разрабатывает новый, противоположный предыдущим, законопроект «О цифровых финансовых активах» [6].

Российская Федерация несколько десятилетий назад вступила на путь развития электронных, цифровых технологий и государству необходимо предпринимать комплекс

различных мер по совершенствованию данной сферы и, прежде всего, не препятствовать внедрению таких технологий, как цифровые валюты. В частности, мы поддерживаем принятие соответствующего Федерального закона «О цифровых валютах».

Литература:

2. Проект Федерального закона от 10.03.2016 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 02/04/03-16/00046853 // Электронный ресурс: официальный сайт Министерства финансов РФ <http://regulation.gov.ru/projects#nra=46853>.

3. Проект Федерального закона от 10.03.2016 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» № 02/04/03-16/00046853 // Электронный ресурс: официальный сайт Министерства финансов РФ <http://regulation.gov.ru/projects#nra=46853>.

4. Информационное письмо ЦБ РФ от 27.01.2017 г. «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн» // Электронный ресурс: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 18.03.2018 г.).

5. CN NEWS. БЕЗОПАСНОСТЬ. ФСБ арестовала сисадмина аэропорта «Внуково» за майнинг криптовалюты (15.12.2017 г.) // Электронный ресурс: http://safe.cnews.ru/news/top/2017-12-15_sisadmin_aeroporta_vnukovo_majnil_kriptovalyutu (дата обращения: 18.03.2018 г.).

6. Проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» (подготовлен Минфином России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.01.2018 г.) // Электронный ресурс: официальный сайт Министерства финансов РФ.

В.О. ШУВАЛОВА,
*студентка 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

V.O. SHUVALOVA,
*2-year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ НА ТЕРРИТОРИИ РФ

ACTUAL ISSUES OF APPLICATION OF THE DEATH PENALTY IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. Данная статья посвящена проблематике повторного внедрения смертной казни с применением на практике в систему уголовного права современной России. Идея автора заключается в неоднозначности вопроса необходимости или невозможности возврата Российской Федерации к высшей мере уголовного наказания.

Ключевые слова: мнения о смертной казни, замена высшей меры наказания, аргументы «за» и «против» смертной казни, мировой опыт высшей меры наказания.

Annotation. This article focuses on problems repeat implementation of mortal execution using in actual practice to the system of criminal law of modern Russia. The idea of the author it consists in ambiguity of the question of necessity or impossibility of return of Russian Federation to the highest degree of criminal punishment.

Key words: opinions of mortal execution, replacement of capital punishment, arguments “for” and “against” mortal execution, the world experience of capital punishment.

В данный момент, вопрос о смертной казни волнует всю Россию. В связи с острой проблемой терроризма эта тема поднимается всё чаще и чаще. Она обсуждается многочисленными гражданами государства, порождает дискуссии в политических кругах и разбирается по косточкам всеми СМИ.

Согласно статье 205 УК РФ, максимальным видом наказания за террористический акт является пожизненное лишение свободы, минимальным сроком - 10 лет, а лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления [1].

Очень интересным является факт освобождения от уголовной ответственности при предупреждении или предотвращении террористического акта, ведь этот человек хотел поставить под угрозу жизни многих людей, но передумал, что, как я считаю, нельзя рассматривать как основание дальнейшей безопасности общества от индивидуума.

Несомненно, не только терроризм, но и педофилия, серийные убийства, антропофагия и другие преступления, связанные с тяжёлыми психическими отклонениями личности, заставляют задуматься о необходимости ввести в исполнение смертный приговор. Итак, хотелось бы обратить внимание на мнение исследователей, судей, главы МВД России, политических партий, а также на любопытное предложение российских юристов и варианты замены смертной казни.

По исследованиям 2005 года, среди опрошенных ВЦИОМ смертную казнь в отношении террористов поддерживали 196 % при 13 % противников [2].

Глава МВД России Владимир Колокольцев, 10 февраля 2013 года, в интервью передачи «Вести в субботу» телеканала «Россия-1» максимально корректно высказался о том, что не имеет ничего против возвращения смертной казни в России: «Боюсь навлечь на себя гнев противников смертной казни, но, если не как министр, а как простой гражданин, я не видел бы ничего предосудительного (в таком наказании) для подобного рода преступников».

По сведениям Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, полученным на май 2002 года, сторонниками смертной казни среди судей являлись 89 % опрошенных [3].

В партии «Единая Россия» нет чётко сформированного мнения о смертной казни. Так, например, Любовь Слиска, будучи заместителем руководителя фракции «Единая Россия», заявляла, что смертная казнь необходима при наказании за педофилию, и она готова молиться Богу за её восстановление: «Я не могу согласиться с тем, что педофил будет пожизненно сидеть в тюрьме, а мы, граждане, будем отчислять налоги и содержать его до конца дней» [4].

Существуют, как по мне, вполне себе компенсирующие ущерб обществу, предложения юристов, к примеру, по использованию органов приговоренного к высшей мере наказания (смертной казни) для трансплантации тяжело больным пациентам [5].

В 2011 году у партии «Единая Россия» обсуждалась не менее интересная новая мера наказания для педофилов — пожизненная каторга [6].

Хочу подметить, что в Казахстане с 2018 года вступают в силу новые поправки, согласно которым в отношении совершеннолетних педофилов применяется химическая кастрация (путем периодического введения медицинских препаратов, понижающих половое влечение) [7]. В Германии этот метод используется уже довольно-таки давно и эффективно: до 6 насильников добровольно сами выбирают кастрацию, также шанс рецидива у отпущенных на волю преступников составляет 84%, а после кастрации их всего 3% [8].

Нельзя обойти стороной и такие положительные эффекты смертной казни, как: невозможность рецидива и отсутствие амнистии, а также отсутствие суда Линча и борьба с наследственными заболеваниями (например: Биполярное аффективное расстройство, шизоаффективное расстройство, эпилепсия, шизофрения и др.)

Приведу также не менее значительные аргументы противников смертной казни:

Одним из самых сильных аргументов в арсенале противников смертной казни считается возможность допущения судебной ошибки. Никому еще не удавалось создать юстицию, работающую без ошибок. По поводу данной позиции высказывались многие политические и государственные деятели, учёные. Калинин Юрий Иванович, член Совета Федерации, бывший директор ФСИН: «Слишком большое количество ошибок, по отношению к невиновным, говорит за отмену высшей меры наказания» [9].

Но что мешает подвергать смертной казни за доказанные антиобщественные преступления? К тому же, можно было бы дать отсрочку смертной казни на 15-20 лет на случай судебной ошибки.

Один из довольно-таки весомых аргументов против смертной казни – порождение новых преступлений. В практике известно довольно много случаев, когда смертная казнь не только не сдерживала, а наоборот порождала новые наиболее тяжкие преступления. Например, в СССР введение смертной казни за изнасилование в 1961 году [10] повлияло на количество принудительных совокуплений, их стало меньше, но увеличилось количество изнасилований, сопряженных с убийством, потому что насильники стремились лишить

жизни потерпевших, чтобы те не дали показания против их, а также были убиты всевозможные свидетели преступления.

Не стоит забывать о несовершенстве судопроизводства в РФ. Яркий пример [11]: задержанный по подозрению в изнасиловании малолетней Ани Прокопенко признался в деянии, оговорив себя. Почему? Из него выбивали показания, нанося удары связкой ключей по голове, были истязания во время допросов. Это всё навело его на мысль: «Лучше признаюсь, чем буду терпеть всё это...». В связи с этим не трудно догадаться, как будут добиваться признательных показаний в случае легализации смертной казни.

Стоит упомянуть, что 16 апреля 1997 года Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (в мирное время). Несмотря на то, что 6-й протокол так и не был ратифицирован Россией полностью [12], с этого момента смертную казнь запрещено применять согласно Венской конвенции, которая велит государству, подписавшему договор, вести себя в соответствии с договором до его ратификации.

Однако, известно, что многие страны - члены Совета Европы сохраняют в своем законодательстве смертную казнь, и их никто не осуждает по этому поводу.

На сегодняшний день смертная казнь распространена во многих странах. 22 государства казнят за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. В некоторых государствах практикуют смертную казнь за похищения людей (Малайзия), за нарушение общественного порядка, за содержание публичных домов, показ или продажу порнографии (к примеру, в Китае). В Болгарии казнят за управление транспортом в нетрезвом состоянии, повлекшем человеческие жертвы. В Ливии смертная казнь предусмотрена за злоупотребление спиртными напитками. В 15-и странах (Болгария, Сомали, ЮАР, Иран, Гана, Южная Корея, Саудовская Аравия и др.) смертная казнь полагается за экономические преступления. В семи из этих стран исключительная мера наказания применяется за хищение в особо крупных размерах и получение взятки.

Тем не менее, мир постепенно переходит к отказу от смертной казни. С 1985 года свыше 50 государств отменили смертную казнь, и только четыре страны, ранее отказавшиеся от смертной казни, её вернули. Это Непал (там казнь через несколько лет отменили повторно), Филиппины (отменили повторно), Папуа — Новая Гвинея (на практике не применяется) и Гамбия.

Считаю важным припомнить программу по телеканалу «Россия» с участием матери одной из двух девушек, изнасилованных и убитых молдавским гастарбайтером Григоряном [13]. На вопрос ведущего Михаила Зеленского, что бы она желала для убийцы своей дочери, женщина, не задумываясь, ответила: «Смерти!». Это снискало аплодисменты зала и не вызвало нареканий ни со стороны ведущего, ни со стороны участников программы. То, что это произошло на федеральном телеканале в прайм-тайм, кажется мне символичным.

В заключение, хотелось бы выразить мнение Президента нашей страны, с которым я безоговорочно согласна. Владимир Путин в начале своего президентства выступил против восстановления смертной казни. По его мнению, ужесточение наказания само по себе не ведёт к искоренению преступности. Этой же позиции он придерживается до сих пор [14, 15]:

«Применяя смертную казнь в отношении своих граждан, даже преступников, государство воспитывает других своих граждан в жестокости и порождает вновь и вновь жестокость со стороны граждан в отношении друг друга и в отношении самого государства. И это тоже вредно и контрпродуктивно. Для того чтобы эффективно бороться с преступностью, нужна взвешенная, эффективная экономическая политика, эффективная социальная

политика, грамотная и современная цивилизованная работа пенитенциарной системы, всех правоохранительных органов. Вот это сделать трудно, труднее, чем ввести смертную казнь».

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017)
2. ВЦИОМ, Анастасия Матвеева. «Смертники в законе» // «Газета» № 246 от 27.12.2005 г.
3. Глебов А. М. «Отражение международной практики регулирования вопросов смертной казни в законодательстве Российской Федерации», Московский университет МВД России.
4. «Списка помолится Богу за восстановление смертной казни» — РОСБАЛТ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/main/2009/10/30/684910>. Дата обращения: 09.10.2017
5. Р. С. Нагорный «Смертная казнь или пожизненное лишение свободы: за и против», «Смертная казнь: вопросы законодательства» // «Российский судья», 2005, № 8.
6. «В России вновь поднят вопрос о возможности отмены смертной казни: дискуссия в студии». Первый канал, выпуск от 6 сентября 2011 года.
7. «В МВД РК рассказали о химической кастрации педофилов». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4871518-v-mvd-rk-rasskazali-o-himicheskoy.html>. Дата обращения: 21.10.2017
8. «Химическая кастрация педофилов». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28522281>. Дата обращения: 17.10.2017
9. «СМЕРТНАЯ КАЗНЬ: ЗА И ПРОТИВ». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://novainfo.ru/article/1751>. Дата обращения: 10.10.2017
10. Анашкин Г.З. Законодательство СССР о смертной казни и практика его применения. М., 1969 г.
11. «На Ставрополье не будут возбуждать дело против следователя, отпустившего убийцу Ани Прокопенко». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.livekuban.ru/news/proisshestiya/na-stavropole-ne-budut-vozbuzhdat-delo-protiv-sledovatelya-otpustivshego-ubiysu-ani-prokopenko/?sphrase_id=514068. Дата обращения: 20.11.2017
12. «Chart of signatures and ratifications of Treaty 114». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/114/signatures>. Дата обращения: 12.11.2017
13. «Высшая мера социальной защиты». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: lj.rossia.org/~oper_1974/163772.html?nc=160. Дата обращения: 25.12.2017
14. Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай». Президент России (14 сентября 2007).
15. В. Путин о смертной казни: Иногда очень хочется вернуть высшую меру, РБК (25 апреля 2013)

IV раздел
«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

Л.И. БАБКОВА,
*старший преподаватель кафедры
общетеоретических и государственно-правовых дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Н.Р. КРАСНОЩЕКОВА,
*студентка 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

L.I. BABKOV,
*senior lecturer of the department
general theoretical and state-legal disciplines
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

N.R. KRASNOSHCHKOVA,
*2-year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

**ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА СОЦИАЛЬНОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ КАК СРЕДСТВО КОМПЕНСАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ**

**GUARANTEES OF REALIZATION OF CITIZENS 'RIGHT TO SOCIAL SECURITY
AS A MEANS OF COMPENSATING FOR SOCIAL RISKS**

Аннотация. В статье рассмотрена гарантированность права человека на социальное обеспечение, обеспечивающая признание, закрепление, осуществление, соблюдение, охрану и защиту общепризнанных принципов и норм международного права всеми органами государственной власти в РФ.

Ключевые слова: Социальное обеспечение, социальные риски, гарантии, реализация права.

Annotation. The article considers the warranty of the human right to social security, to ensure the recognition, consolidation, implementation, compliance, conservation and protection of the universally recognized principles and norms of international law by all public authorities in Russia.

Key words: Social security, social risks, guarantees, realization of the right.

В настоящее время в российском обществе все еще сохраняется сложное положение, выражающееся в низком уровне жизни большинства населения России. В условиях экономического кризиса все большее количество граждан РФ нуждаются в социальной защите, в связи с чем актуализируется проблема защиты населения от ухудшения экономического положения индивида от социальных рисков.

Под социальными рисками, как правило, понимают опасности или угрозы, которые негативным образом влияют на экономическую самостоятельность, финансовое благополучие и вызывают отрицательные изменения социального положения человека[6]. Сущест-

вуют различные угрозы, продиктованные историческим устройством общества, способом его государственного устройства, характером господствующих в обществе социально-экономических отношений, которые также определяются как социальные риски. Международным законодательством, а именно Конвенцией МОТ № 102 [3] предусмотрены минимальные требования к государству по защите граждан от социальных рисков. Данная Конвенция содержит предписания для членов-государств по соблюдению обязательных положений. Однако необходимо учитывать, что в настоящий момент Россия не ратифицировала ни одну из конвенций МОТ.

Наиболее распространенными видами социальных рисков можно считать:

- риск потери трудоспособности по старости, который связан с угрозой утраты трудового дохода в связи с постоянной потерей трудоспособности;

- риск утраты трудоспособности в связи с инвалидностью. Лица, полностью утратившие трудоспособность, либо на период реабилитации в связи с частичной ее утратой, подвержены резкому снижению уровня жизни. Невозможность человека заниматься трудовой деятельностью, приносящей доход на постоянной основе государство компенсирует выплатой пенсий, пособий и иных выплат из средств государственных внебюджетных социально-страховых фондов и государственного бюджета, а также государство способно оказывать медицинскую помощь;

- риск заболевания, всегда связан с временной потерей трудоспособности, в результате чего на государство возлагаются обязанность по оказанию медицинской помощи, а также выплаты пособий;

- риск производственного травматизма и профессиональных заболеваний, связанный с угрозой потери трудоспособности (частично или полностью) по месту работы. Потерявшие трудоспособность вследствие воздействия данных рисков получают соответствующие пенсии и иные компенсационные выплаты, которые обеспечивают определенный уровень жизни пострадавших, возможность реабилитации;

- риск безработицы, связан с угрозой потери работы, что имеет огромное значение в условиях экономического кризиса. Невозможность гражданина способного и готового трудиться и самообеспечиваться по уважительным причинам, в связи с полной или частичной утратой занятости и соответственно потерей своего постоянного заработка, компенсируется за счет выплаты пособия из государственных средств;

- риск потери кормильца. Потеря кормильца ведет к резкому снижению уровня жизни. Снижение жизненного уровня в случае смерти кормильца компенсируется выплатой пенсии членам семьи умершего кормильца;

- риск материнства, то есть потеря женщиной трудоспособности, расходы в связи с беременностью и родами, последующим периодом ухода за ребенком компенсируются соответствующими видами пособий и выплат, такими, например, как пособие по беременности и родам, по уходу за ребенком до 1,5 лет, а также может оказываться государственная поддержка через предоставление необходимых товаров и услуг.

Каждый человек может быть подвержен в будущем времени всем известным социальным рискам, и как мы видим, экономическая основа противодействия данным социальным рискам – средства властных (государственных и муниципальных) бюджетов и государственных внебюджетных социально-страховых фондов. В результате можно сделать вывод, что защита от негативных социальных факторов органично вписывается в рамки права граждан на социальное обеспечение.

В ч. 1 ст. 39 Конституции РФ [1] устанавливается, что каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Данная формулировка не-

сколько отличается от редакций многих других статей упомянутой главы Конституции РФ, где называются права российских граждан – на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность, на свободное распоряжение своими способностями к труду и другое. В результате некоторые ученые из-за юридической конструкции «гарантируется социальное обеспечение» приходят к выводу, что право на социальное обеспечение к числу конституционных не относится.

При этом высказано суждение, что конституционный принцип, в соответствии с которым Конституция РФ имеет прямое действие, а права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими (ч. 1 ст. 15 и ст. 18), к данному праву неприменим, в связи с чем в ч. 1 ст. 39 речь идет лишь о программной части Конституции РФ, которая должна служить ориентиром для законодателя.

Как полагает Мозолева И.О., одного закрепления права граждан на социальное обеспечение недостаточно, чтобы оно было успешно реализовано гражданами в повседневной жизни. Любое право может быть реализовано только в том случае, если ему корреспондирует чья-то обязанность его обеспечить. Конституционная обязанность по обеспечению прав гражданина состоит в создании условий для их реализации и механизма их защиты. Поэтому важным условием является действительная гарантированность прав и свобод человека и гражданина, а в рамках рассматриваемой проблемы гарантированность права на социальное обеспечение. Поскольку без реальных гарантий любые права превращаются в пустые лозунги [7].

В широком смысле гарантии прав и свобод человека и гражданина — это совокупность социально-экономических, политических, юридических и иных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и интересов. Но для нас наибольшее значение представляют гарантии юридические, так как они представляют собой реальный инструмент правовой жизни.

Рассматривая конституционное право на социальное обеспечение, как юридическое средство реализации и защиты интересов и потребностей гражданина, вспомним, что такое юридическое средство – это, прежде всего, «инструмент», с помощью которого субъект, то есть гражданин, действует и направляет свои действия на реализацию либо восстановление имеющегося у него права. В теории, реализация права – это осуществление правовых предписаний в правомерном поведении граждан, организаций и органов государства.

Существует четыре формы реализации права: 1) соблюдение; 2) исполнение; 3) использование; 4) применение. Соблюдение – воздержание от совершения действий, запрещенных правовыми нормами, исполнение – обязательное исполнение установленных действий, предусмотренных правовыми нормами, в третьем – о совершении действий, дозволенных правовыми нормами, осуществлении субъектами своих прав. Потребность в собственно защите (охране) конституционного права на социальное обеспечение возникает в основном только в случае его нарушения, будь то вынесение препятствующих реализации прав неправомερных нормативных правовых актов, необоснованный отказ в признании за лицом права на получение социальной выплаты и другое.

В целом, гарантии по способам защиты можно разделить на две большие группы: судебные и несудебные. В ст. 18 Конституции отмечается, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. То есть одной из гарантий является право граждан на обращение в суд или по-другому судебная защита.

Как отмечает Г.А. Швамонян, «право на обращение с жалобой выступает в качестве важного правового средства непосредственной защиты индивида и его субъективных

прав» [8]. Важным гарантом реализации социально-экономических прав, в том числе права на социальное обеспечение, выступает Конституционный Суд РФ, поскольку он является органом конституционного контроля. В одном из своих определений Конституционный Суд РФ подчеркнул, что законодатель обязан принимать законы, обеспечивающие социальную защиту тех социальных слоев, которые в ней нуждаются, устанавливать механизм реализации этих законов, дифференцируя права по основаниям, которые являются социально оправданными [5].

Специфика судебной защиты социальных прав заключается в том, что суды, рассматривая дела данной категории, вынуждены учитывать, что правоотношения государства и гражданина, закрепленные Конституцией РФ, во многом не только не обеспечены правовыми механизмами, но и не подкреплены соответствующей материальной базой. С одной стороны, государство, вынужденное отвечать по своим конституционным социально-экономическим обязательствам в области перераспределения благ, находится в ситуации, когда удовлетворение требований одних граждан может привести к ущемлению прав других. С другой стороны, ущемленные в гарантируемых Конституцией РФ правах граждане относятся к самым социально незащищенным слоям населения, для которых нарушение их социально-экономических прав подрывает основы их достойного существования. Именно поэтому необходимость выработки критериев эффективности защиты социальных прав граждан в суде не вызывает сомнения.

Также в рамках данного исследования можно отметить институт международной (межгосударственной) защиты прав человека, в том числе и права на социальное обеспечение, который включает контроль со стороны МОТ над применением международных норм о социальном обеспечении, а также право обращения российских граждан в Европейский Суд по правам человека. Российской Федерацией ратифицирована в 1998 году Конвенция о защите прав человека и основных свобод и признана юрисдикция Европейского суда по правам человека. Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ ратифицирован договор, направленный на сопряжение Конвенции с российской юридической практикой [4].

Несудебная защита конституционного права на социальное обеспечение является дополнительным средством по защите прав человека в российском обществе. Гарантией от незаконных действий или бездействия со стороны государственных органов является право обжаловать указанные действия или бездействие в суд. Несудебная защита конституционных социальных прав человека — это закрепленная законодательством деятельность по обеспечению защиты прав и свобод человека без участия судебных органов, в первую очередь органами исполнительной власти.

Роль исполнительной власти для поддержания надлежащего функционирования института прав человека достаточно велика. В системе разделения властей органы исполнительной власти не только призваны создавать необходимые условия для реализации конституционного права на социальное обеспечение, но и осуществляют функцию защиты этого права. В Конституции РФ закреплена обязанность государства по охране прав личности, что, конечно, не исключает самостоятельных активных действий индивида, направленных на избрание способов защиты прав, если те способы не запрещены законом. В идеальной системе это в значительной степени расширяет возможности граждан по защите своих интересов.

Однако, к сожалению, наблюдается негативная тенденция: обжалование действий работников исполнительной власти в вышестоящий орган, как правило, не дает практически никакого результата, а «внутренние расследования» зачастую не приносят результата гражданину, права которого были нарушены действиями должностных лиц. Почти в каж-

дом случае необходимо обращаться в суд. Внешний контроль за соблюдением прав человека — прямая обязанность соответствующих государственных органов — выполняется более полно, однако вовсе недостаточно. В связи с этим особое значение приобретает именно судебная защита права на социальное обеспечение.

Так же нельзя не отметить институт Уполномоченного по правам человека, осуществляющего контрольно-надзорные полномочия в соответствии с Федеральным конституционным законом «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [2]. В его полномочиях предусмотрена возможность обращения в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле.

О необходимости обратить внимание на защиту права российских граждан на социальное обеспечение свидетельствуют многочисленные обращения к Уполномоченному по правам человека от получателей социальных пенсий, пособий и услуг. Например, только в 2016 году в аппарат Уполномоченного поступило 38093 письма, в которых содержались жалобы на нарушения в области социального страхования и обеспечения.

Рассмотрев гарантии реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение, необходимо сказать, что они являются государственным механизмом, обеспечивающим признание, закрепление, осуществление, соблюдение, охрану и защиту общепризнанных принципов и норм международного права всеми органами государственной власти. Но главное условие — реальность и выполнимость самих гарантий.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что право на социальное обеспечение можно представить как комплекс прав российских граждан на отдельные виды материальных выплат и социальных услуг при наступлении социальных рисков, указанных как в ст. 39 Конституции РФ, так и иных законах, регулирующих вопросы предоставления права на социальное обеспечение. Однако следует учитывать, что воздействие известных рисков требует новых, как правовых механизмов, так и экономических основ социальной защиты, так как при демографическом спаде, старении населения, неблагоприятной экономической обстановке и других негативных явлениях государственные фонды, призванные оказывать поддержку лицам, подверженным тем или иным социальным рискам, уже не способны выдерживать финансово-экономическую нагрузку и сохранить приемлемый уровень защиты. Поэтому совершенствование системы юридических гарантий должно идти, прежде всего, по линии закрепления в нормах права стимулирующих гарантий в целях повышения социально-правовой активности личности.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс», 2018.

2. Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (в ред. от 31.01.2016).

«Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2018.

3. Конвенция Международной Организации Труда № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» (Женева, 28 июня 1952 г.): сборник «Конвенции и рекомендации, принятые Международной Конференцией труда» 1919 - 1956. Т. I. Женева, Международное бюро труда, 1991.

4. Федеральный закон от 30.04.1998 г. № 54-ФЗ "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней" // СПС «КонсультантПлюс», 2018.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 6 ноября 1998 г. № 149-О // СПС «КонсультантПлюс», 2018.
6. Шарин В.И. Социальные риски как угрозы социальному положению и защита от них // Известия уральского государственного экономического университета. №6(50). 2013. С. 118.
7. Мозолева О.С. Гарантии реализации конституционного права граждан Российской Федерации на социальное обеспечение // Baikal Research Journal. № 5. 2011. С. 22.
8. Шмавонян Г.А. Конституционное правосудие в системе разделения властей / Г.А. Шмавонян. — М.: МАКС-Пресс. 2001. С. 171.

Г.И. ГАПОНОВА

*доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин*

АНОО ВО «Кубанский социально-экономический института»

кандидат педагогических наук

(Россия)

G.I. GAPONOVA

*Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian
and natural science disciplines*

Kuban Social and Economic Institute

Candidate of Pedagogical Sciences

(Russia)

О ПРОБЛЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ — БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

ABOUT THE PROBLEM OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF STUDENTS — FUTURE LAWYERS

Аннотация. В статье автор обсуждает актуальную проблему профессиональной социализации студента через отношение обучающихся к своей учебной деятельности как виду труда. Рассматриваются как теоретические положения, так и приводится фрагмент эмпирической работы, подтверждающий необходимость исследовать фактор отношения как социальный критерий эффективности не только системы управления учебно-воспитательной деятельностью в вузе, но и как фактор успешной профессиональной социализации.

Ключевые слова: учебно-профессиональная деятельность, студент, отношение к труду, профессиональная социализация, удовлетворённость учёбой, теория социализации.

Annotation. In the article the author discusses the topical problem of professional socialization of the student through the relationship of students to their learning activities as a form of labor. Both theoretical positions are considered, and the fragment of empirical work confirming need to investigate the factor of the relation is resulted as a social criterion of effectiveness not only the management system of educational activities in higher education, but also as a factor of successful professional socialization.

Key words: educational and professional activity, student, attitude to work, professional socialization, satisfaction with education, theory of socialization.

Актуальность рассматриваемой проблемы несомненна. Известно, что качество образования в общем и качество учебной деятельности студентов в частности, во многом определяются объективными условиями (аудитории, библиотека, столовая, компьютерные классы, интернет, качество расписания, спорткомплекс, материальное положение семьи и др.) и субъективными предпосылками (мотивы поступления в КСЭИ, отношение к избранной специальности, уровень качества образования, уровень подготовки преподавателей, качество проведения практик, оценка качества работы отдела кадров, бухгалтерии, кафедры, деканата, руководства вуза и др.). Указанные факторы оказывают прямое и опосредованное воздействие на удовлетворенность, проявляющееся в отношениях к учебе, поддержании дисциплины и организованности, активности в общественной жизни и работе.

Теоретической основой исследования проблемы удовлетворенности учебной деятельностью в вузе является теория социализации, рассматриваемая как процесс включения человека в систему общественных отношений. Процесс состоит из следующих этапов: а) усвоение личностью социальных норм и функций; б) интериоризация социальных норм; в) вхождения в социальную группу [3, с.19].

По оценкам ряда ученых, в период студенческой жизни молодежь проходит два этапа социализации. Первый из них (1-2 курсы обучения) связан с адаптацией к вузу, обретением нового смысла в учебной деятельности: рассмотрение ее не только как образовательной (аналогичной в сравнении со средней школой), но и как трудовой. Второй этап (3-4 курсы обучения) можно рассматривать как четко выраженный период профессионального становления в сфере сложных видов интеллектуального труда, требующих специальной и длительной подготовки.

В настоящем исследовании под профессиональной социализацией студента понимается процесс формирования профессиональной культуры будущего юриста.

Это означает освоение профессиональных норм, знаний, умений, навыков и положительного отношения к будущей профессиональной деятельности. Процесс профессиональной социализации обеспечивает эффективное выполнение обязанностей студента и ответственность к будущей профессии. Предметом нашего обсуждения является изучение отношения студента-будущего юриста к учебной деятельности и удовлетворенность ею.

По мнению В.Н. Косырева, В.В. Сластенина, М.И. Старова, на отношение к учебной деятельности влияет «осознание и переживание личностью значимости воздействующих на нее факторов». Эти авторы изучали воздействие различных факторов на отношение к учебе, используя метод прямого выявления субъективных оценок этих факторов. Студенты назвали в качестве важных факторов отношение к учебной деятельности педагогов, поощрения, наказания, систему деятельности в вузе, личностные особенности студентов [1, с.29].

Социальные отношения студентов вуза в процессе совместной учебной деятельности по своей природе объективны, независимы от их воли сознания. Они преломляются через их внутреннее состояние и выражаются в учебной деятельности как личное отношение к труду.

Отношение к труду является основным понятием в социологии и представляет собой одно из фундаментальных оснований системы личности, комплекс мотивов, связывающих личность с обществом и культурой. Мы рассматриваем отношение к учебной деятельности студента как его отношение к труду. Структура мотивов трудовой деятельности характеризует субъективную сторону отношения к труду (в нашем случае - к учёбе). На основании этих показателей разрабатываются эмпирически проверяемые критерии отношения к труду. Интегральным эмпирическим показателем отношения к труду является удовлетворенность трудом (учебной деятельностью) [2, с.59].

Исходя из вышеизложенного, в сущностном плане социологическое понятие «отношение студента учебной деятельности в вузе» можно интерпретировать следующим образом.

Отношение студента к учебной деятельности в вузе — это вид отношений к труду, раскрывающего взаимодействие субъективного удовлетворения учебной деятельностью в вузе и восприятия обучения как ценности, а также объективного участия студента в процессе получения своего профессионального образования, в конкретном случае-юридического.

По мнению учёных, удовлетворенность студента учебной деятельностью имеет несколько уровней: первый уровень — удовлетворенность социальным статусом; второй-

удовлетворенность выбранным направлением обучения; третий- удовлетворенность конкретной учебной ситуацией [1,с.9].

С целью исследования отношения студентов юридического факультета КСЭИ к учёбе, к организации и качеству учебно-воспитательного процесса мы провели выборочное анкетирование. Количество респондентов — 90 человек.

Что же получилось в результате анализа и обобщения собранных данных? Какие можно сделать выводы и предложения?

Опрос начался, как и предусмотрено методикой анкетирования, с наиболее простого вопроса: почему вы решили поступать именно в КСЭИ?

И вот какова мотивация бывших абитуриентов: нетрудно поступить — 16 чел.; интересная специальность — 36 чел., не смог поступить в другой вуз — 12 чел.; здесь дают знания высокого качества — 18 чел.; доступная оплата обучения — 17 чел.; интересная студенческая жизнь — 13 чел.; хорошие бытовые условия — 13 чел.; по совету друзей, знакомых, родных — 17 чел.

Итак, мы видим, что преобладают мотивы «**интересная специальность**» (58 чел.) и «**доступная оплата обучения**» (32 чел.).

Далее, вопросы анкеты стали усложняться, так как в них студентам было предложено оценить **качество обучения** на своем факультете по пятибалльной шкале от «-2» до «+2». Оценки студентов **юридического факультета** распределились соответственно так: +60, -28; Интересно было узнать следующее — 70% опрошенных считают, что большинству преподавателей удалось показать **связь дисциплины с будущей работой студента как юриста**. Это довольно важный фактор повышения качества обучения, так как он активизирует мотивацию к знаниям, и интерес к будущей работе.

Из социологии известно, что для образования как социального института характерными признаками является **любовь к учебе, успеваемость и посещаемость**. Без этих трех показателей вряд ли этот социальный институт может существовать. Некоторые данные студенческих мнений **о посещаемости занятий и причинах их пропуска можно привести**.

Мы просили студентов охарактеризовать пропуски занятий в процентах. 14 человек ответили, что они пропустили более 65% занятий, от 50% до 75% — таких оказалось 15 чел., 48 чел ответили, что пропускают очень редко, только по болезни, 22 чел. воздержались от ответа на данный вопрос, видимо, это те, которые посещали все занятия.

Эти показатели также характеризуют отношение студентов к своему учебному труду.

И последние два показателя, которые напрямую коррелируют с учебно-воспитательным процессом. Первый из них связан с **оценкой интереса к обучению**. Ни один из опрошенных не отметил пункт «совсем неинтересно», и всего 15 записали им «очень интересно». 75 человек ответили, что им «интересно». Как видим, абсолютному большинству опрошенных учиться в КСЭИ интересно.

Таким образом, исследование показало, что абсолютное большинство студентов удовлетворены тем, что обучаются в Кубанском социально-экономическом институте на выбранном юридическом факультете и их ожидания получить хорошую специальность, найти верных и преданных друзей, реализовать свои способности, оправдались.

Поэтому «учебное самочувствие» студента, выраженное в том числе и в степени его отношения к учебе, на уровне студенческого коллектива будет выступать как социальный критерий эффективности не только системы управления учебно-воспитательной деятельностью в вузе, но и фактором успешной профессиональной социализации.

Литература:

1. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основы социологии управления: Монография. СПб., 2000
2. Лапшов В.А. Анализ учебно-образовательного процесса в вузе на основе социологических исследований: Монография. М., 2003.
3. Лапшов В.А. Основы исследования социальной адаптации студента к формам и методам обучения в современном гуманитарном вузе: Учеб. пособие. М., 2003.
4. Гапонова Г.И. О проблеме профессионального становления личности: различные подходы, анализ ситуации в образовании. — Журнал «Вестник академии знаний», № 2 – 2012, (с.34-37), Краснодар, ООО «Просвещение-Юг»-83с.
5. Лазаренко Л.А., Недбайло В.Г. Психолого – педагогические технологии компетентности преподавателя вуза/ В сборнике: Современный специалист и профессиональные компетенции: методический аспект подготовки материалы Международной научно-методической конференции. 2013. С. 43-47.

А.Г. ГРИГОРЬЕВА,
доцент кафедры гражданского права и процесса
кандидат исторических наук,
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

А.И. ХАЛЕПА,
студентка юридического факультета,
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

A.G. GRIGORIEVA,
Associate Professor of Civil Law and Process
Candidate of Historical Sciences,
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

A.I. HALEPA,
student of the Faculty of Law,
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

LIABILITY FOR VIOLATION OF THE LABOUR RIGHTS OF JUVENILES

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением правового регулирования труда несовершеннолетних работников; отмечается, что реализация проблемы занятости молодежи требует комплексного подхода на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном.

Ключевые слова: Договор поставки, принцип свободы договора, общие нормы, специальные нормы.

Annotation. This article discusses issues related to the implementation of the legal regulation of the employment of young workers; It is noted that the implementation of the youth employment challenge calls for an integrated approach at all levels: federal, regional, municipal.

Key words: teen, labour rights of minors, youth employment.

В настоящее время потребность в исследовании проблем, связанных с участием несовершеннолетних в социально-трудовых отношениях, с их правовым статусом в сфере труда, с представительством их прав и интересов, не только сохранилась, она стала острее. Это обусловлено изменением трудового законодательства, особой ролью молодежи в жизни государства.

В большинстве семей дети привлекаются к труду уже с раннего возраста, причем вне зависимости от их способности соблюдать условия безопасности труда. Работа может заключаться в помощи по дому, выполнении обязанностей по покупке продуктов или уходе за младшими братьями и сестрами, то есть в помощи родителям в традиционной домашней работе. Характер работы определяется размером конкретной семьи и ее ценностями - обычно она не оплачивается и не мешает воспитанию, образованию и профессиональной подготовке детей.

Таким образом, с определенными оговорками можно сказать, что первыми «работодателями» для своих детей выступают их родители.

Что же касается работодателей, то в большинстве случаев они берут на работу подростков по той причине, что их труд дешевле и дети менее требовательны, чем взрослые.

Соответственно, для установления трудовых прав несовершеннолетних и контроля за их соблюдением со стороны работодателя необходимо проанализировать законодательную базу: соответствует ли она требованиям современного общества, гарантируется ли подросткам защита их трудовых прав и законных интересов, способствует ли действующее законодательство повышению трудовой занятости несовершеннолетних, с соблюдением при этом их трудовых прав и законных интересов?

Для получения ответов на поставленные вопросы возникает необходимость осуществления системно-правового исследования особенностей правового регулирования труда несовершеннолетних работников, так как именно вопросы правового регулирования труда несовершеннолетних являются одним из приоритетов в социальной политике по линии государственного регулирования эффективной занятости всей молодежи.

Действующее российское трудовое законодательство допускает использование детского труда, однако, только в соответствии с положениями ТК РФ. Особенности регулирования труда работников в возрасте до восемнадцати лет установлены законодателем в ТК РФ, а также в ряде специальных подзаконных нормативных актов. Нормы, регулирующие труд несовершеннолетних, являются императивными и не могут быть изменены трудовым соглашением или локальным актом. В соответствии с международным пактом от 16 декабря 1966 г. «Об экономических, социальных и культурных правах» в отношении всех детей и подростков должны приниматься особые меры охраны и помощи без какой бы то ни было дискриминации по признаку семейного происхождения или по иному признаку. Дети и подростки должны быть защищены от экономической и социальной эксплуатации. Применение труда этой категории лиц в области, вредной для их нравственности и здоровья или опасной для жизни, или могущей повредить их нормальному развитию, должно быть наказуемо по закону. Кроме того, государства должны установить возрастные пределы, ниже которых пользование платным детским трудом запрещается и карается законом.

Политика нашего государства в трудовой сфере направлена на создание условий, способствующих экономической самостоятельности молодежи с учетом социокультурного и образовательного аспекта. Таким образом, на государство возлагается обязанность по принятию национального законодательства в области образования и труда. Как и для всех граждан Российской Федерации, трудовые права несовершеннолетних закреплены в Конституции Российской Федерации. Однако более детально правовой статус несовершеннолетних находит свое отражение в целом ряде норм национального законодательства. Среди нормативно-правовых актов, регулирующих отношения несовершеннолетних в данной области можно особо выделить: ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [1]; Трудовой кодекс Российской Федерации; ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], и другие нормативно-правовые акты, носящие комплексный характер.

Следует отметить, что с учетом социально-экономического положение государства, в настоящее время, существенным образом ограничивается и нарушается право несовершеннолетних на труд. Можно говорить о том, что работодатели пользуются отсутствием правовой грамотности несовершеннолетних в области труда в свою пользу. В связи с этим приоритетными направлениями государства в области труда являются правовая и социально-педагогическая поддержка несовершеннолетних.

Так Постановлением Пленума Верховного суда № 1 от 28.01.2014 года, судом указано на необходимость реагирования, на факты грубого нарушения прав несовершеннолетних, гарантированных трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, путем вынесения частных определений [3. с.100].

Под социально-педагогической защитой целесообразно понимать дополнительный механизм защиты законных прав и интересов подростков и детей не только в образовательном процессе, но и в условиях социума [4. с.22]. Защита несовершеннолетних в сфере труда стало возможным благодаря тому, что Российская Федерация ратифицировала такие нормативные документы, как Конвенция ООН «О правах ребенка», Конвенции МОТ № 5, 29, 138 и другие.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут выступать в роли работодателей, заключать трудовые договоры с работниками при условии наличия собственных заработка, стипендии, иных доходов и исключительно с письменного согласия своих законных представителей (родителей, опекунов, попечителей). В этих случаях законные представители несут дополнительную ответственность по обязательствам, вытекающим из трудовых отношений, включая обязательства по выплате заработной платы.

Следует отметить, что ст. 20 ТК РФ, раскрывая понятие «законные представители», упускает из виду усыновителей. В качестве законных представителей несовершеннолетних усыновители определены ст. 26 ГК РФ, они не могут быть приравнены к родителям, несмотря на то что у усыновителей в результате усыновления возникают родительские права и обязанности. Это различные институты, что подтверждается также разъяснениями, содержащимися в п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей».

Также возникают вопросы при рассмотрении в ст. 20 ТК РФ в качестве законных представителей опекунов. Опекун — одна из правовых форм защиты личных и имущественных прав и интересов недееспособных граждан. В соответствии со ст. 32 ГК РФ опека устанавливается над малолетними, а также над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Малолетними признаются лица, не достигшие возраста 14 лет (ст. 28 ГК РФ), которые ни при каких обстоятельствах не могут выступать работодателями в силу положений ст. 20 ТК РФ.

Таким образом, опекун не может выступать в качестве законного представителя несовершеннолетнего в трудовых отношениях. Для того чтобы над лицом была установлена опека, оно должно быть признано в установленном законом порядке недееспособным, а перед этим в установленном законом порядке до достижения 18-летнего возраста приобрести гражданскую дееспособность в полном объеме. Возможная с теоретической точки зрения, но практически нереальная ситуация. Однако с момента приобретения гражданской дееспособности в полном объеме данное лицо также перестанет подпадать под определение «несовершеннолетний», данное в ст. 20 ТК РФ.

Необходимо отметить, что для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, дополнительные гарантии права на труд установлены Федеральным законом от 21.12.96 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Особенности трудоустройства лиц в возрасте до восемнадцати лет определяются трудовым законодательством, коллективным договором, соглашением.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» указанные лица относятся к категории граждан, особо нуждающихся в социальной защите и испытывающих трудности

в поиске работы. Для данных граждан государство создало дополнительные гарантии занятости (например, реализация целевых программ, создание дополнительных мест, установление квоты для приема на работу и другие меры).

С несовершеннолетним работником трудовой договор может заключаться как на неопределенный срок, так и на определенный срок не более пяти лет. Отметим, что в соответствии со ст. 269 ТК РФ работодатель по своей инициативе может расторгнуть трудовой договор с несовершеннолетним работником только при условии получения согласия двух государственных органов: Государственной инспекции труда и Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Поэтому работодателю выгоднее заключить с несовершеннолетним работником срочный трудовой договор, который достаточно жестко регламентируется ст. 58 и 59 ТК РФ.

Согласно ст. 63 ТК РФ лица, достигшие возраста шестнадцати лет, вправе самостоятельно заключать трудовые договоры.

Если подросток достиг пятнадцати лет и окончил девять классов, либо продолжает освоение программы основного общего образования не в общеобразовательной школе, а по иной форме обучения, либо прекратил свое обучение, он также вправе самостоятельно заключить трудовой договор для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда его здоровью.

Подростков в возрасте четырнадцати лет можно принимать на работу только при соблюдении следующих условий:

1. наличие согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства (хотя в законе не сказано, в какой форме должно быть получено согласие: в письменной или устной, поэтому во избежание споров, рекомендуется получать согласие в письменной форме);
2. работа должна выполняться только в свободное от учебы время;
3. работа должна относиться к легкому труду, который не причиняет вреда его здоровью и не нарушает процесса обучения.

Ограничения при приеме на работу лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, установленные трудовым законодательством, не являются дискриминационными, т.к. обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышении социальной и правовой защите.

При приеме на работу работодателю необходимо иметь в виду, что в соответствии со ст. 70 ТК РФ испытание при приеме на работу не устанавливается лицам, не достигшим возраста восемнадцати лет.

В соответствии со ст. 266 ТК РФ лица в возрасте до восемнадцати лет принимаются на работу только после предварительного обязательного медицинского осмотра (обследования) и в дальнейшем, до достижения возраста восемнадцати лет, ежегодно подлежат обязательному медицинскому осмотру (обследованию). В дополнение к вышеуказанной норме законодатель обязал работодателя осуществлять обязательные медицинские осмотры (обследования) за счет средств работодателя.

Предварительный медицинский осмотр преследует цель определить соответствие предлагаемой работы для несовершеннолетнего. Медицинские осмотры проводятся в учреждениях здравоохранения.

Отказ несовершеннолетнего пройти медицинский осмотр служит правомерным отказом для заключения с ним трудового договора.

При использовании труда несовершеннолетнего работника работодателю необходимо определить характер предполагаемых работ, т.к. трудовое законодательство строго

регламентирует работы, на которых не может быть применен труд лиц в возрасте до восемнадцати лет.

Прежде чем принять несовершеннолетнего на работу, работодателю и представителям его соответствующих служб (отдел кадров, служба персонала и пр.) необходимо ознакомиться с Перечнем тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда лиц моложе восемнадцати лет (утвержден постановлением Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. № 163).

Запрещаются также переноска и передвижение работниками в возрасте до 18 лет тяжестей, превышающих установленные для них предельные нормы. Нормы предельно допустимых нагрузок при подъеме и перемещении тяжестей вручную утверждены Постановлением Минтруда России от 07.04.99 № 7.

Кроме того, ст. 342 ТК РФ запрещен прием несовершеннолетних на работу в религиозные организации; ст. 282 — на работу по совместительству; ст. 298 — на работу вахтовым методом.

Возможность заключения трудового договора с лицами, не достигшими определенного возраста, может быть ограничена не только нормами ТК РФ, но и иными федеральными законами.

В частности, в соответствии со ст. 7 Федерального закона от 21.12.94 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности (ред. от 29.07.2017) в Государственную противопожарную службу принимаются граждане, достигшие возраста 17 лет.

Лица, не достигшие 18-летнего возраста:

не вправе поступать на муниципальную службу, что закреплено п. 1 ст. 16 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в РФ»;

не вправе поступать на гражданскую службу, (ст. 21 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ»ред. от 29.07.2017);

не могут выступать работниками ведомственной охраны (ст. 6 Федерального закона от 14.04.99 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», ред. от 03.07.2016)

не могут быть сотрудниками таможенных органов (п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21.07.97 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах РФ»,ред. от 28.12.2016);

не допускаются к непосредственному исполнению обязанностей спасателей в профессиональных аварийно-спасательных службах, в профессиональных аварийно-спасательных формированиях (п. 3 ст. 9 Федерального закона от 22.08.95 № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей ред. от 18.07.2017);

не могут приниматься на работу в качестве частных охранников в соответствии со ст. 11.1 Закона РФ от 11.03.92 № 24871 «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» (ред. от 03.07.2016);

Кроме того, необходимо отметить, что некоторые федеральные законы предусматривают ограничения по возрасту при приеме на работу выше 18 лет. Так, Федеральным законом от 21.07.97 № 118-ФЗ «О судебных приставах» (ред. от 03.07.2016) закреплено, что судебным приставом может быть лицо, достигшее 20-летнего возраста (п. 1 ст. 3).

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 17.12.98 № 188-ФЗ «О мировых судьях в РФ» (ред. от 05.04.2016) мировыми судьями могут быть граждане, достигшие возраста 25 лет; в соответствии со ст. 119 Конституции РФ судьями не могут быть граждане, не достигшие 25-летнего возраста.

Установление подобного рода возрастных цензов обусловлено тем, что зачастую при выполнении тех или иных работ лицу необходим определенный социальный и профессиональный опыт для правильного решения производственных и функциональных за-

дач, адекватной оценки окружающей обстановки и своего поведения, прогнозирования последствий тех или иных действий.

Следующей гарантией прав несовершеннолетних является признание неправомерным отказа в приеме на работу в связи с возрастом в случаях, когда законодательством не установлено ограничение по возрасту по соответствующему виду работ (профессий, должностей). Конвенция № 111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий», принятая в г. Женеве 25.06.58 на 42-й сессии Генеральной конференции МОТ (ратифицирована Указом Президиума ВС СССР 31.01.61, обязательна для Российской Федерации с 04.05.61), предписывает провозгласить и проводить национальную политику, направленную посредством согласованных с национальными условиями и практикой методов на поощрение равенства возможностей и обращения в отношении труда и занятий с целью искоренения всякой дискриминации в этой области.

Данное положение международного акта реализовано в ст. 64 ТК РФ. Возраст не относится ни к профессионально-квалификационным, ни к личностным качествам лица, соответственно, отказ в приеме на работу в связи с возрастом, если законодательством в том или ином случае не предусмотрены специфические требования к возрасту, расценивается как проявление дискриминации в области труда и влечет наступление административной ответственности по ст. 5.27 КоАП РФ «Нарушение законодательства о труде и об охране труда».

Для несовершеннолетних работников законодатель установил дополнительные гарантии в виде сокращенной продолжительности рабочего времени. Так, для работников в возрасте до шестнадцати лет продолжительность рабочего времени, согласно ст. 92 и 93 ТК РФ, составляет не более 24 часов в неделю и не более 5 часов в день, а для работников от шестнадцати до восемнадцати лет — не более 35 часов в неделю и не более 7 часов в день. Продолжительность рабочего времени учащихся образовательных учреждений, работающих в течение учебного года в свободное от учебы время, не может превышать половины норм рабочего времени, установленных для лиц соответствующего возраста.

Указанные правила не распространяются на творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, профессиональных спортсменов. Продолжительность ежедневной работы (смены) для данных работников устанавливается коллективным договором, локальным нормативным актом, трудовым договором.

Для несовершеннолетних работников предусмотрены гарантии, касающиеся рабочего времени и времени отдыха, что является заботой государства.

Работников, не достигших 18-летнего возраста, запрещено привлекать к сверхурочным работам, к работам в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, направлять их в служебные командировки, даже если работник дал на это согласие. Исключение составляют творческие работники средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видео-съемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иные лица, участвующие в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, профессиональные спортсмены.

К числу особенностей труда несовершеннолетних можно отнести также ограничение по применению материальной ответственности.

Как определено ст. 242 ТК РФ, работники в возрасте до 18 лет несут полную материальную ответственность лишь за умышленное причинение ущерба, за ущерб, причиненный в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, а также в результате совершения преступления или административного проступка.

Данная норма подтверждается п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.11.2006 № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю»¹⁰: при рассмотрении дела о возмещении причиненного работодателю прямого действительного ущерба в полном размере работодатель обязан представить доказательства, свидетельствующие, что в соответствии с ТК РФ либо иными федеральными законами работник может быть привлечен к ответственности в полном размере причиненного ущерба и на время его причинения достиг 18-летнего возраста, за исключением случаев умышленного причинения ущерба либо причинения ущерба в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, либо если ущерб причинен в результате совершения преступления или административного проступка, когда работник может быть привлечен к полной материальной ответственности до достижения 18-летнего возраста (ст. 242 ТК РФ).

Несовершеннолетние работники имеют право на удлиненный ежегодный основной оплачиваемый отпуск. Его продолжительность составляет 31 календарный день в удобное для работника время. Это обстоятельство работодатель должен учитывать при составлении графика отпусков.

Согласно ст. 122 ТК РФ право на использование отпуска у работника наступает по истечении шести месяцев его непрерывной работы у данного работодателя. По соглашению сторон отпуск может быть предоставлен и до истечения шести месяцев, т.е. авансом. Однако на получение несовершеннолетним работником ежегодного оплачиваемого отпуска за первый год работы авансом согласие работодателя не требуется.

Запрещается непредставление ежегодного основного оплачиваемого отпуска несовершеннолетним работникам в текущем году.

Согласно ч. 3 ст. 126 ТК РФ не допускается замена денежной компенсацией ежегодного основного оплачиваемого отпуска работникам в возрасте до восемнадцати лет (за исключением выплаты денежной компенсации за неиспользованный отпуск при увольнении). Помимо этого, несовершеннолетнего работника нельзя отозвать из отпуска.

Оплата труда несовершеннолетнего работника осуществляется по правилам, установленным ст. 271 ТК РФ.

При повременной оплате труда заработная плата работникам в возрасте до восемнадцати лет выплачивается с учетом сокращенной продолжительности работы. Труд работников в возрасте до восемнадцати лет, допущенных к сдельным работам, оплачивается по установленным сдельным расценкам. Работодатель может (но не обязан) устанавливать им за счет собственных средств доплату до тарифной ставки за время, на которое сокращается продолжительность их ежедневной работы.

Оплата труда работников в возрасте до восемнадцати лет, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, образовательных учреждениях начального, среднего и высшего профессионального образования и работающих в свободное от учебы время, производится пропорционально отработанному времени или в зависимости от выработки. И в этом случае также предоставлено право работодателю устанавливать вышеуказанным работникам доплаты к заработной плате за счет собственных средств. Однако это следует закрепить в коллективном и (или) в трудовом договоре, а также в законодательном порядке, тогда доплату можно будет учесть при начислении налога на прибыль как расходы на оплату труда (п. 7 ст. 255 Налогового кодекса Российской Федерации).

Заработная плата работников, не достигших восемнадцатилетнего возраста, принятых на работу по трудовому договору, облагается теми же налогами, что и заработная плата остальных работников.

Трудовые отношения с несовершеннолетними работниками прекращаются по тем же основаниям, которые предусмотрены трудовым законодательством Российской Федерации, что и с остальными работниками.

Как разъясняется п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», в соответствии со ст. 269 ТК РФ расторжение трудового договора с работниками в возрасте до 18 лет (за исключением случая ликвидации организации), помимо соблюдения общего порядка увольнения, допускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Нарушение порядка обеспечения трудовых прав несовершеннолетних влечет административную ответственность по ст. 5.27 КоАП РФ, в соответствии с которой возможно наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от 1000 до 5000 руб.; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от 1000 до 5000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; на юридических лиц — от 30 000 до 50 000 руб. или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Нарушение законодательства о труде и об охране труда должностным лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное административное правонарушение, влечет дисквалификацию на срок от 1 года до 3 лет.

А как быть работодателю в случае, когда комиссия по делам несовершеннолетних или государственная инспекция труда отказала в даче согласия на увольнение работника в возрасте 14 лет, а по результатам ежегодного медицинского осмотра выяснилось, что несовершеннолетний не годен к выполнению работы, обусловленной заключенным с ним трудовым договором, по состоянию здоровья? Или ваш юный труженик при приеме на работу предоставил подложные документы о согласии родителей на заключение трудового договора?

Складывается абсурдная ситуация, так как, с одной стороны, сохраняя трудовые отношения с данным работником, работодатель нарушает действующее трудовое законодательство, ведь выполняемый несовершеннолетними труд не должен причинять вреда их здоровью и может осуществляться только с согласия одного из родителей и органа опеки и попечительства, а с другой стороны, уволить несовершеннолетнего работника без согласия комиссии по делам несовершеннолетних и государственной инспекции труда работодатель также не вправе. Наиболее правильно в данной ситуации — обжаловать решение комиссии по делам несовершеннолетних или государственной инспекции труда об отказе в даче согласия на увольнение несовершеннолетнего работника в суд. Возникает вопрос: что делать в случае если в период времени, потребовавшийся на «оспаривание» данного решения, на работодателя был наложен штраф за нарушение законодательства о труде? [5] В такой ситуации имеет смысл заявить в суде требования не только об отмене решения комиссии по делам несовершеннолетних или государственной инспекции труда об отказе в даче согласия на увольнение несовершеннолетнего работника, но и о возмещении вреда, причиненного юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов [6].

Несовершеннолетние работники ежегодно должны проходить обязательный медицинский осмотр (обследование). Если по результатам медицинского осмотра учреждением здравоохранения выдано заключение, в соответствии с которым работник не может выполнять работу, обусловленную трудовым договором и его должностной инструкцией, то договор с ним расторгается. Увольнение по указанному основанию допускается, если невозможно работника с его согласия перевести на другую работу.

В случае признания работника полностью неспособным к трудовой деятельности в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, трудовой договор должен быть расторгнут и произведен окончательный расчет.

В этих случаях несовершеннолетнему работнику работодатель обязан выплатить:

1. заработную плату за отработанные дни;
2. сумму среднего заработка, сохраняемого работнику на время прохождения им медицинского осмотра (обследования);
3. выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка;
4. компенсацию за дни неиспользованного отпуска.

При прекращении трудового договора выплаты всех сумм, причитающихся работнику от работодателя, производятся в день увольнения.

Таким образом, помимо создания социально-экономических условий, благоприятных для развития молодежи, необходимо совершенствовать трудовое законодательство, закрепить законодательно квотирование рабочих мест для несовершеннолетних работников в организациях всех форм собственности, приравнять оплату труда несовершеннолетних к оплате взрослого работника, а также ужесточить контроль в сфере охраны труда несовершеннолетних со стороны государства.

Литература:

1. Певцова Е. А. Из истории развития законодательства о правах молодежи в России // История государства и права. — 2007. — № 20.
2. "Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ст.3
3. Чепиль Н. Проблемы занятости молодежи на современном этапе социально-экономического развития // Кадровик. Трудовое право для кадровика. — 2008. — № 3, март.
4. Миронов, В.И. Трудовое право России. Учебник. – М.: ООО Журнал «Управление персоналом», 2004.
5. Козлова Е. Б. Трудовой договор с несовершеннолетним работником // Трудовые споры. 2008. №1.
6. Матвеев, С.П., Мещерякова, Е. И. Образование и труд: права несовершеннолетних в трудовых отношениях / С. П. Матвеев // Территория науки.- 2007.- № 1(2).-С.103–107.

Ссылки:

1. Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации"// «Российская газета», N 147, 05.08.1998.
2. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об образовании в Российской Федерации"// «Российская газета», N 303, 31.12.2012.
3. Козлов, М. А. Верховный суд РФ ответил на вопросы об особенностях организации труда женщин и несовершеннолетних / М. А. Козлов // Советник бухгалтера государственного и муниципального учреждения.-2014. — № 3.- С. 90–100.
4. Фазлыева, А. Ф. Социально — педагогическая защита прав несовершеннолетних в сфере труда/ А. Ф. Фазлыева // Социальная педагогика.-2012.- № 3.-С.19–28.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 30.10.2017).ст. 5.27.
6. Родина, Н.В. юрисконсульт «Особенности найма лиц, не достигших 18 лет» [Электронный ресурс].

Д.ДАДАШЕВА,
студентка 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

А.А.КУМУК,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

D.DADASHEVA,
2-year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

A. A. KUMUK,
teacher of the Civil Law and Process Department
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

THE MARRIAGE AGREEMENT: THEORY AND PRACTICE

Аннотация. Статья раскрывает некоторые проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики брачного договора. Рост числа заключаемых брачных договоров говорит об актуальности разработки правовых проблем, возникающих в процессе реализации договорных норм в семейном праве. Отсутствие четкой законодательной регламентации, а также необходимого анализа правоприменительной практики регулирования договорного режима имущества супругов оставляет ряд вопросов.

Ключевые слова: семья, брачный договор, Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ.

Annotation. The article reveals some problems of legislative regulation and law enforcement practice of the marriage contract. The increase in the number of marital contracts is indicative of the urgency of developing legal problems that arise in the process of implementing treaty norms in family law. The absence of a clear legislative regulation, as well as the necessary analysis of the law enforcement practice of regulating the contractual regime of spouses' property, leaves a number of questions.

Keywords: family, marriage contract, Family Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation

Брачный договор — это соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее их имущественные права и обязанности в браке и в случае его расторжения. Брачный договор или брачный контракт, как большинство граждан привыкло его называть, направлен на определение имущественных прав и обязанностей каждого из супругов, как в браке, так и после его расторжения. Правила и порядок заключения брачного договора регулируются статьями Семейного Кодекса РФ (глава 8). Так как брачный договор является двусторонней сделкой, для совершения которой необходимо волеизъявление двух сторон, то к нему применяются правила главы 9 Гражданского кодекса РФ («Сделки»). Основная правовая цель брачного договора — определение правового ре-

жима имущества супругов и иных имущественных взаимоотношений супругов на будущее время.

Первая идея о создании между супругами обоюдного брачного договора была заявлена в Греции и Древнем Риме. В договоре было заключено имущество, правило наследования, будущее приобретение, хранение и распоряжение.

Испокон веков семья является ячейкой общества, в которой заложены свои определенные ценности и принципы взаимоотношения супругов и их детей.

В дореволюционной России не существовало единого для лиц всех вероисповеданий "семейного кодекса". Вопросы заключения брака и ведения актов гражданского состояния находились в ведении церкви. Поэтому лица разных вероисповеданий попадали под действие различных законов в зависимости от предписаний своей религии. Парам, принадлежащим к различным конфессиям, для заключения брака требовалось разрешение верховных лиц государства и той церкви, к которой они принадлежали. В большинстве случаев требовалось принятие супругами единой веры.

После революции 1917 г. начинается новый этап развития семейного законодательства. 18 декабря 1917 г. вышел декрет "О гражданском браке, детях и о введении книг актов гражданского состояния". Согласно этому декрету, единственной формой брака для всех граждан России независимо от вероисповедания стало заключение гражданского брака в государственных органах. Брак, заключенный по религиозному обряду после принятия декрета, не порождал правовых последствий. За браками, заключенными в церковной форме до принятия декрета, сохранялась юридическая сила, и они не нуждались в переоформлении. Условия вступления в брак значительно упростились. Достаточно было достижения брачного возраста: 16 лет – для женщин и 18 лет мужчин и взаимного согласия будущих супругов.

Естественно, меняется время, меняется законодательство и уже в 1969 году был принят Кодекс о браке и семье РСФСР, а в 1996 году он усовершенствовался в различных статьях, поменялись правила [1].

Брачный договор имеет свои особенности: во-первых, особую форму, во-вторых, содержание, в-третьих, особый субъективный состав. Начнем с того, что субъектами брачного договора являются лица, вступающие в брак. Нужно учесть, что в соответствии ст.41 СК РФ брачный договор заключается до вступления в брак, так и в период брака. При этом брачный договор рассматривается как договор с пролонгированным условием и вступает в силу с момента заключения брака.

Существует особая форма договора которая, подлежит нотариальному удостоверению.

Рассмотрим письменный договор. Он заключается путем одного документа и должен соответствовать основным правилам:

- текст должен быть написан четко и грамотно;
- ФИО супругов, названия населенных пунктов и адреса должны быть указаны полностью. Значимые даты (сроки) и денежные суммы — как цифрами, так и прописью.
- документ должен быть подписан супругами, если один из них не может поставить подпись собственноручно по определенной причине, то по просьбе лица, может быть подписан посторонним лицом (данная подпись должна быть заверена нотариусом с указанием причины, почему лицо не ставит подпись самостоятельно).
- текст документа может быть разделен на главы, разделы и пункты.

Рассмотрим другой вид договора, который подлежит обязательному нотариальному удостоверению. Таким образом, брачный договор должен быть заключен в нотариаль-

ной конторе при обязательном присутствии обоих супругов. Несоблюдение требуемой законом формы влечет за собой недействительность брачного договора. Удостоверение брачного договора через представителя не допускается. При оказании нотариусом данной услуги, сторонам необходимо предоставить подлинники и копии следующих документов:

- паспорт обоих супругов;
- если брак зарегистрирован, то нужно предоставить свидетельство о заключении брака;
- если имеются дети, то предоставить свидетельство о рождении детей;
- документы, подтверждающие право собственности на имущество;

Приведем пример одного, брачного договора. Омаевы, во время брака решили заключить брачный договор с режимом раздельной собственности, указав в тексте документа, что в будущем всем приобретенное каждым из них имущество при разводе останется у того, на кого оформлено имущество. Такой документ у нотариуса удостоверен не был. После развода Омаев Р.Р., претендовал на трехкомнатную квартиру, которая была куплена в браке, но оформлена на его жену. В суде Омаеву К.В, представила брачный договор, который судом не был приобщен к материалам дела, так как не обладал юридической силой, а значит, считался недействительным. В итоге данная трехкомнатная квартира была признана совместной собственностью супругов [2].

В ст.42 СК РФ в прописано содержание брачного договора. Супруги могут расписать свои права и обязанности по содержанию [3].

Рассмотрим права супругов для заключения брачного договора:

- изменить установленный законом режим собственности на договорный режим имущества супругов;

- установить на все имущество супругов режим: совместной собственности, хотя такой режим уже установлен в семейном законодательстве; долевой собственности; смешанный режим собственности, (например, дом – в совместной собственности, а автомобиль – в личной собственности каждого из супругов); раздельной собственности, то есть каждый из супругов может приобрести определенную вещь, которая будет являться его собственностью и на нее нельзя будет претендовать.

- установить режим совместной, долевой или раздельной собственности на имущество каждого из супругов.

Особенностью брачного договора является то, что его условия могут относиться не только к уже существующим имущественным правам, но и к будущим предметам и правам, которые могут быть приобретены супругами в период брака. Содержание брачного договора может включать:

- способы участия в доходах супругов;
- права и обязанности по взаимному содержанию супругов;
- порядок расходов супругов, в зависимости от заработной платы обоих супругов. Семейное законодательство РФ в брачный договор может внести любые на то причины супругов изменения, но единственно при условии, что они будут касаться имущественных прав и обязанностей друг друга.

Брачный договор не в праве:

- Ограничивать дееспособность или правоспособность супругов.
- Регулировать личные неимущественные отношения супругов.
- Запрещать право обращаться в суд, чтобы защитить свои интересы.
- Регулировать права и обязанности в отношении детей.

В жизни происходят различные семейные ситуации, например развод. Супруги вправе расторгнуть либо изменить брачный договор в судебном порядке. В соответствии с п.2 ст.

452 ГК РФ неполучение ответа либо изменения или расторжение договора, происходят по истечению тридцати дней[4] . Суд может признать брачный договор не действительным. Если не совпадут условия законодательства, такая сделка называется «ничтожной» при нескольких условиях: права супругов на обращение в суд за защитой своих прав; несоответствия принципам семейного законодательства; ограничения прав нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; регламентации прав и обязанностей супругов в отношении детей (во время брака). Изменения или расторжения брачного договора могут быть в письменном и нотариальном формате.

Существует особое исключение, брачный договор не распространяется на детей, так как они являются самостоятельными субъектами права и их мнение и решение тоже вправе учитывать.

Английский парламент в 1882 году утвердил закон о собственности замужних женщин, раньше же вся собственность принадлежала только мужу. Бывало, даже когда девушка в Англии выходила замуж со своим приданным, то все это переходила сразу в собственность ее мужа. Известный Американский ученый Кристофер Оскеве утверждает, что «в традиционной англо-американской правовой семье существует биполярное понимание договора, то есть специализируется на классическом понимании договора, что находит себя в статутном праве» [5].

Примером послужит одна история из штата Пенсильвания. Одной даме во время венчания будущий супруг подарил обручальное кольцо с бриллиантом. Женщина согласилась подписать контракт, в котором говорилось, что ее муж в случае развода будет ей выплачивать всего 3,5 тысячи долларов в год, поскольку стоимость кольца (по словам супруга) составляла 21 тысячу долларов. Однако когда супруги развелись, и женщина отправилась оценивать драгоценность, ее ждал удар — вместо бриллианта ее обручальное кольцо украшал полудрагоценный камень стоимостью всего в несколько сот долларов. Суд, однако, претензии дамы не поддержал, решив, что у нее было время оценить драгоценность. И таких жизненных примеров уйма.

Заметить, что по статистике брачный договор заключается не только у знаменитых спортсменов, актеров, певцов, которым есть что потерять в случае развода, но так, же большой популярностью пользуются и обычные граждане, как и был ранее приведен мной пример Американцев. Следует заметить, что в США имеются свои законы для заключения семейных сделок: во-первых, брачный контракт подписывается минимум за неделю до венчания, во-вторых, супруги должны иметь своих адвокатов, в-третьих, процедура подписания договора записывается на камеру. В договоре может быть прописано все условия брака: уборка в нечетные дни, стирка, что готовить на праздничный стол, кто будет забирать детей со школы, оплата детей за образование, содержание детей, когда приходить теще/свекрови, сколько муж будет тратить деньги на свою жену и еще множество мелочей, которые можно придумать. Кстати, рождение детей имеет огромную роль в брачных контрактах. Однажды, мужчина обязался выплатить своей жене около 1 млн. доллара за рождение ему ребенка. Это не Россия, где «процветает» смертность детей и почти каждая вторая делает аборт. Если проигнорировать брачный договор, то судьба решается в судебном порядке, адвокат берет с вас минимум 10 тыс.\$ за ведение дела в суде, а час его работы может варьироваться 200-300 \$ в час.

Ленин, Маркс и Энгельс, как правило, отвергали торгашеский брак по расчету, который можно смело сравнить с брачным договором. Они требовали освобождение брачно-семейных отношений от извращающей их власти собственности и денег, боролись за равноправие женщин с мужчинами [6]. Одно из интересных и смелых мнений, так как брач-

ный договор несет за собой в России негативные отношения взаимоотношений мужчины и женщины.

Сравнив Россию и Америку на диаграмме, то видим огромную разницу в развитии брачного договора. По статистике 2016-2017 года в России около 4-7 % пар заключают брачный договор на основе имущественных прав, чем Европейские страны. Обратим, внимание на данные Америки, как мы заметили, около 70% пар ежегодно заключают договор, у них же он связан не только с имущественными правами, но и с семейными, бытовыми.

Таким образом, все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Семья принадлежит к важнейшим общественным ценностям.

Брачный договор в Российском обществе хоть и не новизна, но пока только приживается. Однако можно предположить, что заключение брачных договоров все же станет распространенной практикой в ближайшее время. С каждым годом все больше супругов желают формально закрепить и распределить между собой имущество и другие активы. Причем оформлять такие договоры к нотариусам приходят не только самые состоятельные люди, но и представители среднего класса, наемные служащие, владельцы квартир, машин, собственники малого и среднего бизнеса.

Литература:

1. Гражданский кодекс
2. Семейный Кодекс
3. Гребенников И.В.; Ковинько Л.В. Хрестоматия по этике и психологии семейной жизни, 1986г
4. Оскаве К. Экономико-философская интерпретация договора, 2004г
5. <http://www.videolog.ru> 4.03.2018г.
6. <https://iz.ru> 4.03.2018г

А. В. ДЕРГИЛЁВ,
*Студент 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

A. V. DERGILEV,
*2 year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

ЗА КОГО ГОЛОСОВАТЬ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2018 ГОДА?

FOR WHOM TO VOTE FOR AT PRESIDENTIAL ELECTIONS IN 2018?

Аннотация. Данная статья посвящена рассуждению об объективности и верности решения относительно голосования за того или иного кандидата в президенты Российской Федерации. По мысли автора, избиратель должен более ответственно относиться к такой процедуре, как избрание главы государства, чтобы обеспечить хорошее будущее для себя и своей страны.

Ключевые слова: кандидаты в президенты, выборы 2018, обоснованный и грамотный выбор, будущее России.

Annotation. This article is devoted to the discussion of objectivity and fidelity of decisions against voting for a candidate for the presidency of the Russian Federation. According to the author's opinion, the voter should take a more responsible attitude towards such a procedure as election of the head of state in order to ensure a good future for himself and his country.

Key words: presidential candidates, elections 2018, reasonable and competent choice, the future of Russia.

Одним из наиважнейших событий для нашей страны в 2018 году являются выборы президента Российской Федерации. Дата их проведения назначена на воскресенье 18-го марта. Безусловно, избрание лидера государства особо значимо для каждого из граждан России, ведь именно президент определяет вектор развития нашей державы, непосредственно касаясь жизни каждого из нас. Президент также определяет престиж страны на международной арене, напрямую способствует регулированию отношений с другими странами от лица Российского государства. Опираясь на вышесказанное, бесспорно, гражданский долг каждого – сделать своё решение в пользу того или иного кандидата на предстоящих выборах. Как же сделать этот выбор, осознавая всю его важность?

Повлиять на ваше решение — это главная задача предвыборной кампании кандидата в президенты, которая начинается за несколько месяцев до дня избрания. Претенденты агитируют, разъезжая по городам, составляют лозунги, которые будут использоваться в течение всей кампании, а ближе к выборам – участвуют в дебатах – то есть в прениях между выдвиженцами в президенты. Смотри на то, как проходят дебаты, избиратель изучает каждого из потенциальных руководителей страны, наблюдает за их поведением и реакциями, делает анализ и, в конце концов, выводы. По итогу гражданин голосует за того претендента, чьи взгляды ему наиболее симпатичны, выражая наибольшее доверие.

Предвыборные кампании зачастую сопровождаются провокациями, осуждениями и иными попытками влияния со стороны третьих лиц, что существенно может повлиять на решение гражданина о том, за кого он будет ставить галочку в бюллетене. И всё-таки, чтобы сделать наиболее трезвый и объективный выбор, необходимо также вне дебатов само-

стоятельно изучать каждого из лиц, указанных в бюллетене. Желательно проанализировать их деятельность, достигнутые результаты, понаблюдать, как выдвиженец отвечает на те или иные провокационные вопросы. Нужно обратить внимание на предвыборные программы, в которых сформулирован предполагаемый путь развития страны, которого придерживаются претенденты на власть. Лишь после проведения хотя бы перечисленных действий выбор избирателя действительно можно считать грамотным и обоснованным.

Первоочередной значимостью для «грамотного выбора» является среднестатистический уровень компетентности электорального контингента. Исходя из демократического политического режима и, собственно, согласно Федеральному закону от 10 января 2003 г. № 19 «О выборах Президента Российской Федерации» [1], Гражданин Российской Федерации, достигший на день голосования 18 лет, имеет право избирать Президента Российской Федерации. Иными словами, отдавать свой голос за того или иного выдвиженца может любой гражданин, не смотря на то, как хорошо он разбирается в вопросах политики, политологии и прочих науках, на основе которых можно сделать верное решение, главное – достичь совершеннолетия. На равных правах голосуют, например, профессор политологии и студент профессионального училища, учащийся на слесаря. Ясно, что взгляды двух этих людей очень различны в плане отдачи своего голоса. Ещё нужно понимать, что таких, как вышеприведённый профессор – меньшинство, в отличие от второго. Именно поэтому необходимо с особым вниманием и интересом отнестись к такому событию, как выборы главы государства, заранее изучив все аспекты этого мероприятия, дабы заполнить пробел в компетентности электората.

Так или иначе, политические позиции среди народных масс разнятся, что также отражается и на контингенте выдвижаемых лиц: как правило, это люди самых разных взглядов, на основе чего гражданин проявляет свою симпатию к тому или иному выдвиженцу. Итак, какие же кандидаты представлены на выборах в президенты Российской Федерации 2018-го года?

О своём решении участвовать в президентских выборах объявили более 40 человек самых разных профессий: как политики, общественные деятели, так и предприниматели, журналисты, представители культурной сферы и другие [2]. Как гласит тот же Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации», президентом России может стать гражданин, достигший 35-ти лет и проживающий на территории страны не менее 10-ти лет. Также есть ограничения для избрания, описываемые в третьей статье настоящего закона. Например, ограничение срока правления, недееспособность, наличие непогашенных судимостей по тяжким и особо тяжким преступлениям, действие наказания по некоторым административным статьям, нахождение в местах лишения свободы, наличие иностранного гражданства. В итоге, согласно этим критериям, Центральной исполнительной комиссией было допущено всего 8 кандидатов: Сергей Бабурин, Павел Грудинин, Владимир Жириновский, Владимир Путин, Ксения Собчак, Максим Сурайкин, Борис Титов и Григорий Явлинский. При этом один из ожидаемых определенной частью населения политиков со стороны оппозиционного блока, желающих стать президентом – Алексей Навальный – к выборам допущен не был по причине наличия непогашенной судимости. Что же представляют каждый из зарегистрированных кандидатов?

Конечно же, всех необходимо изучать самостоятельно и подробно, если мы говорим, так сказать, о грамотном выборе. Впрочем, каждый без исключения говорит о проблемах бедности, образования и других. Однако, всё же, целесообразно дать краткую характеристику каждому из них.

Первым по алфавитному порядку выступает Бабурин Сергей Николаевич – российский политический деятель, юрист. Выдвигается от общественной организации – полити-

ческой партии «Российский общенародный союз». Из уст Сергея Николаевича нередко можно услышать скромные националистические лозунги. Зачастую в своих речах он предлагает сделать «русский выбор», подразумевая голосование именно за него. Также нередко упоминает необходимость сохранения традиционных ценностей, православия и крепкого духа. Некоторые детали упоминаются в одном из его агитационных лозунгов: «детей любить, семью беречь, о стариках заботиться, Родину защищать и хранить чистоту бессмертной души». В целом, Бабурин предлагает совместить некоторые принципы правления нашей страны из царского, советского и современного периодов истории, которые он считает лучшими. Активно выступает за сохранение православных традиций, предлагая одновременно принципы социализма [3].

Следующим идёт Грудинин Павел Николаевич – российский политик и юрист. Выдвигается от Коммунистической партии Российской Федерации. Является директором агропромышленного комплекса АО «Совхоз имени Ленина», о чём часто упоминает сам. Нередко его деятельность в этом совхозе преподносится как наглядный пример хорошей работы Грудинина в качестве руководителя. Упоминает, что в рамках небольшого предприятия ему удалось воплотить принципы социализма. В одном из своих интервью он заявил, что лучшим правителем нашей страны за всю её историю является Иосиф Сталин. Программа называется «20-ю шагами Павла Грудинина». В целом, программа не содержит чего-либо радикального: в ней предлагается смена экономической стратегии, модернизация экономики, восстановление гарантий на труд, поддержку материнства и так далее. В рамках своей кампании называется «кандидатом от народа» [4]. Необходимо отметить довольно немалую «поддержку», которую имеет Павел Николаевич в сети Интернет: пользователи заметили множество однотипных комментариев под политическими постами, типа: «никогда на выборы не ходил, но в этот раз точно буду голосовать за Грудинина, кандидат от Народа!».

Третьим по алфавиту идет Жириновский Владимир Вольфович – российский политик, выдвинутый Либерально-демократической партией России. Один из наиболее известных политиков современности. Участвует в каждых выборах, начиная с начала 90-х. Неравнодушно относится к русскому народу, часто выступая за защиту его интересов. Знаменит своими радикальными предложениями. Например, Жириновский предлагает упразднить 85 субъектов федерации, заменив 30 губерниями, объясняя это тем, что такое большое количество субъектов, да ещё и разных по своей сути, могут привести, как говорит он сам, к распаду страны [5]. В большинстве вопросов поддерживает политику Владимира Путина.

Следующий выдвиженец – Путин Владимир Владимирович. Действующий президент с 2012-го года, а также президент с 2000 по 2008 годы. Сегодня он имеет довольно высокие рейтинги среди населения. Одними из достижений при его правлении на последнем сроке являются организация масштабной зимней олимпиады в Сочи в 2014 году, присоединение Крыма в этот же период, а также проведение операции в Сирии против Исламского государства. Со скорбью относится к событиям на Донбассе, выражая поддержку его жителям. 2 марта 2018 года, являясь действующим президентом, выступил с посланием Федеральному Собранию, что является одним из его первых громких выступлений в 2018 году. На послании Владимир Владимирович уделил огромное внимание нашим последним военным разработкам.

Пятым по списку в бюллетене кандидатом является Собчак Ксения Анатольевна – российский политик, теле- и радиоведущая, журналистка и общественный деятель. Выдвинута от партии «Гражданская инициатива». Называется «кандидатом против всех», подразумевая то, что она против «системной оппозиции» и действующей власти. В отли-

чие от большинства претендентов, имеет довольно либеральные взгляды. К примеру, она считает абсолютно недопустимой ту политику, которую проводит наше руководство на международной арене. Выступает за вывод российских военных сил с территории Донбасса и Сирии. В рамках предвыборной кампании посетила множество городов России, вплоть до Сибири, открывая свои штабы и слушая проблемы граждан. Также критикует возвращение Крыма к России, аргументируя это тем, что, согласно международному праву, присоединение прошло некорректно, поэтому необходим международный повторный референдум. В одном из интервью назвалась человеком верующим, но не религиозным. На своей лекции «Россия будущего» она объяснила, что верит во что-то высшее, при отсутствии религиозных догм. Политическая программа называется «123 трудных шага» [6].

Шестой в списке кандидатов – Сурайкин Максим Александрович – российский политик. Выдвинут от партии «Коммунисты России». Убеждённый сталинист. Лозунг – «России нужен сталинский президент-коммунист!». Активно говорит о деятельности Сталина, о возврате к социализму и идеям коммунизма. Примечательно то, что просит себя звать товарищем, согласно традициям советского общества. Предвыборная политическая программа называется «десятью сталинскими ударами по капитализму и американскому империализму». Первым пунктом этой программы предполагается публичная клятва у Мавзолея Ленина. Второй пункт подразумевает действия по «отставке буржуазного правительства Медведева». В целом, всерьёз предлагает возвращение к социализму и советскому государству [7].

Следующий по алфавиту – Титов Борис Юрьевич – российский политик и предприниматель. Выдвигается от «Партии Роста». Часто упоминает важность и ценность столыпинских реформ царской России, предлагая прийти к ним вновь. Отличился агитационной рекламой, состоящей всего лишь из трёх слов: «А что... Титов?», тем самым подковав интерес к себе. Политическая программа называется «Стратегией Роста», в которой большое внимание уделено вопросам экономики [8]. О деятельности Титова известно не так много, как у других кандидатов.

Последний, кто хочет занять президентский пост – Явлинский Григорий Алексеевич – российский политический деятель и экономист. Выдвинут от партии «Яблоко». С 1993 по 2003 годы – депутат Государственной Думы. Аналогично Владимиру Жириновскому, участвует в каждых выборах в президенты, но, в отличие от последнего, появляется на публику, как правило, исключительно во время президентских кампаний. Во многом взгляды схожи со взглядами Ксении Собчак. Программа называется «Концепцией будущего». Она также не имеет ничего радикального. Например, как и остальные кандидаты, предлагает изменить приоритет бюджета. Выступает за созыв международной конференции по статусу Крыма [9]. Обсуждая какие-либо проблемы, твёрдо заявляет о своей уверенности в том, как их решить раз и навсегда – «я знаю, как...». На Григории Алексеевиче список заканчивается.

Определенные тезисы в сторону каждого из этих лиц описаны, но не стоит делать выводы только лишь на них. Повторюсь, к избранию своего кандидата необходимо подойти ответственно и внимательно. Сформировать обоснованное мнение относительно выбора – очень важно, ведь от вашего голоса зависит будущее нашей страны. Дополнительно необходимо располагать пониманием ситуации за рубежом: как обстоят дела в развитых странах, каков уровень их экономического развития, какова их позиция по определенным вопросам и тому подобное. Зная, как живёт гражданин в развитом иностранном государстве, можно понять, что вами ожидается от этих выборов и какие требования нужно предъявить к избираемым.

Примечательно, что имена многих кандидатов избиратель слышит впервые. Наиболее узнаваемыми являются Путин, Собчак, Жириновский и Явлинский, что в целом отражается на рейтинге выдвиженцев. Так, по состоянию на 26-е февраля 2018 года, согласно ВЦИОМ, 69.1% опрошенных проголосовали бы за Путина, 7.8% за Грудина, 5.9% за Жириновского. 1.6% за Собчак. Остальные кандидаты не набирают и 1% [10].

Нельзя не упомянуть об акции, которую устраивает недопущенный к выборам Алексей Навальный. По личным соображениям он призывает бойкотировать избрание президента, агитировать за это родственников, а также регистрироваться наблюдателями, дабы проследить за явкой избирателей. Но если учитывать то, что с 2006 года в России отменен порог явки [11], то акция в принципе не целесообразна: даже если придут голосовать всего три человека – выборы всё равно будут признаны. Также не совсем ясно, какой посыл несёт бойкот для действующей власти.

Опираясь на вышесказанное, всем нужно выполнить свой гражданский долг – пойти на выборы и проголосовать за определённого кандидата. Именно от уровня подготовки избирателя зависит то, каким будет будущее России, ведь если проголосовать за претендента на власть, не сравнив его с другими и толком не изучив его самого, вероятность позитивного исхода деятельности при возможной победе этого претендента снижается, ибо в нём заранее нет как таковой уверенности.

Литература:

1. Сайт президента России - Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://kremlin.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
2. ЦИК РФ – «Завершился прием документов от кандидатов, выдвинутых политическими партиями на должность Президента Российской Федерации» [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cikrf.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
3. Предвыборная программа Сергея Бабурина [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://baburin2018.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
4. Предвыборная программа Павла Грудина [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://grudininkprf.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
5. Предвыборная программа Владимира Жириновского [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://ldpr.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
6. Предвыборная программа Ксении Собчак [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://sobchakprotivvseh.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
7. Предвыборная программа Максима Сурайкина [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://komros.info>, дата обращения: 03.03.2018.
8. Предвыборная программа Бориса Титова [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.boristitov2018.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
9. Предвыборная программа Григория Явлинского [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://2018.yavlinsky.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
10. ВЦИОМ – «Выборы-2018» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru>, дата обращения: 03.03.2018.
11. Российская газета – «Не явки ради» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rg.ru>, дата обращения: 03.03.2018.

Н.Г. КАРАТУНОВА,
*преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

N.G. KARATUNOV,
*teacher of the department of social and humanitarian
and natural science disciplines
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

НОВЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ БИЗНЕСА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ДАННЫХ

NEW FORMS OF BUSINESS ORGANIZATION WITH THE USE OF MODERN DATA TRANSFER SOFTWARE

Аннотация. В статье представлены новые формы организации бизнеса с использованием современных средств передачи данных.

Ключевые слова: информационные технологии, технологии как инструмент для накопления, обработки и передачи информации.

Annotation. The article presents new forms of business organization with the use of modern means of data transmission.

Key words: information technologies, technologies as a tool for accumulation, processing and transmission of information.

Мир вокруг нас меняется с поразительной быстротой, поскольку глобальные явления постиндустриального общества, усиление роли знаний, появление интернета, а также революционное изменение в части методов управления, крах традиционной системы управления — реинтеграция (объединение) процессов влияют на развитие практически всех областей деятельности человечества. Все эти изменения связаны с информационными технологиями, которые перестали быть просто вспомогательным инструментом бизнеса.

Если раньше информационные технологии представляли собой инструмент для накопления, обработки и передачи информации, то теперь их роль существенно изменилась: информационные технологии - это рычаг для преобразования предприятия с целью повышения его эффективности в информационную эпоху.

В данной работе рассматривается влияние современных информационных технологий на организацию и методы менеджмента, здесь сделан упор на самые значимые способы эффективного управления при помощи информационных технологий.

Информационная технология - это системно организованная для решения задач управления совокупность методов и средств реализации операций сбора, регистрации, передачи, накопления, поиска, обработки и защиты информации на базе применения развитого программного обеспечения, используемых средств вычислительной техники и способов, с помощью которых информация будет предложена клиентам.

В последнее время под информационными технологиями понимают компьютерные технологии. В частности, ИТ имеют дело с использованием компьютеров и программного обеспечения для хранения, преобразования и защиты информации. Специалистов по компьютерной технике и программированию часто называют ИТ-специалистами. Огромную

роль в управлении играет современная классификация ИТ-специалистов: среди специалистов информационных систем различают ИС-менеджеров, а также ИС-профессионалов; среди не специалистов выделяют менеджеров- пользователей и конечных пользователей.

Информационная технология предполагает умение грамотно работать с информацией и вычислительной техникой. ИТ требуют сложной подготовки, больших первоначальных затрат и наукоемкой техники. Их введение должно начинаться с создания математического обеспечения, формирования информационных потоков в системах подготовки специалистов.

ИТ позволяют оптимизировать разнообразные информационные процессы, начиная от подготовки и издания печатной продукции и кончая информационным моделированием и прогнозированием глобальных процессов развития природы и общества.

Цель данной работы выяснить, как и какими методами при автоматизации и с передовыми технологиями в управлении — менеджерам и компаниям в целом достичь эффективного руководства и стабильной конкуренции на рынке. Задача нашей работы состоит в том, чтобы дать классификацию информационным технологиям по ряду признаков, рассмотреть основные свойства ИТ, выявить взаимосвязь между информационными технологиями и информационными системами, рассмотреть экономическую информационную систему и виды информации, используемые в организации. Также мы должны проанализировать необходимость современных информационных технологий, уделить внимание новым формам организации бизнеса с использованием современных средств передачи данных, определить сущность аутсорсинга и его необходимость для предприятий, стремящихся быть конкурентоспособными, рассмотреть электронную коммерцию, виды информационных систем в организации, а также взаимосвязь между организациями и современными информационными системами. Информационные технологии в настоящее время можно классифицировать по способу реализации в информационной системе, по степени охвата задач управления, классам реализуемых технологических операций, типу пользовательского интерфейса, по способу построения сети, а также по обслуживаемым предметным областям. Классификация ИТ по способу реализации в ИС:

- традиционные
- новые информационные технологии.

По степени охвата задач управления:

- электронная обработка данных
- автоматизация функций управления
- поддержка принятия решений
- электронный офис
- экспертная поддержка

По классу реализуемых технологических операций:

- работа с текстовым редактором
- работа с табличным процессором
- работа с СУБД
- работа с графическими объектами
- мультимедийные системы
- гипертекстовые системы

По типу пользовательского интерфейса:

- пакетные
- диалоговые
- сетевые

По способу построения сети:

- локальные
- многоуровневые
- распределенные

По обслуживаемым предметным областям:

- бухгалтерский учет
- банковская деятельность
- налоговая деятельность
- страховая деятельность и др.

Основными свойствами ИТ являются целесообразность, наличие компонентов и структуры, взаимодействие с внешней средой, целостность, развитие во времени. Рассмотрим подробнее данные свойства.

Целесообразность, пожалуй, главная цель реализации информационной технологии состоит в повышении эффективности производства на базе использования современных ЭВМ, распределенной переработке информации, распределенных баз данных, различных информационных вычислительных сетей путем обеспечения циркуляции и переработки информации.

Существуют различные компоненты и структура информационной технологии. Функциональные компоненты — это конкретное содержание процессов циркуляции и переработки информации. Структура информационной технологии — это внутренняя организация, представляющая собой взаимосвязи образующих ее компонентов, объединенных в две большие группы: опорную технологию и базу знаний.

Опорная технология представляет собой совокупность аппаратных средств автоматизации, системного и инструментального программного обеспечения, на основе которых реализуются подсистемы хранения и переработки информации.

База знаний — совокупность знаний, хранящихся в памяти ЭВМ. Базы знаний можно разделить на интенциональную (т.е. знания о чем-то "вообще") и экстенциональную, (т.е. знания о чем-то "конкретно"). В интенциональной базе хранятся оболочки, а в экстенциональной хранятся оболочки с запоминанием, которые носят название баз данных. Иными словами, мы можем определить базу знаний как отображение предметной области. Она включает в себя базу данных.

Взаимодействие с внешней средой — взаимодействие информационной технологии с объектами управления, взаимодействующими предприятиями и системами, наукой, промышленностью программных и технических средств автоматизации.

Целостность — информационная технология является целостной системой, которая способна решать задачи, не свойственные ни одному из ее компонентов.

Реализация во времени — обеспечение динамичности развития информационной технологии, ее модификация, изменение структуры, включение новых компонентов.

Глобальная компьютерная сеть Интернет развивается большими темпами. В течение сравнительно короткого срока сеть Интернет проделала огромный путь от отдельных линий связи для обмена информацией между научными институтами США и Европы, работающими над совместными проектами, до глобальной информационной среды.

После открытия Интернета сразу же возник бизнес с использованием услуг сети. С самого начала это было предоставление доступа, электронной почты и места для размещения информации. Дополнительным толчком к росту числа пользователей и деловой активности послужила разработка спецификаций языка описания гипертекстовых страниц HTML (Hyper-Text Markup Language) и протокола их передачи по сети HTTP (Hyper-Text

Transfer Protocol). Благодаря этим инновациям информация в Интернете получила современный вид.

Размещение информации в Интернете стало на вполне законных основаниях называться «электронной публикацией». Появились агентства Web дизайна, занимающиеся созданием информационных ресурсов клиента в Интернете «под ключ». Электронная публикация открыла дорогу Интернет-изданиям и Интернет-рекламе.

С появлением возможности безналичной электронной оплаты товаров и услуг и использования глобальной сети для проведения транзакций по всему миру появилось такое уникальное явление как «электронная коммерция».

Сегодня под термином «электронная коммерция» понимается предоставление товаров и платных услуг через глобальные информационные сети.

Термин "электронная коммерция" объединяет в себе множество технологий, таких как EDI (Electronic Data Interchange - электронный обмен данными), электронная почта, интернет, интранет (обмен информацией внутри компании), экстранет (обмен информацией с внешним миром). Таким образом, электронную коммерцию мы можем характеризовать как ведение бизнеса через интернет.

Электронная коммерция не ограничивается продажами в интернете. Это явление гораздо глобальнее. Электронная коммерция начинается там, где появляются средства автоматизации бизнеса, и используется глобальная сеть для деловых применений. В связи с этим мы рассмотрим качественно новые формы организации предприятий - сетевые и виртуальные корпорации.

Сетевой характер предприятий проявляется в том, что глобальная сеть используется для обмена необходимой информацией между географически удаленными подразделениями компании.

В развитых странах электронная коммерция в виде продаж товаров и услуг с использованием доступа по сети широко представлена благодаря высоким темпам технического прогресса, а также ввиду подготовленности населения к подобному виду сервиса. В развитых странах десятилетиями практикуется приобретение товаров по каталогам под заказ с доставкой на дом. В России же развитие торговых отношений подобного рода находится пока на низком уровне. Более того, производство некачественных товаров выработало такую модель поведения у покупателей, что любую вещь перед приобретением необходимо внимательно осмотреть, проверить на наличие в ней каких-либо дефектов.

Таким образом, даже если в максимально короткие сроки электронные платежи станут также распространены и доступны как в США, Web-магазины не получат широкой клиентуры. Это касается не только России, но и некоторых государств Восточной Европы. Остановимся подробнее на преимуществах интернета. Пожалуй, одно из ключевых преимуществ – глобальный доступ. Даже небольшая компания с его помощью легко расширит свой рынок сбыта и существующий сегмент потребителей. Приведем пример. Barnes and Noble, одна из крупнейших сетей книжных магазинов в США, просто вынуждена была открыть сайт в интернете, потому что почувствовала резкое усиление конкуренции со стороны Amazon.com - компании, занимающейся продажей книг исключительно в интернете и привлекающей к себе все больше покупателей. Для начала пришлось создать небольшую электронную компанию. Очень скоро стало ясно, что проект увенчался успехом, тогда Barnes and Noble преобразовала ее в полномасштабную компанию, которая довольно быстро выросла и сегодня занимает второе место на электронном книжном рынке.

Перечислим некоторые из наиболее важных причин, по которым компании переносят свою деятельность в Интернет:

- расширение рынка. Компания ставит своей целью освоение новых сегментов рынка.
- привлечение внимания. Компания стремится стать более доступной для своих потребителей и привлечь к себе внимание потребителей.
- повышение уровня реагирования. Компания желает ускорить реакцию потребителей и партнеров.
- новые услуги. Компания с помощью интернета хочет продвинуть новые услуги для потребителей и партнеров.
- улучшение деловых взаимоотношений. Возможность получения данных в реальном времени увеличивает прибыль каждого участника.
- снижение расходов. Компания рассчитывает снизить расходы на производство товара и аренду помещения. Аутсорсинг как новая форма организации бизнеса. Сегодня мы вынуждены констатировать, что существование замкнутых (инсорсинговых) компаний в большинстве случаев становится экономически неоправданным и влечет за собой снижение конкурентоспособности. Такие компании переполнены сложнейшими бизнес-системами с огромным количеством процессов, поэтому управление ими – достаточно сложная задача. Одной из наиболее современных и успешных бизнес-моделей, позволяющих добиться реальных конкурентных преимуществ, является аутсорсинг.

Аутсорсинг сегодня- это эффективный способ ведения бизнеса. За пределы компании выводится не конкретный персонал, а определенная функция, то есть компания-заказчик прибегает к услугам сотрудников другой компании. Трудно не согласиться с тем, что всегда существуют компании, способные выполнять относительно независимые функции бизнеса с наибольшей и практически недостижимой эффективностью. Аутсорсинг позволяет компаниям сфокусироваться на основном бизнесе и переложить все трудности вспомогательных функций на компании, специализирующиеся на выполнении этих функций. Компании, не использующие аутсорсинг, рассматриваются как неэффективные и, соответственно, неконкурентоспособные. Иными словами, аутсорсинг мы можем определить как передачу сторонней компании различных элементов деятельности, которая ранее осуществлялась в рамках данной компании.

В мировой практике аутсорсинг как способ организации производства давно признан средством повышения эффективности компании. Наличие у компании долгосрочной аутсорсинговой стратегии является, по мнению ведущих аналитических агентств, необходимым условием успешного развития конкурентного бизнеса и его адаптации к стремительно меняющимся рыночным условиям.

Аутсорсинг может принести компании значительные преимущества, такие как сокращение объемов инвестиций в не основные фонды; сосредоточение на основной деятельности; снижение расходов на создание и поддержку рабочих мест; гибкая реакция на изменения на рынке и внутри компании (реорганизации, реструктуризации, слияния); повышение прибыльности бизнеса, так как аутсорсинг снижает издержки обслуживания бизнес-процессов; внедрение передовых технологий через специализированную аутсорсинговую компанию; повышение конкурентоспособности компании, пользующейся услугами аутсорсера. Описанные выше преимущества изложены в схеме на рисунке 1.

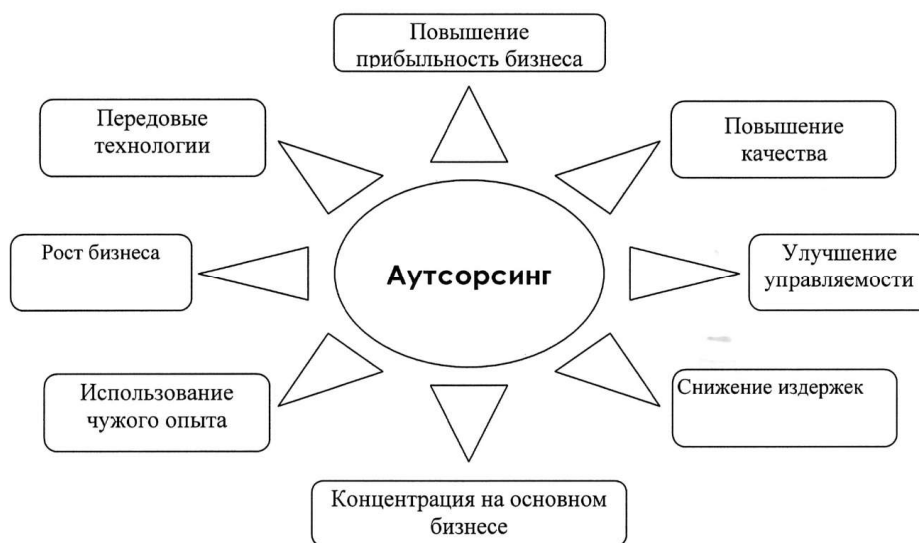

Рисунок 1. Преимущества аутсорсинга

Главным фактором привлекательности аутсорсинга является то, что внешний поставщик услуг способен обеспечить существенную экономию затрат, более высокий уровень услуг за счет специализации, более дешевой рабочей силы или эффекта масштаба. Однако, аутсорсинг - это значительно больше, чем еще один способ сокращения затрат и повышения эффективности производства. Используя услуги фирм-профессионалов, организации могут направить свои собственные ресурсы в наиболее доходные направления деятельности.

Рассмотрим структуру компании, являющейся подрядчиком для аутсорсинговых компаний. Новый подход к организациям предприятия с разделением полномочий между его подразделениями получил название «динамической сетевой организации» или организации с модельной структурой. Сетевая структура означает распределение основных функций между отдельными подразделениями. Координация действий осуществляется небольшим центральным офисом. Главное отличие такой структуры состоит в том, что основные операции (производство, разработка новой продукции, бухгалтерский учет) не собраны под одной крышей, а выполняются отдельными организациями (подразделениями) по договоренности. Связь центрального офиса с подразделениями осуществляется с использованием электронных средств и глобальной сети передачи данных.

В качестве примера мы приведем фирму, разрабатывающую программное обеспечение. Разработка различных частей крупного программного продукта (ядро, оболочка) идет с привлечением команд по всему миру. Крупные промышленные фирмы, специализирующиеся на выпуске компьютеров и электронной аппаратуры, такие как IBM, до этого полностью выполнявшие самостоятельно весь цикл производства техники, теперь заказывают по своим чертежам и технологическим картам производство аппаратуры азиатским компаниям. Таким образом, им удастся понизить себестоимость своей продукции, а также легче выдержать конкуренцию с производителями более дешевых аналогов.

Для связи с партнерами и подразделениями используются видеоконференции и электронная почта.

Первой компанией, применившей в ходе расширения бизнеса модульную структуру и добившейся ошеломительного успеха, была Nike - ведущая американская компания, специализирующаяся на производстве и продаже спортивной одежды. Сетевая или модульная

структура дает немало преимуществ. В первую очередь - это возможность сконцентрировать усилия персонала на решении нескольких основных задач, заказывая выполнение других функций, таких как доставка, бухгалтерский учет, специалистам вне компании. Модульная корпорация представляет собой ядро, окруженное гибкой сетью наилучших поставщиков необходимых услуг, которые могут быть задействованы, либо исключены по мере надобности.

Важнейшим преимуществом является присутствие организации во многих странах мира и возможность завоевывать рыночные позиции везде, где есть такая возможность. Сетевая организация консолидирует ресурсы по всему миру с целью добиться наилучшего качества продукции при максимально низкой стоимости. А это является одним из решающих факторов для достижения устойчивого преимущества над конкурентами. Преимуществом является также гибкость в выборе рабочей силы, поскольку выполнение любой можно заказать, условно говоря, любой профильной компании в какой угодно точке мира. Причем компании-исполнители каждой функции могут быть заменены более предпочтительными без особых ограничений. Модульная организация может постоянно менять свою структуру с целью выхода на рынок с новой продукцией.

Другой немаловажный аспект — это более высокая производительность и удовлетворенность выполняемой работой теми, кто работает в головном офисе, благодаря более гибкой структуре предприятия. Причем структура сетевой (виртуальной) корпорации — наиболее гибкая из всех возможных форм существования деловых организаций.

Каковы же недостатки сетевой структуры? Существенным недостатком является слабость непосредственного контроля над всеми процессами. Руководители предприятия не могут наблюдать за ходом выполнения поручений, потому что большинство подчиненных удалено географически и доступно лишь по каналам телефонной и электронной связи.

Еще один, не менее важный недостаток сетевой структуры - сложность работы с удаленными работниками в силу зачастую малой преданности общему делу. У сотрудников может возникнуть ощущение ненадежности их рабочих мест в связи с большой возможностью замены их деятельности контрактными соглашениями со сторонними организациями. В модульной корпорации гораздо сложнее создать сплоченный коллектив, а также текущее кадровых выше, чем в традиционных структурах организаций. При каждой смене линии сетевая фирма вынуждена перетасовывать сотрудников для достижения оптимального набора квалификаций.

Особенность глобальной сетевой корпорации состоит также в том, что возникает необходимость в руководителях, подготовленных к работе в различных странах. Несмотря на то, что основные функции управления (планирование, организация, лидерство, контроль) не меняются от того, проходят операции компании в нескольких странах одновременно или в одной стране, существуют факторы различия в окружающей среде, которым необходимо соответствовать: социально-культурные отличия между странами, различия в экономическом развитии, различия в законодательстве.

Таким образом, это повышает долю риска для бизнеса. Внутренняя структура международной компании должна соответствовать нескольким наборам параметров внешней среды, формирующим различные культуры, внутри которых находятся клиенты компании, а также поставщики продукции и различного сервиса, что наиболее важно для аутсорсинга.

Рассмотрим средства групповой работы для виртуальной корпорации.

База данных виртуальной (сетевой) корпорации должна содержать наряду с персональной информацией по сотрудникам, участвовавшим в процессе переговоров, также файлы, отражающие историю обмена сообщениями по электронной почте, и файлы записи

сеансов видеоконференций. Проанализируем влияние такой системы на функционирование корпорации.

Усиление контроля со стороны руководства. Как было описано выше, слабый контроль над подчиненными является одним из наиболее значительных недостатков модульной корпорации. С другой стороны, для достижения устойчивого преимущества над конкурентами необходим надежный контроль над тем, как исполняют текущие задачи, и претворяется в жизнь корпоративная стратегия. Система раннего оповещения того, что действительно имеет место отклонение от курса, сформулированного в стратегии компании, при жесткой конкуренции приобретает исключительную важность. В случае, когда проект выполняется географически удаленными сотрудниками, использующими для связи с центральным офисом сеть Интернет, традиционные методы мотивации и контроля могут не дать нужного эффекта. Руководителям аналогичной организации необходима надежная система мониторинга удаленных сотрудников.

При работе с удаленными сотрудниками конфликты могут возникать гораздо чаще, чем в обычных условиях. Отсутствие межличностного общения между сотрудниками, начальством и подчиненными приводит к росту случаев сомнений, двусмысленности, неспособности определить проблемы. Действительно, используя только электронную почту не просто объяснить работнику, сорвавшему сроки сдачи своей части общего проекта, что он не прав. В случае, когда конфликт пустил достаточно глубокие корни, база данных по переговорам может существенно помочь. Люди, ответственные за разрешение конфликтов, могут просмотреть архивы на интересующего сотрудника и определить, что данный сотрудник сказал и при каких обстоятельствах.

В случаях, когда сетевая структура предприятия становится достаточно разветвленной и сложной, возникает необходимость в проведении процедуры голосования по вопросам, затрагивающим интересы многих сторон и касающимся общей стратегии компании. Ввиду того, что целые подразделения сетевой фирмы находятся на значительном расстоянии, то организация совместных заседаний ответственных лиц может оказаться неоправданно дорогой процедурой. В связи с этим фактом рационально организовывать процедуру голосования и обработку результатов с использованием сетевых технологий. Для идентификации и защиты результатов голосования можно использовать надежную технологию цифровой подписи.

Информационные системы могут стать мощными инструментами для создания более конкурентоспособных и эффективных организаций. Информационные технологии могут использоваться, чтобы перепроектировать организации, трансформируя их структуру, область действия, средства сообщения и механизмы управления работой, трудовыми процессами, изделиями и услугами. Опишем некоторые из главных возможностей преобразования организаций, которые сделали доступными информационные технологии.

В настоящее время стало возможным организовать глобальную работу в отдельных рабочих местах. Информационные технологии, такие, как электронная почта, Интернет и видеоконференции, создают хорошую координацию географически рассеянных сотрудников в различных странах и регионах. Совместная бригадная работа через тысячи километров стала реальностью, поскольку проектировщики могут работать над проектом нового изделия вместе, даже если они расположены на различных континентах.

Информационные системы с сетевой структурой дают возможность компаниям координировать их географически распределенные подразделения как виртуальные корпорации (или виртуальные организации), иногда называемые организациями с сетевой структурой. Виртуальные организации используют сети, чтобы связать людей, имущество и идеи, соединяя с поставщиками и клиентами, чтобы создавать и распределять новые изде-

лия и услуги без ограничения традиционными организационными границами или физическим расположением. Одна компания может пользоваться возможностями другой компании без физического соединения с ней. Например, одна компания могла бы отвечать за конструкцию изделия, другая за сборку и производство и третья за администрацию и продажи.

Современная технология передачи данных предоставила многим организациям работу более гибкими способами, повышая способности этих организаций реагировать на изменения в рынке. Информационные системы могут придавать большим и маленьким организациям дополнительную гибкость, чтобы преодолеть некоторые ограничения, вытекающие из их размеров. Маленькие организации могут использовать информационные системы, чтобы приобрести часть сил и возможностей больших организаций. Они могут координировать действия типа выполнения заказов или слежения за инвентарем, имея небольшой кадровый состав клерков и менеджеров. Большие организации могут использовать информационные технологии, чтобы достигнуть части маневренности и чувствительности маленьких организаций.

Использование информационных технологий в бизнесе позволило заменить процедуры ручного труда на автоматизированные действия в трудовых и технологических процессах. Электронные трудовые процессы уменьшили стоимость эксплуатации во многих компаниях, заменяя бумажные документы и установившуюся практику ручного труда.

Информационные технологии реорганизуют процесс управления, обеспечивая мощные новые возможности помощи менеджерам в стратегии, планировании и управлении. Например, стало возможно получать информацию для менеджеров относительно организационного выполнения вплоть до уровня определенных изделий из любой организации в любое время. Новая интенсивность информации делает возможными точное планирование, предсказание и контроль. Распределяя информацию через электронные сети, новый менеджер может эффективно связываться с тысячами служащих и даже управлять обширными целевыми группами.

Использование современных информационных технологий для управления предприятием дает возможность абсолютно любой компании стать более конкурентоспособной за счет повышения ее управляемости и адаптируемости к изменениям рыночной конъюнктуры. Подобная автоматизация позволяет повысить эффективность управления компанией за счет обеспечения руководителей максимально полной и достоверной информацией на основе единого банка данных; улучшить делопроизводство с помощью оптимизации и стандартизации документооборота, автоматизации его наиболее трудоемких процедур; снизить расходы на ведение дел за счет автоматизации процессов обработки информации, регламентации и упрощения доступа сотрудников компании к нужной информации; обеспечить контроль и надежный учет поступлений и расходования денежных средств на всех управленческих уровнях; и многое другое.

Важно отметить, что под автоматизацией мы понимаем не самоцель, а целенаправленную перманентную деятельность по оптимизации организационно-штатной структуры компании, а также ее бизнес-процессов.

Изменения, происходящие под влиянием информационных технологий, всеобъемлющи. Но информационные технологии при всей своей революционности не отменили производственного процесса, не ликвидировали конкурентов и, конечно же, не отняли у человека право принимать решения. Фирма как объект управления существовать не перестала, даже если она стала виртуальной, внешнее окружение продолжает существовать, необходимость находить решения слабоструктурированных задач осталось. Скорее всего, можно говорить об интенсификации всех процессов в информационном веке. Изменился

инструментарий в управлении фирмой. Он изменился настолько сильно, что повлиял на все процессы, к которым имеют отношение менеджеры: планирование, организацию, руководство и контроль.

В результате проделанной работы мы определили влияние современных информационных технологий на организацию и методы управления. Была дана классификация информационных технологиям, рассмотрены основные свойства ИТ. Также мы выявили связь информационных систем и информационных технологий, рассмотрели экономическую информационную систему и виды информации, используемые в организации.

Также мы проанализировали необходимость современных информационных технологий, в частности было уделено внимание новым формам организации бизнеса с использованием современных средств передачи данных. В ходе работы мы выявили сущность аутсорсинга и его необходимость для предприятий, стремящихся быть наиболее конкурентоспособными. Во второй главе также была рассмотрена электронная коммерция и основные сферы ее приложения. Мы рассмотрели виды информационных систем в организациях, а также подвергли анализу взаимосвязь между организациями и современными информационными системами.

Литература:

1. В. Грабауров / Информационные технологии для менеджеров. - М.: Финансы и статистика, 2005.
2. Афанасьев С. В., Ярошенко В. Н. Эффективность информационного обеспечения управления. - М.: Экономика, 1987.
3. Д. Михайлов / Аутсорсинг. Новая система организации бизнеса: учебное пособие – М.: КНОРУС, 2006.
4. М. Костельс / Информационная эпоха. - М.: ГУ ВШЭ, 2000.
5. А. Костров / Основы информационного менеджмента: учебное пособие. - М.: Финансы и статистика, 2001.
6. Д. Козье / Электронная коммерция. - М.: Русская редакция, 1999.
7. Б. Гейтс / Бизнес со скоростью мысли. - М.: ЭКСМО- Пресс, 2001.
8. В. Имери / Как сделать бизнес в Интернет. - СПб.: Диалектика, 1998.
9. <http://revolution.allbest.ru/programming/00057399.html> - Классификация информационных технологий - 26.10.2009.
10. <http://www.modestopadilla.com/?cat=8> - Информационные системы и технологии - 26.10.2009.

Н.Г. КАРАТУНОВА,
*преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Т.А. НИКИТИНА,
*научный консультант Индивидуальный предприниматель «Атанов Ю.А.»
кандидат сельскохозяйственных наук
(Россия)*

N.G. KARATUNOVA,
*teacher of the department of social and humanitarian
and natural science disciplines
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

T.A. NIKITINA,
*scientific adviser Individual entrepreneur «Atanov Yu.A.»
Candidate of Agricultural Sciences
(Russia)*

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ВОДООХРАННЫХ ЗОНАХ ВОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ЕЙСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

EMERGENCY SITUATIONS IN WATER-PROTECTION ZONES OF WATER OBJECTS OF YAYSKY DISTRICT OF KRASNODAR TERRITORY

Аннотация. Дается краткое описание водных объектов Ейского района. Рассмотрены чрезвычайные ситуации природного и антропогенного характера в водоохраных зонах водных объектов Ейского района. Описано загрязнение прибрежной зоны Азовского моря, лиманов и рек Ейского района.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация, гидрология, экология, водоохранная зона, загрязнение, Азовское море, реки и лиманы Ейского района.

Annotation. A brief description of the rivers of the Eisk region. Considered emergencies of natural and man-made water protection zones of water bodies of Eisk region. We describe the contamination of the coastal zone of the Azov Sea, the rivers and the estuaries of the Eisk region.

Keywords: emergency, hydrology, ecology, water protection zone, pollution, the Azov Sea, the rivers and the estuaries of the Eisk region.

В соответствии с Водным кодексом Российской Федерации, а также «Положением о водоохраных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах» водоохраной зоной является территория, примыкающая к акваториям поверхностных водных объектов. На ней устанавливается *специальный режим хозяйственной и иных видов деятельности* с целью предотвращения загрязнения, засорения, заиления и истощения водных объектов, а также сохранения среды обитания объектов животного и растительного мира.

В пределах водоохраной зоны устанавливаются прибрежные защитные полосы, в границах которых запрещается любая хозяйственная деятельность кроме строительства водозаборов питьевого и промышленного водоснабжения, причалов, водорегулирующих и других гидротехнических сооружений [1, 2, 3].

Водными объектами Ейского района являются Азовское море с Таганрогским заливом и Ейским лиманом, а также река Ея с притоками.

Азовское море расположено между 45 и 47 градусами северной широты и 33 и 39 градусами восточной долготы. С запада на восток максимальная протяженность Азовского моря – 343 км. С севера на юг – 231 км. Площадь поверхности Азовского моря – 37605 км². Длина береговой линии составляет 1472 км, большая часть — песчаные пляжи. Максимальная глубина Азовского моря – 14,4 м — в центральной части моря. Уровень глубины 5 м в среднем расположен в 2-х км от берега. Средняя глубина Азовского моря составляет 6–8 м. Северное побережье моря более мелководно, глубина 6–7 м может сохраняться на расстоянии 20–30 км от берега. Для южного побережья более характерен крутой подводный склон до глубины 11–12 м. Встречаются в Азовском море подводные возвышенности – банки. Вдоль восточного побережья вытянута банка Железинская, вдоль западного – банки Морская и Арабатская. Над банками глубина моря уменьшается до 3–5 м. Берега моря повторяют подводный рельеф: на северном побережье плоские песчаные, а на южном встречаются холмы и передовые горы вулканического происхождения.

Воды Азовского моря имеют малую соленость из-за затрудненного водообмена с Черным морем и большого притока речных вод. Впадающие в него реки (более 20), в том числе такие крупные как Дон и Кубань, несут сюда минералы, не свойственные составу океанической воды – много минералов с содержанием кальция, карбонатов, сульфатов. Океанические воды более богаты содержанием хлора и натрия. Общая соленость почти в 3 раза ниже океанической. Азовское море считается самым континентальным морем из-за слабой связи с океаном.

Благодаря расположению Азовского моря в умеренно-континентальном поясе, его воды сохраняют высокую среднегодовую температуру – она несколько превышает +11°C. Летом вода прогревается до +24 – +25°C, у берега – даже до +30°C. В зимний период температура воды понижается до точки замерзания.

Благодаря мелководности моря, его верхние и нижние слои хорошо перемешиваются ветрами, что приводит к выравниванию температур. Зимой море замерзает, причем в течение зимы лед может неоднократно появляться и исчезать. В теплые зимы большая часть акватории моря (особенно южная) остается свободной ото льда.

Таганрогский залив – наиболее крупный изолированный залив в северо-восточной части Азовского моря. От моря его отделяют Белосарайская и Долгая косы. Залив имеет длину около 140 км, ширину (у входа) – 31 км. Наибольшая глубина отмечается у выхода из залива (10–11 м), наименьшая – в вершине залива (около 1 м). Средняя глубина составляет около 5 м. Площадь Таганрогского залива составляет 5600 км². В залив впадают реки Дон, Миус, Кальмиус, *Ея*. Основные порты: Таганрог, Жданов и Мариуполь (Ростовская область) и *Ейск* (Краснодарский край).

Течения в Таганрогском заливе возникают в основном благодаря притоку донских вод. Замерзает залив в декабре, вскрывается в марте.

В восточной части залива вода пресная, а в западной – соленая, так как подвергается действию вод Азовского моря. В последнее время соленость воды значительно возросла. Баланс был нарушен из-за снижения объема поступающей в залив пресной воды из Дона, в то время как объем соленой воды, поступающей из Черного моря через Керченский пролив, возрос. Похожая ситуация наблюдалась в 1972–1976 гг.: ареал обитания морских рыб увеличился за счет сокращения количества пресноводных рыб. Судаку, лещу пришлось прижиться к устьям рек, в то время как пиленгасу изменение баланса воды не мешает. Изменения в химическом составе воды могут нанести серьезный вред рыболовству, ес-

ли некоторые виды промысловых рыб переместятся дальше на север, в более прохладные воды.

Ейский лиман – самый большой залив Азовского моря площадью около 244 км². Длина его – 24 км, наибольшая ширина – 12 км. Лиман мелководен. Средняя глубина – 0,5–1,5 м, ближе к морю — 3–3,5 м. Имеет форму овала, вытянутого с востока на запад. С запада лиман соединяется с Таганрогским заливом, с востока в него впадает река Ея. Соленость воды непостоянна. Химический состав воды зависит от интенсивности обмена с Азовским морем и стока вод реки Еи. На западном берегу лимана город-курорт Ейск. Зимой лиман замерзает, очищается ото льда – в марте. Лиман возник в результате отделения от Азовского моря устьевой части сильно обмелевшей реки Еи, которая в настоящее время сбрасывает в лиман только внешние воды. Южные и северные берега обрывистые, западные и восточные – плоские.

Ейский лиман — ценный рыбопромысловый район. За счет хорошей прогреваемости вод и слабой солености здесь ловили более 18 видов рыб, среди которых ценные промысловые виды: сазан, лещ, судак, щука, тарань, сельдь, пиленгас, чехонь, морские бычки, из осетровых – белуга, осетр, севрюга.

Река Ея — самая длинная и многоводная река Азово-Кубанской низменности и вторая по длине река Краснодарского края. Она зарождается у одного из отрогов Ставропольской возвышенности, в 5 км к югу от станицы Новопокровской. Она образуется от слияния двух небольших речек: Карасуна, протекающего по балке от станицы Ильинской, и Упорной, которая получает начало от ключей, выклинивающихся по балке.

Вначале Ея течет в северо-западном направлении, но от станицы Кушевской меняет его на западно-северо-западное и впадает в соединяющийся с Азовским морем Ейский лиман ниже станицы Старощербиновской, проделав путь в 311 км. Река собирает воды с обширного водосборного бассейна площадью 8650 км². По своей конфигурации бассейн Еи довольно симметричен. Она принимает притоки как справа, так и слева, при этом правобережных притоков больше. Наиболее крупными из правобережных притоков являются Куго-Ея длиной 108 км с площадью водосборного бассейна в 1260 км² и Кавалерка протяженностью в 78 км с водосборным бассейном в 695 км².

Слева в Ею впадают наиболее крупный приток ее – река Сосыка, имеющая длину 159 км и водосборный бассейн в 2030 км², небольшие речки Терновая, Веселая и другие.

Долина Еи симметрична с пологими берегами без заметно выраженных террас. Ширина долины в верхнем течении составляет 100–150 м, в среднем – до 3–4 км, а в нижнем течении достигает 10–12 км. Ширина русла р. Еи колеблется от 5–30 м в верховьях, до 60–100 м – в среднем течении и от 150 до 200 м – в нижнем. В прудах ширина зеркала достигает порой 300 и более метров при глубине прудов до 205 м. Глубина самой реки от 0,2–0,5 м в верховьях, до 1–1,5 м – в среднем течении. Долина Еи в низовье сильно заболочена, а сама река образует целый ряд маленьких лиманов, заросших тростником, камышом, осокой и другими водолюбами. Берега долины невысокие. Общее падение и уклон Еи невелики, поэтому течение реки медленное. В низовьях река Ея петляет по долине, образует плесы и старицы [4].

Питается река в основном атмосферными осадками в виде дождя и снега и отчасти грунтовыми водами. Водный режим Еи непостоянен. Горизонты воды и расходы ее значительно колеблются по сезонам года. Течение в реке наблюдается весной, пока еще есть запас снеговой воды, и порой летом после дождей. Максимальная скорость течения не превышает 0,6–0,8 м/с, в остальное время течение имеет место обычно лишь непосредственно ниже плотин, притом едва заметное. В засушливое время года река местами пересыхает, разбиваясь на отдельные плесы.

Очень малые уклоны реки в ее устьевой части способствуют нагону в нее солоноватой воды из Ейского лимана на расстояние до 8 км вверх по реке. Это происходит при сильных западных и северо-западных ветрах и вызывает порой подъем воды у станции Старощербиновской почти до 1 м.

Амплитуда колебаний горизонтов воды в реке Ея у станции Кушевской достигает более 4 м, а расходы воды изменяются здесь от 0 до 164 м³/с. Ея немноговодна, ее среднегодовой расход по многолетним данным составляет всего около 2,5 м³/с. За год река выносит в Ейский лиман около 80 млн. м³ воды, 0,07 млн. т твердых наносов и 200 тыс. т растворенных солей.

Зимой, обычно в декабре, Ея замерзает, но продолжительность ледостава значительно колеблется в зависимости от особенностей температурного режима в разные годы. Часто ледохода не наблюдается, и лед тает на месте. В настоящее время река на значительном протяжении имеет вид цепочки прудов, так как Ея и ее притоки перегорожены множеством плотин. Образовавшиеся речные пруды используются населением для обводнения и рыбоводства.

Вода реки Ея имеет высокую минерализацию, то есть содержит большое количество растворенных солей. В период межени концентрация растворенных веществ изменяется примерно от 3000 мг/л до 8000 мг/л, увеличиваясь от истока реки к устью. Максимальная минерализация воды отмечена на левом притоке Ея – реке Сосыке, у станции Ленинградской, где в декабре 1939 г. она составляла 12755 мг/л.

Химический состав воды Ея тоже меняется от истока к устью. В верхнем течении в ее водах преобладают (по весу) ионы: сульфатный, гидрокарбонатный и кальция; в нижнем течении в воде реки больше всего содержится сульфатных ионов, а также ионов натрия и хлора.

Для характеристики химического состава речных вод используют классификацию О.А. Алекина, которая заключается в делении вод по преобладающим ионам (в миллиграмм-эквивалентном выражении) и по соотношению между ними. Согласно этой классификации, воды реки Ея в межень относятся в основном к сульфатно-натриевым второго типа, то есть в них из анионов преобладает сульфатный, из катионов – натриевый, а второй тип воды характеризуется тем, что ионов гидрокарбонатных меньше, чем ионов кальция и магния в сумме.

Воды реки Ея и ее притоков очень жесткие. Технические и питьевые качества их низкие. Высокая минерализация этих вод делает их мало или совсем непригодными для орошения. Кроме того, они обладают сульфатной агрессией для бетона на обычном цементе.

Долина Ея густо заселена. Здесь расположились такие станции как Новопокровская, Калниболотская, Незамаевская, Старощербиновская и другие населенные пункты.

Из основных *природных воздействий*, оказывающих влияние на водоохранные зоны водных объектов, являются *сгонно-нагонные явления* в результате прохождения сильных циклонов, *абразионно-обвальные* и *абразионно-оползневые опасные явления*.

Циклоны – это огромные атмосферные вихри, которые зарождаются вокруг мощных восходящих потоков теплого влажного воздуха, быстро вращаются против часовой стрелки в Северном полушарии и по часовой стрелке – в Южном полушарии. При этом они смещаются с окружающей воздушной массой. По пути атмосферные вихри могут подпитываться, но в конечном итоге теряют энергию и гаснут. Следствием сильных циклонов является сильный ветер, перемещающий большие массы воды на большой площади. Разгоняющаяся масса воды волнами обрушивается на берег. Угрозу для приморских районов,

лежащих на пути движения циклонов, в частности, в Ейском районе, представляют *нагонные наводнения*.

Причина возникновения нагонных наводнений заключается в образовании длинной волны в центре действия циклона при его прохождении над морем. При подходе к побережью в районе шельфовой зоны высота волны резко возрастает. Ее существенному увеличению способствуют сужения в заливах и эстуариях. Особую опасность нагонные наводнения представляют на побережьях с пологими невысокими берегами.

Течения в Азовском море в основном зависят от ветра. Большая изменчивость течений — следствие неустойчивости ветрового режима, мелководности моря и его сравнительно небольшой площади.

Преобладающими ветрами в холодный период года являются северо-восточные и восточные ветры, а в теплый — юго-западные и западные ветры.

В начальный период действия умеренного северо-восточного ветра направление течений совпадает с направлением ветра на всей акватории моря. Если северо-восточный ветер продолжается довольно долго и у косы Арабатская Стрелка отмечается нагон воды, на акватории моря формируются две различные схемы течений. Если над всем морем скорость северо-восточного ветра одинакова или в северной части моря она больше, чем в южной, то в западной части моря наблюдается циркуляция вод против часовой стрелки.

Если скорость северо-восточного ветра в южной части Азовского моря больше, чем в северной, то в северной части моря отмечается циркуляция вод по часовой стрелке. При умеренном юго-западном ветре, дующем с одинаковой скоростью над всем Азовским морем, в Таганрогском заливе наблюдается нагон воды. В северной части моря, в это время, из-за большой разности в уровнях между Таганрогским заливом и западной частью моря происходит ослабление ветрового течения и изменение его направления на противоположное. В центральной части моря отмечается циркуляция вод против часовой стрелки. Если скорость юго-западного ветра в северной части моря больше, чем в южной, то в центральной части моря происходит циркуляция вод по часовой стрелке. При слабых и переменных ветрах циркуляция вод нарушается и течения становятся хаотическими. В Керченском проливе течение обычно направлено из Азовского моря в Черное и реже — наоборот.

Преобладающая скорость течений в Азовском море 0,2–0,4 узлов, максимальная 1–1,5 узлов. В период действия сильных и продолжительных ветров скорость течений достигает 2,5 узлов. В узкостях Керченского пролива при штормовых нагонных ветрах скорость течений увеличивается до 2,8 узлов. Повторяемость течений Азовского моря составляет в среднем 62 %.

Режим волнения Азовского моря обусловлен небольшой площадью моря, малыми глубинами и значительной изрезанностью берегов. В описываемом районе преобладают высоты волн менее 1 м (повторяемость их достигает 75%). Повторяемость высот волн 1–2 м составляет 20–45 %, а высот волн 2–3 м — не более 13%. В центральной, самой глубоководной части моря высоты волн не превышают 3,5 м, и только в очень редких случаях они достигают 4 м. В наиболее штормовые месяцы (декабрь - март) развитие волнения в описываемом районе ограничивается наличием льда.

В Азовском море наблюдаются волны, имеющие длину в основном 15–25 м, и только иногда — 80 м. Период волны обычно менее 5 секунд, крайне редко 7–8 секунд. В описываемом районе отмечаются короткие и очень крутые волны представляющие опасность для малых судов. В течение всего года в Азовском море преобладает волнение от северо-востока и востока, несколько реже - от северо-запада и запада. Ветры от северо-востока, востока и северо-запада обычно бывают здесь самыми сильными, поэтому и волнение от этих направлений самое сильное. Ветровое волнение в Азовском море развивается быстро.

Уже через 4–6 ч после усиления ветра оно достигает наибольшего развития в зависимости от скорости ветра: при скорости ветра 5–10 м/с степень волнения равна II–III баллам, при скорости ветра 10–15 и 15–20 м/с она составляет соответственно III–IV и IV–V баллов, а при скорости ветра 20–25 м/с и более 25 м/с она равна соответственно V и VI баллам.

Барическое поднятие уровня моря достигает 1 м, редко – 2,5 м; длинные волны, обусловленные собственно нагоном, могут достигать 8–12 м, короткие ветровые волны – до 2,5 м. Передняя волна нагона идет стеной высотой в несколько метров, опережая ветер на время до получаса. Максимальный уровень нагона держится 10–20 мин., затем до 10 часов сохраняется более низкий уровень. В устьях рек со слабым уклоном нагонные волны уходят далеко вверх и подпруживают реку в нижнем течении, вызывая подъем воды и затопление.

По материалам ГНЦ ФГУГП «Южморгеология» морские берега Краснодарского края более чем на 75% своей протяженности в той или иной степени подвергаются процессу *абразии* – стачиванию и истиранию пород и минералов под воздействием твердых частиц в составе потока (ветрового или водного). На территории Ейского района степень активности *абразионно-обвальных* и *обвально-оползневых* процессов наиболее высока.

Наивысшая степень активности абразионных процессов выявлена на побережье Азовского моря в границах Таганрогского и Ейского участков.

Для западного побережья Ейского участка наиболее характерными являются абразионно-обвальные берега высотой 25–30 м. Наиболее интенсивные абразионные процессы активно воздействуют на береговой клиф данного участка, сложенный в основном рыхлыми глинами.

В прибрежной зоне Азовского моря происходят *обвально-оползневые* процессы, 227 км побережья подвержены размыву.

Обвалы отличаются от камнепадов не просто большим объемом, но сплоченностью облака обрушивающегося материала, что меняет характер его движения. Скорость движения обвалов на отдельных участках достигает 300 км/ч, длина пути – несколько километров. Особую опасность обвалы представляют для трансмагистралей.

Оползни развиты в восточной части побережья Азовского моря – между Сазальницкой косой и границей с Ростовской областью, а также на северном и южном побережье.

Основу экономики Ейского района составляют промышленность (обрабатывающие производства, производство электроэнергии, газа и воды, строительных материалов, добыча рыбы, производство консервов и пресервов, растительного масла, пива и муки), сельское хозяйство и др.

В соответствии со сложившейся структурой экономики в Ейском районе сформировался комплекс экологических проблем. Наиболее актуальными из них являются следующие:

Сверхинтенсивная абразионная активность. В последнее время наметилась на участке между устьем Миусского лимана и косой Беглицкая. Весьма негативную роль в активизации абразии берегов играет *массовое хищение пляжеобразующего материала*, что влечет за собой активизацию русловых процессов с последующим подмывом водами и разрушением берегов, на которых расположены населенные пункты, а также ценные земли, занятые сельскохозяйственными угодьями.

Деградация и загрязнение почв. Из-за высокой повторяемости сильного ветра (30–45 дней в году) развита *ветровая дефляция* (выдувание, обтачивание и шлифование горных пород минеральными частицами, переносимыми ветром). Площади переувлажненных земель составляют 500–3000 га. Количество использованных *пестицидов* составляет

230,73 т. При этом общая пестицидная нагрузка по действующему веществу составила 0,54 кг/га.

По-прежнему территории многих животноводческих ферм, расположенных в водохранных зонах водных объектов, не имеют защитных устройств, предотвращающих загрязнение водоемов, не обвалованы.

Загрязнение поверхностных вод и подземных вод. Состояние экосистемы Азовского моря оценивается как неблагоприятное. Значительное влияние на состояние морской среды оказывает сброс загрязняющих веществ в составе сточных вод промышленных предприятий, сельского и жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ). Из общей массы биогенных веществ, поступающих в морскую среду, наибольшая доля приходится на муниципальные очистные сооружения и поверхностный сток с сельскохозяйственных площадей водосбора.

По опасности загрязнения подземных вод с учетом больших объемов применения и физико-химических особенностей лидируют нефтепродукты (экологические последствия вскрывшейся в 1991 г. керсиновой залежи).

Загрязнение окружающей среды отходами производства и потребления. Основная масса бытовых и промышленных отходов размещается на несанкционированных свалках. Существующая городская свалка твердых бытовых отходов (ТБО) вблизи пос. Симоновка, не имеет системы сбора фильтрационных стоков, вследствие чего происходит загрязнение почв. Не эксплуатируемая свалка вблизи г. Ейска используется стихийно, поэтому ее негативное влияние на окружающую среду усиливается.

Вследствие широко развитой хозяйственной деятельности наблюдается *снижение рекреационного потенциала курортов района* [5].

В заключение необходимо отметить следующее:

1. Одной из приоритетных задач реализации водохозяйственных мероприятий в Ейском районе, как и в других районах Краснодарского края, является установление водохранных зон водных объектов и в их пределах прибрежных защитных полос, а также ограничения режима хозяйственной деятельности в них.

2. Необходимо уделить внимание осуществлению комплекса агрохимических, гидротехнических мероприятий, недопущению свалок хозяйственно-бытового мусора в водохранных зонах.

3. В условиях высокой антропогенной нагрузки на территории Ейского района на побережье Азовского моря, а также в долинах рек нужен своевременный мониторинг состояния русел, пойм и долин рек, разработка комплексной программы, которая должна включать в себя систематические работы по обустройству водохранных зон, укреплению и плановому ремонту берегозащитных дамб, схемы возможного размещения новых объектов строительства.

Литература:

1. Водный кодекс Российской Федерации: в ред. Федеральных законов от 14.07.2008 г. № 118-ФЗ.

2. «Положение о водохранных зонах водных объектов и их прибрежных защитных полосах». Утверждено постановлением Правительства РФ от 23 ноября 1996 г. № 1404.

3. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» №68-ФЗ от 21.12.1994 г. в редакции №122-ФЗ от 22.08.2004 г.

4. Борисов В.И. Реки Кубани / Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1978. – 78 с.

5. О состоянии природопользования и об охране окружающей среды Краснодарского края в 2011 году // Государственный доклад. Краснодар, 2012. 358 с.

М.В. КУЛИШ,
доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук
(Россия)

Л.Ю. СОПИНА,
студентка 4 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

M.V. KULISH,
Associate Professor of Civil Law and Process
Kuban Social and Economic Institute
Candidate of Legal Sciences
(Russia)

L.Yu. SOPINA,
4 th year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

КОРРУПЦИЯ КАК ПРИЗНАК СИСТЕМНОЙ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

CORRUPTION AS A SIGN OF THE SYSTEMIC PROBLEM OF RUSSIA

Аннотация. В данной статье раскрыто понятие коррупции, а также ее влияние на общество в целом. Предложены механизмы искоренения коррупции.

Ключевые слова: коррупция, государственное регулирование, борьба с коррупцией, государство, законодательное регулирование.

Annotation. This article discloses the concept of corruption, as well as its impact on society as a whole. Mechanisms for eradicating corruption are proposed.

Key words: corrupt, state regulation, combating corruption, state, legislative regulation.

На протяжении всей истории развития российского государства ведется усиленная борьба с коррупцией и ее проявлениями. К сожалению, если обратить внимание на практику, то мы можем понять, что государство как таковое полностью не может искоренить коррупцию, а наоборот само провоцирует на совершение коррупционных преступлений.

Проблема коррупции, на сегодняшний день, является весьма актуальной. И это предсказуемо, все потому, что масштабы этого явления достаточно велики, чтобы, с полной серьезностью отнестись к возникшей проблеме.

В научной литературе мы можем встретить множество понятий «коррупции». Но мы дадим определение ссылаясь на ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года, где под коррупцией понимается: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица».

Анализ понятия позволил нам определить коррупцию как негативное социальное явление, принимающее в современных условиях масштабы, угрожающие национальной безопасности государства, связанное с использованием лицом, занимающим определенное служебное положение в государственных, негосударственных и коммерческих структурах, своих полномочий в корыстных целях, а также противоправное предоставление ему материальных или иных преимуществ (подкупа) физическими и юридическими лицами за такие действия (бездействие), совершаемые в их пользу. При этом необходимо постоянно учитывать антиобщественный характер коррупционной деятельности, так как в подавляющем большинстве случаев коррупция наносит прямой экономический ущерб личности, обществу и государству.

Однако, в своей работе хотелось бы обратить особое внимание, на тот факт, что на всех этапах российской государственности именно коррупция становилась главным и безотказным инструментом криминального захвата государственной собственности. В результате залоговых аукционов, проведенных с грубейшими нарушениями законодательства, многие олигархи приобрели дорогостоящие приватизированные объекты фактически даром и мгновенно превратились в супермиллиардеров.

В настоящее время коррупция, с учетом методов правового регулирования, признана одним из наиболее опасных факторов в общественной жизни. Хотелось бы обратить внимание, на то что коррупция негативно влияет на состояние не только национальной безопасности государства в целом, но и всех ее составных частей. Основная опасность коррупции как антигосударственного и общественно опасного явления, по оценкам исследователей, заключается в ее разрушительном воздействии на основы государственного устройства и конституционные основы правового регулирования жизни общества.

В этой связи, в отдельную группу нормативно-правового регулирования, следует отнести и процессы в правотворческой деятельности, представляющие как особую коррупционную опасность. Учитывая, что правотворческий процесс представляет собой определенную деятельность, основными и обязательными условиями которой должны быть ее эффективность и качество. При этом критерием качества правотворчества является его соответствие тем целям и задачам, которые стоят в процессе формирования российской правовой и социальной государственности.

Обратим внимание на то, что цели и задачи должны быть связаны с разработкой эффективных антикоррупционных механизмов, включающих в себя единые административно-правовые меры, направленные на пресечение и предупреждение коррупции в системе государственной службы, так как коррупция в подавляющем большинстве случаев связана именно с обменом власти, должностных полномочий и служебного положения на собственность и другие выгоды имущественного и неимущественного характера.

Создание эффективных антикоррупционных механизмов основывается на формировании действенной законодательной и организационно-правовой базы. В целях создания системы противодействия коррупции в Российской Федерации разработан и внедрен целый комплекс законодательных мер: принят пакет федеральных законов антикоррупционной направленности, в том числе, закон «О противодействии коррупции», в котором установлены основные принципы противодействия коррупции, правовые и организационные основы предупреждения коррупции и борьбы с ней, минимизации и ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Наряду с нормативно-правовым закреплением механизмов противодействия коррупции в России принят ряд планово-программных документов, регламентирующих порядок деятельности органов государственного управления и иных субъектов хозяйствования по реализации антикоррупционной политики. Основой для этого стал «Национальный

план противодействия коррупции», который закрепил основы государственной антикоррупционной политики, в том числе необходимость принятия закона о противодействии коррупции, и задачи по ее совершенствованию.

На наш взгляд коррупцию победить можно, но победить не абсолютно, но резко сократить ее масштаб и ее вредоносность безусловно можно. Это очень трудная и долгосрочная работа, ей надо серьезно заниматься. К сожалению, пока попытки искоренить коррупцию минимальны, но тем не менее мы знаем, что государство стремится к лучшему.

Итак, современная российская коррупция распространяется по горизонтали и вертикали, стремится к захвату новых сфер влияния, способствует образованию коррупционных сетей или сообществ. Коррупция стремится захватить не только экономику, но и политику. Эффективность рыночной экономики резко снижается, а существующие демократические институты разрушаются. Усугубляется экономическое и политическое неравенство населения, увеличивается бедность, растет социальная напряженность.

Под угрозу ставится целостность страны и сохранение ее конституционного строя. Тем самым коррупция превращается в проблему, угрожающую национальной безопасности страны.

Победить коррупцию можно только с привлечением всех существующих институтов гражданского общества, поскольку именно оно более всего заинтересовано в этом.

Привлекая общественные организации к полноценному сотрудничеству при решении этой масштабной проблемы, государство получает шанс повысить доверие к себе граждан, а значит, шанс на достижение поставленных целей.

На наш взгляд, результаты борьбы с коррупцией неутешительны. К сожалению, мы видим, что коррупция пронизывает все слои жизни общества, появляются новые формы, которые еще не имеют названия и точного описания. Коррупция является не только причиной нищеты, но и препятствием для ее преодоления, то есть причина и следствие переплетаются между собой.

На наш взгляд, для того чтобы уровень коррупции в нашей стране начал хотя бы маленькими шагами снижаться, надо действовать систематически и прогрессивно.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Борков В.Н. Коррупционное преступление как основной элемент системы коррупционных отношений // Современное право. — 2015.
3. Бочарова А. Э. Коррупция в России // Молодой ученый. — 2014.
4. Гаврилов Б.Я. О коррупционности уголовного закона // Российский следователь. — 2012.
5. Кошаева Т.О. Ответственность за взяточничество по уголовному законодательству Российской Федерации // Журнал российского права. — 2013.
6. Садыков А.У. Проблемы правового регулирования ответственности за взяточничество в уголовном законодательстве России // Общество и право. — 2011.
7. Степаненко Р.А. Понятие, признаки и криминалистическая классификация преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве // Российский следователь. — 2015.

А.А. КУМУК,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

Л.Ю. СОПИНА,
студентка юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

A.A. KUMUK,
teacher of the Civil Law and Process Department
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

L.Yu. SOPINA,
student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)

РОЛЬ И КОМПЕТЕНЦИЯ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

ROLE AND COMPETENCE OF CROWNING AND RESPONSIBLE AUTHORITIES IN CONSIDERATION OF FAMILY DISPUTES

Аннотация: В статье рассматриваются полномочия органов опеки и попечительства при разрешении семейных споров, показана необходимость определения данного правового института как комплексного и межотраслевого, что обусловлено социальными, правовыми, правоприменительными факторами.

Ключевые слова: органы опеки и попечительства, споры, Гражданский кодекс, Семейный кодекс, опекун, попечитель, родители

Annotation: The article deals with the powers, participation of the guardianship and trusteeship agencies related to the definition of a legal institution as an integrated and interdisciplinary institution, which is conditioned by social, legal, law enforcement factors.

Keywords: guardianship and guardianship bodies, Family Code, Civil Code, guardian, trustee, parents.

В современной юридической литературе вопросам защиты прав детей, заботе об их воспитании уделяется большое внимание. Это связано с введением в семейный кодекс Российской Федерации специального раздела «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей».

Органы опеки и попечительства являются самыми частыми участниками в судебных заседаниях по гражданским делам, в случае, если в исковом заявлении затрагиваются права ребенка. Однако следует справедливо отметить, что на сегодняшний день привлечение органов опеки и попечительства в семейные споры вызывает множество вопросов в правоохранительной практике. Юристы – практики, анализируя норму Российского права, посвященную данному институту, находят многочисленные несоответствия и противоречия. В качестве основного в теории выступает недостаточно четкое разграничение сферы регулирования между семейным и гражданским правом. В определении предмета спора между учеными выступает тот факт, что семейное право выделяет институт опеки и попе-

чительства в качестве самостоятельной отрасли, а другая норма определяет, что органы опеки и попечительства это комплексный институт, который включает в себя нормы гражданского и семейного законодательства.

Цель института опеки и попечительства заключается в воспитании и предоставлении образования детям, а также защита их законных прав и интересов, которые в совокупности определены в Конвенции ООН о правах ребенка, Всеобщей декларации прав человека, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конституции РФ и т.д.

Таким образом, с помощью института опеки и попечительства государство защищает как личные, так и имущественные права и интересы граждан, которые сами сделать это не могут, а для несовершеннолетних опека (попечительство) - еще и способ их устройства на воспитание в семью.

Гражданский кодекс регулирует общие вопросы института опеки и попечительства, такие как: цели, задачи, сущность, назначение, права и обязанности, доверительное управление имуществом, прекращение опеки и попечительства. Семейный кодекс рассматривает более узкое понимание института опеки и попечительства. Таким образом, целесообразным было бы дополнить данные определения более четким и полным определением правовой сути института опеки и попечительства, что в свою очередь позволит точным образом определять правовую природу опеки и попечительства, признавая его в качестве института гражданского и семейного права, подтверждая тем самым его комплексность [1].

В отношении с участием дееспособных и ограниченно дееспособных граждан опека и попечительство выступают в качестве формы воспитания дееспособности таких лиц, формами устройства таких граждан. Когда институт опеки и попечительства устанавливается над малолетними и несовершеннолетними гражданами в качестве приоритета выступает воспитание ребенка. Так, на данном этапе следует в достаточной мере определять объем полномочий опекунов и попечителей, и как правило, устранять несоответствие в процессе толкования закона относительно института опеки и попечительства, что повлечет за собой более грамотное толкование норм, которые связаны с опекой и попечительством и улучшить практическое применение норм права.

Еще одной проблемой законодательного регулирования института опеки и попечительства является то, что российское право не содержит единого подхода к толкованию и определению объема дееспособности лиц, которые находятся под опекой и попечительством. Примером является норма, которая используется в гражданском законодательстве, которая говорит, что ограниченно дееспособный гражданин имеет право сам совершать юридически значимые действия, что отражено в ст. 30 ГК РФ, при этом в ГПК РФ не уточняется положение об ограниченно дееспособных лицах. Данную проблему можно решить следующим образом: целесообразно было бы дополнить ГПК РФ нормой об ограничении дееспособности лиц, поскольку между объемом полномочий недееспособным и ограниченно дееспособным лицом значительно различается, такое дополнение конкретно определит круг полномочий таких лиц и поможет им в достаточной мере реализовать свои права [2].

Следует отметить, что в недостаточной мере решается вопрос о статусе опекунов и попечителей. Данный статус определен в ст. 35 ГК РФ, однако имеет несколько иное значение в Федеральном законе № 48 от 24.04.2008 (ред. от 29.07.2017) «Об опеке и попечительстве» [3][4].

Попечительство устанавливается над лицом в возрасте от 14-18 лет, а также над гражданами, которые признаются судом ограниченно дееспособным. Попечитель дает согласие на совершение своим подопечных тех сделок, которые ограниченно дееспособное

лицо в силу возрастных ограничений не может решать самостоятельным образом. Попечитель несовершеннолетнего оказывает помощь в содействии в осуществлении ими своих прав и несении обязанностей, также они охраняют своих подопечных от злоупотребления со стороны третьих лиц.

В отличие от попечительства опека устанавливается над детьми в возрасте до 14 лет, а также над гражданами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства. Данное положение закреплено в п. 1 ст. 32 ГК РФ. Сущность опеки состоит в том, что вместо ребенка, не достигшего 14 лет, либо вместо лица, признанного судом недееспособным вследствие психического расстройства, все права и обязанности осуществляет специально назначенное лицо - опекун. Опекуны являются представителями подопечных в силу закона и полностью заменяют подопечных в имущественных отношениях. А также они совершают от имени подопечных и в их интересах все необходимые сделки, и выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия, на основании удостоверения, выданного органом опеки и попечительства, либо решения этого органа о назначении данного лица опекуном.

Общим для обоих институтов является тот факт, что опека и попечительство устанавливаются по отношению к недееспособным или не в достаточной мере дееспособным гражданам, в частности к несовершеннолетним при отсутствии у них родителя, усыновителя, лишении родителей родительских прав, а иных случаях, когда ребенок остается без попечения родителей.

Институт опеки и попечительства обеспечивает защиту прав и интересов подопечных, только в том случае, если дети остались без попечения родителей. Органы опеки и попечительства Российской Федерации обязаны обеспечить поиск и подбор граждан, желающих стать усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями.

Из этого следует, что сущность опеки и попечительства заключается в том, чтобы устроить несовершеннолетнего лицо, его судьбу и судьбу его имущества. При этом институт опеки и попечительства – это способ осуществления социальной заботы, форма устройства лица, которая предполагает индивидуальное оказание помощи, ухода со стороны конкретного физического лица.

Таким образом, резюмируя вышесказанное можно сформировать вывод о том, что, в науке семейного права до сих пор дискуссионным остается вопрос относительно правовой природы института опеки и попечительства, а именно, не определено в законе, какой именно это институт гражданско-правовой, семейно – правовой, либо имеет комплексный характер. Последнее реформирование системы опеки и попечительства, которое повлекло изменение в гражданском и семейном законодательстве, обусловило появление множества новых вопросов и усилило актуальные проблемы.

В заключении хотелось бы отметить, что сегодня в российском законодательстве, вопрос о статусе и полномочиях опекунов и попечителей в различных нормативно-правовых актах решается по-разному, в связи с этим целесообразно было бы привести к единому толкованию норм, что в свою очередь позволит максимально эффективно реализовать все нормы на практике. Институт опеки и попечительства следует рассматривать с разных точек зрения. Так, опека и попечительство – это правовая форма воспитания детей, лишенных родительской опеки, является институтом семейного права, но одновременно является способом охраны имущественных прав определенных категорий лиц. Исходя из этого, институт опеки и попечительства включает в свой состав ряд правовых норм как имущественного, так и неимущественного характера; отношения, которые возникают при установлении и осуществлении опеки и попечительства над несовершеннолетними деть-

ми, являются предметом регулирования разных отраслей права; нормы, которые регулируют отношения – возникают в процессе установления и осуществления опеки и попечительства над несовершеннолетними гражданами, однако не действует автономным образом, а является комплексом взаимодействий правовых элементов[5].

Литература:

1. Семейный кодекс от 29.12.1995 № 223 (ред. от 01.05.2017)–Консультанта +
2. Гражданский кодекс от 26.01.1996 № 14 (ред. от 28.03.2017)– Консультанта +
3. Федеральный закон № 48 от 24.04.2008 «Об опеке и попечительстве» (ред. от 29.07.2017)– Консультанта +
4. Ахмедова З.А. Вопросы совершенствования опеки и попечительства над несовершеннолетними детьми/ З.А. Ахмедова// Юридический вестник –2015–№ 4–с. 114-117
5. Грибков А.М. ФЗ «Об опеке и попечительстве»: основные проблемы и пути развития/ А.М. Грибков// Сборник материалов II Международной научно-практической конференции–2015–с. 108-110
6. Рузакова О.А. Семейное право. (Учебник)/ О.А.Рузакова// М. - 2010, с. 204.

И.А.СУШКОВА,
доцент кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
кандидат юридических наук, доцент
(Россия)

Х.С.НОЗИМОВ
студент юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Таджикистан)

I.A. SUSHKOVA,
Associate Professor of Civil Law and Process
Kuban Social and Economic Institute
candidate of jurisprudence, associate professor
(Russia)

H.S.NOZIMOV
student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Tajikistan)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНФИСКАЦИИ В ЧАСТНОМ И ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

THE LEGAL NATURE OF CONFISCATION IN PRIVATE AND PUBLIC RIGHTS

Аннотация. в статье рассмотрена категория «конфискации» как способ прекращения права собственности, урегулированный гражданским законодательством, и мера, применяемая за совершенное преступление или иное правонарушение; соответственно, уделено особое внимание межотраслевому характеру рассматриваемого явления и его историческая трансформация.

Ключевые слова: конфискация, прекращение права собственности, санкция за правонарушение.

Annotation. the article deals with the category of "confiscation" as a method of termination of property rights, regulated by civil law, and the measure applied for the committed crime or other offense; accordingly, special attention is paid to the intersectoral nature of the phenomenon under consideration and its historical transformation.

Key words: confiscation, termination of property rights, the sanction for the offense.

Согласно п. 1 ст. 243 ГК РФ в случаях, предусмотренных законом, имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация) [1].

Впервые понятие "реквизиция" было легально закреплено в Декрете от 16 апреля 1920 г. "О реквизициях и конфискациях", где под конфискацией понималось безвозмездное принудительное отчуждение государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ (п. 3)[2]. Согласно п.70 ГК РСФСР 1922 г. конфискация имущества у собственников допускалась лишь в виде наказания в случаях и в порядке, которые установлены законом.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. конфискация имущества как мера наказания была

сохранена и согласно ч. 2 ст. 52 УК могла быть назначена за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК [3]. Таких преступлений в УК РФ было 25. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации" конфискация имущества из УК РФ исключена [4].

Всего за год (после отмены конфискации) Россия сползла в коррупционном рейтинге с 90-го на 126-е место и опустилась ниже Мозамбика и Габона [5].

С инициативой о восстановлении конфискации имущества выступали Генеральный прокурор РФ, министр внутренних дел РФ, судьи Конституционного и Верховного Судов РФ [6]. Федеральным законом от 27 июня 2006 г. Уголовный кодекс РФ дополнен гл. 15.1 "Конфискация имущества", внесенной в раздел VI, получивший название "Иные меры уголовно-правового характера". Конфискация имущества снова "возвратилась" в Уголовный кодекс РФ, но уже не в качестве наказания, а в качестве иной меры уголовно-правового характера, и в связи с этим она не входит в систему наказаний, может назначаться не только за тяжкие или особо тяжкие, но и за другие преступления (в том числе небольшой или средней тяжести), перечисленные в п. "а" ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Поскольку конфискация имущества наказанием не является, ее можно назначить без упоминания такой возможности в санкции статьи Особенной части УК РФ.

В настоящее время конфискация имущества предусматривается нормами различных отраслей права: уголовного права, административного, налогового права и др. Наибольшее теоретическое обоснование институт конфискации получил, конечно, в уголовном праве [7].

Несмотря на публично-правовую природу института конфискации, его применение, как уже было сказано, закреплено в гражданском законодательстве (п. 1 ст. 243 ГК РФ), что, на наш взгляд, в первую очередь свидетельствует о взаимопроникновении частного и публичного права. При этом, следует отметить, что конфискация является не гражданско-правовой санкцией или мерой гражданско-правовой ответственности в собственном смысле слова, а особым правовым последствием совершения преступления или правонарушения, ответственность за которое в санкции нормы уголовного или административного права предусматривает в качестве наказания конфискацию.

ГК РФ лишь закрепляет гражданско-правовые последствия конфискации как прекращения права собственности, конкретизируя уже установленную законодателем санкцию. Интересно, что в проекте Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в редакции, принятой в первом чтении Государственной Думой РФ 27 апреля 2012 г., конфискация как санкция сохранила свое место в гл. 19 «Прекращение права собственности» (ст. 269) [8].

На сегодняшний день можно выделить три различных виды конфискации. Первый вид – конфискация как «иная мера» уголовно-правового характера. Такая конфискация не ограничивает права и свободы осужденного, так как конфискуется не имущество осужденного, а только то, что было незаконно приобретено в результате совершения преступления, и доходы от этого незаконно приобретенного имущества.

Второй вид конфискации - конфискация как вид наказания. Данный вид конфискации закреплен в п. "в" ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, где закон разрешает конфисковать не то, что нажито преступным путем, а то, что заработано вполне легально. Такая конфискация не может и не должна быть "иной мерой", поскольку она воспроизводит ранее действовавшие положения конфискации как вида наказания. По мнению Э.В.Мартыненко данный вид

конфискации должен быть признан наказанием и перенесен в соответствующие нормы УК РФ [9].

Третий вид конфискации — это так называемая специальная конфискация, которая предусматривает возможность изъятия орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Эта конфискация тождественна уголовно-процессуальной конфискации вещественных доказательств, закрепленной в ст. 81 УПК РФ.

Независимо от того, где применяется конфискация, она обладает общими признаками:

- 1) конфискация может быть осуществлена только на основании решения суда;
- 2) конфискация всегда является санкцией за правонарушение;
- 3) имущество изымается у собственника только безвозмездно;
- 4) вещи, являющиеся предметом конфискации, поступают в собственность Российской Федерации [10].

Анализ различных нормативных определений этого понятия показывает, что во всех случаях суть конфискации проявляется в изъятии (лишении, отчуждении) и объектом такого изъятия выступает имущество (вещи, предметы). Объем (виды) отбираемого имущества, основания и процедура конфискации, орган или должностное лицо, принимающее решение о ее применении, а также дальнейшая судьба изъятых имущества являются переменными величинами. Отличительным свойством конфискации в различном ее понимании выступает характер отбираемого имущества. При наказании изымается имущество, законно нажитое осужденным и не используемое для совершения преступления. При применении так называемой "новой" конфискации отчуждается имущество, преступно добытое или используемое для нарушения уголовного запрета.

Четвертая часть Гражданского кодекса расширила возможности применения изъятия контрафактной продукции и оборудования и материалов для их производства: возможность применения санкций этого вида распространяется практически на все отношения в сфере интеллектуальной собственности, имеющие своим предметом материальные носители, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации юридического лица, товара, работ или услуг, если эти материальные носители являются контрафактными (см. п. 4 и 5 ст. 1252 ГК РФ). Такими материальными носителями могут быть информационный носитель базы данных, продукт и устройство, в которых использовано изобретение; продукт, в котором использованы изобретение или полезная модель; изделие, в котором использован промышленный образец, и другие материальные объекты [11].

Как правило, имущество, используемое или полученное в результате незаконных сделок, воспроизведения контрафактных экземпляров, изымается на основании норм уголовно-процессуального права. Но в случаях, когда такие последствия не были применены, например, когда нет оснований для возбуждения уголовного дела, применяется юридическая санкция в виде гражданско-правовой конфискации имущества.

В рамках обсуждения Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации неоднократно обращалось внимание на то, что институт конфискации в гражданском праве не вполне уместен, поскольку частное право не обладает в должном объеме инструментарием, необходимым для выполнения указанной функции, поскольку в демократическом правовом государстве наказание может применяться только при доказанности факта содеянного и вины лица, участвовавшего в этом [12]. Указанную точку зрения считаем более чем справедливой.

Подводя же итог сказанному, можно резюмировать, что категория «конфискация» предусмотрена в разных отраслях нашего права. Конфискация находит свое отражение и в нормах материального, и в нормах процессуального права, в нормах гражданского и нормах уголовного законодательства. Конфискация является тем необходимым элементом, который позволяет нам эффективно бороться с правонарушениями, и дальнейшее ее развитие является неотъемлемой частью развития всей юридической науки.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ.
(ред. от 29.12.2017) // СПС Консультант Плюс, 2018.
2. СУ РСФСР. 1920. N 29. Ст. 143.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.12.2007, недействующая) // СПС Консультант Плюс, 2018.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 N 162-ФЗ (ред. от 05.01.2006, недействующая) // СПС Консультант Плюс, 2018.
5. Цит. по Каплунов В.Н., Широков В.А. «Новая» конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российский следователь, 2008, № 6.
6. Рагулин А. Проблемы применения конфискации имущества в уголовном праве // Уголовное право. 2007. № 1. С. 50.
7. Каплунов В.Н., Широков В.А. "Новая" конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера и новые проблемы // Российский следователь. 2008. № 6; Зацепин М.Н. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Адвокат. 2012. № 5.
8. О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Проект Федерального закона N 47538-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // СПС Консультант Плюс, 2018.
9. Мартыненко Э.В. Достоинства и недостатки конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Российский следователь. 2009. N 16. С. 13 - 14.
10. Корнилова Н.В. Об отдельных способах принудительного прекращения права собственности // Российский следователь. 2016. N 13. С. 39 - 43.
11. Яковлев В.Ф., Маковский А.Л. О четвертой части Гражданского кодекса России // Журнал российского права. 2007. № 2.
12. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации / Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации. М., 2009.

Л.А. ТАРАКАНОВА,
*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Н. М. ГУСЕЙНОВА,
*студентка 4 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

L.A. TATARAKOVA,
*Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

N.M. HUSEYNOVA,
*4 th year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

ПРОБЛЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО И ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

PROBLEMS OF MANDATORY AND VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE IN RUSSIA

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные аспекты обязательного медицинского страхования и добровольного медицинского страхования, выделяются наиболее существенные недостатки медицинского страхования и различные комплексные пути их устранения.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование, медицинские услуги, страховые взносы.

Annotation. This article discusses the main aspects of compulsory medical insurance and voluntary medical insurance, the most significant drawbacks of voluntary health insurance and a variety of holistic ways of addressing them.

Key words: compulsory medical insurance, voluntary medical insurance, medical services, insurance premiums.

Обращаясь в медицинское учреждение, любой пациент хочет получить квалифицированную и грамотную помощь от врачей. Не всегда такой помощью можно воспользоваться бесплатно, и специалисты больницы могут предложить оплатить услуги с помощью полиса ДМС. К сожалению, многие граждане не знают о существовании такого вида полиса, имея на руках стандартный документ ОМС. Возникает резонный вопрос, касающийся отличий и преимуществ этих двух видов полисов.

Медицинское страхование рассматривается как вариант социальной защиты населения, направленный на охрану и защиту его здоровья, путем получения квалифицированной медицинской помощи. Врачебная помощь бывает двух видов: платная и бесплатная. В первом случае потребуется наличие полиса ДМС, а во втором ОМС. Выбор и получение определенного вида полиса зависит от многих факторов. Полис ОМС выдается всем гражданам, имеющим регистрацию на территории страны. Полис включает в себя обширный перечень бесплатных услуг, финансирование которых ведется из специально созданного

фонда ОМС. Получить полис можно либо по месту работы, либо в специальном страховом учреждении. Наличие такого полиса является обязательным для всех граждан, независимо от их социального статуса и положения. Полис ДМС наоборот является платным и добровольным. В России существует огромное количество страховых компаний, предлагающих услуги по оформлению полисов ДМС. Как правило, страховщики работают с крупными предприятиями, предлагая застраховать их сотрудников. Полная стоимость полиса оплачивается работодателем. При этом любое физическое лицо, может получить полис самостоятельно. Перечень услуг, которые могут оплачиваться полисом, строго индивидуален и зависит от выбранной страховой компании. Несмотря на то, что полис ОМС и ДМС существует долгое время, немногие понимают их разницу и преимущества каждого из них.

Преимущества полиса ДМС: современное оказание помощи, без долгого ожидания в очередях, предоставляются льготы при налогообложении, если договор страхования по полису ДМС заключается работодателем от имени своих сотрудников, высокое качество услуг, не все услуги, предоставляемые в частных клиниках можно получить при обращении в государственные поликлиники.

Плюсы ОМС: получение медицинской помощи в любом регионе страны, приобрести полис может любой гражданин, независимо от социального статуса и наличия постоянного места работы, не требуется производить отчисления в пользу страховой организации, контроль над качеством оказываемых услуг ведется со стороны государства.

Недостатки полиса ДМС: обязанность производить ежегодные отчисления в пользу страховщика, ограниченный набор медицинских услуг, при их расширении будет повышаться стоимость полиса, полис прикрепляется к конкретным медицинским учреждениям, а значит, воспользоваться им свободно в любой больнице или клинике невозможно, имеется вероятность потери денежных средств, если застрахованное лицо ни разу за время действия полиса не воспользовалось его помощью, при возникновении страхового случая можно рассчитывать на медицинскую помощь только в той части денежных средств, на которое лицо оформило полис.

В качестве недостатков полиса ОМС можно указать качество оказываемых услуг, так как не все больницы государственного типа оснащены необходимым оборудованием для лечения и обследования больных.

Практика в России показывает, что граждане не очень довольны качеством оказания услуг по полису ОМС, но и полисы ДМС не пользуются популярностью в нашей стране. Но что знает рядовой гражданин о полисе ОМС, о страховой компании его выдавшей, о своих правах и об обязанностях страховой компании? Я думаю ответы на эти вопросы помогли бы улучшить качество оказания медицинских услуг.

У населения преимущества страховой медицины не находят понимания в силу их неочевидности. Главные из этих преимуществ могут быть поняты лишь на макроэкономическом уровне. Во-первых, это создание собственной, независимой от бюджета финансовой базы здравоохранения. Во-вторых, изменение направленности движения финансовых потоков в сторону потребителей, чтобы деньги шли в медицину вслед за пациентом. В принципе это должно способствовать повышению качества медицинских услуг и созданию в этой сфере ситуации, отдаленно напоминающей конкуренцию. Практика введения родовых сертификатов показала, что фактор заинтересованности медицинского учреждения в клиентах может работать достаточно эффективно. Третье преимущество состоит в возможности эффективного контроля качества медицинского обслуживания со стороны страховой организации. Но это возможно, если страховщик стоит на стороне застрахованного, не ограничиваясь интересами экономии затрат.

Серьезной проблемой ОМС является хроническое недофинансирование, связанное с платежами органов исполнительной власти за неработающее население. Эти платежи должны базироваться на стоимости территориальных программ ОМС. Чем больше средств на ОМС платят работодатели за работающих лиц, тем меньше взносы местных органов за неработающее население. Таким образом, страховую медицину искусственно держат на голодном пайке, существенно сокращая возможности улучшения качества медицинского обслуживания.

В сложившейся экономической ситуации сохранение государственных обязательств по предоставлению бесплатной медицинской помощи на универсальной основе практически нереально. При самых благоприятных условиях (Выполнение обязательств государственного бюджета по взносам на ОМС, привлечение дополнительных источников финансирования) финансовых ресурсов для обеспечения бесплатности всех видов медицинской помощи будет недостаточно. При этом важно учитывать, что чрезмерные обязательства государства ведут к деформации экономических отношений в отрасли, поскольку в условиях несбалансированности программ ОМС ограничиваются возможности полноценных договорных отношений между финансирующей стороной и ЛПУ, а значит, и повышения эффективности и качества оказания медицинской помощи. Тем самым нарушается важнейшее условие осуществления реформы здравоохранения - предсказуемость поступлений финансовых ресурсов.

Не менее очевиден и отрицательный социальный и политический эффект чрезмерной декларативности государственных обязательств: бесплатность медицинской помощи становится все более иллюзорной, растет недовольство населения состоянием служб здравоохранения. Объявив медицинскую помощь полностью бесплатной, государство все более утрачивает возможности предоставить такую помощь, тем, кто в ней более всего нуждается. Одновременно активизируется теневой рынок медицинских услуг с далеко идущими социальными и экономическими последствиями. С одной стороны, медики сильнее реагируют на стимулы, возникающие в сфере теневой экономики, чем на попытки страховщиков построить разумную систему оплаты по результатам труда в общественном секторе здравоохранения. С другой - пациенты иногда вынуждены платить из собственного кармана суммы, не соответствующие реальному вкладу медиков.

Чтобы избежать чрезмерной декларативности обязательств по базовой программе ОМС, она должна рассчитываться как минимальный социальный стандарт в виде минимального норматива финансирования на одного жителя. Этот норматив должен быть ориентиром для расчета территориальной программы ОМС на уровне субъекта федерации. Иначе говоря, каждая территория должна иметь свою базовую программу в размере минимальных государственных обязательств. После оценки своих возможностей субъект федерации принимает дополнительные обязательства, которые финансируются в территориальной программе ОМС.

В отличие от обязательного, добровольное медицинское страхование основано на принципе свободы договора, означающего добровольное принятие решения страхователем о заключении договора, отсутствие законодательно закреплённого размера страховых взносов и т.п. В ряде случаев страховые полисы добровольного медицинского страхования продаются гражданам в медицинских учреждениях в день обращения граждан за медицинской помощью, однако это не изменяет его добровольного характера.

Особенностью такого договора, является обязанность медицинского учреждения предоставлять застрахованному контингенту качественную медицинскую помощь в объеме, определяемом программой добровольного медицинского страхования, а страховой медицинской организации – оплачивать стоимость оказанной медицинской помощи.

Добровольное медицинское страхование может быть коллективным и индивидуальным. Следует отметить, что на российском страховом рынке доминирует практика заключения коллективных договоров. Это вызвано, прежде всего, такими факторами, как низкая платежеспособность потенциальных индивидуальных страхователей, невысокая страховая культура потенциального индивидуального потребителя. При заключении коллективных договоров медицинского страхования индивидуальные полисы обычно выдаются каждому застрахованному лицу, однако это не значит, что с ними заключают отдельные договоры страхования. Такие полисы следует рассматривать как документы, удостоверяющие право пользования соответствующим медицинским учреждением. И как следствие само название добровольного медицинского страхования ставится под вопрос.

Здоровье населения - важнейший элемент социального, культурного и экономического развития страны. В связи с этим обеспечение населения гарантированным объемом бесплатной медицинской помощи, финансируемой из бюджетов всех уровней и средств ОМС, является важнейшей государственной задачей. Так же надо учитывать, что социальная удовлетворенность застрахованного пациента (потребителя медицинской услуги) тесно связана с качеством оказанной медицинской помощи. Но одновременно с получением лечебно-диагностических процедур, непосредственно относящихся к объёму оказанной медицинской помощи, пациент получает и немедицинские услуги по обеспечению социального и психологического благополучия. Сюда относятся: уровень комфорта в учреждении, санитарно-гигиенические условия, распорядок дня, не относящийся к лечению, взаимоотношения между персоналом и пациентами, не связанные с выполнением лечебных и диагностических назначений, возможности досуга, условия для встречи с родственниками, средства связи с внешним миром и т.д. Поэтому в понятие "качество медицинской помощи" входит и понятие "субъективное качество", позволяющее выделить субъективную составляющую качества, тесно связанную с личностью медицинского работника и уровнем социальной защиты граждан (уровень сервиса + качество медперсонала). При выполнении диагностических и лечебно-профилактических мероприятий можно учесть и наиболее полно реализовать все составляющие понятия "субъективное качество" медицинской помощи, если на это будут предусмотрены соответствующие материальные ресурсы и финансовое обеспечение.

Литература:

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 2 (ГК РФ ч.2)
3. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция)
4. Федеральный закон "Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации" от 29.11.2010 N 326-ФЗ.
5. Федеральный Закон От 05.12.2017 N 368-ФЗ "О Бюджете Федерального Фонда Обязательного Медицинского Страхования На 2018 Год И На Плановый Период 2019 И 2020 Годов" (Принят Гд Фс РФ 24.11.2017).
6. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 01.05.2017) "О защите прав потребителей"
7. Косаренко Н. Н. Страхование право. М., 2016. 264с.
8. Страхование: Учебник / Под ред. проф. И.П. Хоминич. - М.: ИНФРА-М, 2015.
9. Страхование право России. -Москва: Наука, 2016. 352с.

Л.А. ТАРАКАНОВА,
старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

В.О. ПРОВАДА,
студентка 4 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)

L.A. TARAKANOVA,
Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process
ANOO VO «Kuban Social and Economic Institute»
(Russia)

V.O. PRAVADA,
4 th year student of the Faculty of Law
ANOO VO «Kuban Social and Economic Institute»
(Russia)

ДОГОВОР ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

CONTRACT OF PROPERTY INSURANCE AND PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION

Аннотация. Рассмотрены правовые основы заключения договора имущественного страхования. Кто может заключать договор, при каких условиях и какие могут возникнуть проблемы при наступлении страхового случая.

Ключевые слова: имущественное страхование, страховщик, страхователь, страховая сумма, выгодоприобретатель, застрахованное лицо.

Annotation. Legal bases of conclusion of the contract of property insurance are considered. Who can conclude a contract, under what conditions and what problems may arise in the event of an insured event.

Key words: property insurance, the insurer, the insured, the sum insured, the beneficiary, the insured person.

Основой имущественного страхования являются имущественные интересы, которые могут быть застрахованы по договору имущественного страхования.

В ГК РФ имеется определение договора имущественного страхования, которое говорит о том, что одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) .

Предметом договора имущественного страхования является денежное обязательство, так как при наступлении определенного события, страховщик обязан выплатить определенную сумму денег.

Существенным условием при заключении договора имущественного страхования

является интерес в сохранение застрахованного имущества у страхователя или выгодоприобретателя. Если такой интерес отсутствует, то договор считается недействительным.

Имущественное страхование по ГК РФ делится на три подотрасли (имущественные интересы):

- риск утраты (гибели), недостачи или повреждения определенного имущества;
- риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, а в случаях, предусмотренных законом, также ответственности по договорам - риск гражданской ответственности;
- риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов - предпринимательский риск.

Объектами имущественного страхования могут быть здания, хозяйственные постройки, сооружения, предметы интерьера, мебель и т.д.

Субъектами в таком договоре являются страховщик, страхователь, выгодоприобретатель и застрахованное лицо.

Страховщиком может быть исключительно страховая организация - юридическое лицо, имеющее разрешение (лицензию) на осуществление страхования соответствующего вида

Субъект, в чью пользу заключается договор имущественного страхования, должен иметь определенные права или обязанности в отношении застрахованного имущества. Таким лицом может быть не только собственник страхуемого имущества, но и его наниматель, залогодержатель или страховщик, заключающий договор перестрахования и т.д. Другими словами, имущество может быть застраховано по договору в пользу физического или юридического лица (страхователя, выгодоприобретателя), имеющего основанный на законе, а также другом правовом акте или договоре интерес в сохранении этого имущества.

Договор может заключаться в пользу третьего лица (выгодоприобретателя) без конкретного указания его имени или наименования. В таком случае страхователь должен получить от страховщика страховой полис на предъявителя. При наступлении страхового случая, страхователь или выгодоприобретатель обязан представлять этот полис страховщику. В свою очередь страховщик, к которому обратился не названный в договоре выгодоприобретатель, имеет право требовать от него соответствующих доказательств того, что предъявитель данного страхового полиса обладает правами на застрахованное имущество. Это и будет служить подтверждением, что у выгодоприобретателя по данному договору имеется страховой интерес.

Необходимо иметь в виду, что правило, запрещающее замену выгодоприобретателя после того, как он выполнил какие-либо обязанности по договору, в данном случае не применяется, так как страховщик или другой держатель страхового полиса на предъявителя передает его выгодоприобретателю на добровольной основе. Поэтому выгодоприобретатель, получивший таким образом указанный страховой полис, имеет право при наступлении страхового случая требовать от страховщика страхового возмещения.

Если предпринимателю довольно часто приходится страховать различные партии однородного имущества на сходных условиях, то по соглашению со страховщиком он может заключить договор имущественного страхования, который называется генеральным полисом. Данный договор значительно упрощает взаимоотношения сторон, а также обеспечивает непрерывность страхового покрытия.

Важно заметить, что такой способ страхования не является обязательным, договор заключается только при обоюдном согласии сторон. Если у застрахованного имущества меняется владелец, то своевременно нужно оповестить об этом страховщика.

Страховая сумма определяется соглашением между страхователем и страховщиком. И она не должна превышать его страховую стоимость, если договором не предусмотрено иное, если страховая стоимость будет превышать страховую сумму, указанную в договоре, договор будет считаться не действительным в той части страховой суммы, которая превышает действительную стоимость.

Определения размера страхового возмещения, является одной из проблем страховой практики. Сущность данной проблемы в ее многогранности. Суды взыскивают страховую сумму со страховщика при гибели или утрате имущества. Остается вопрос о том, что делать страховщику в том случае, когда при рассмотрении о выплате страхового возмещения им было установлено, что страховая стоимость застрахованного имущества в действительности ниже установленной по договору страховой суммы.

Примером такого правового случая может послужить Решение Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода от 28.02.2007г., в соответствии с которым транспортное средство, которое принадлежало на праве собственности Т., было застраховано по договору добровольного комплексного страхования автотранспортного средства, в том числе от утраты застрахованного транспортного средства в результате угона. Т.к. страховая сумма является существенным условием договора, следовательно, страховая сумма по рассматриваемому договору страхования определена страховщиком и страхователем в размере 750 тысяч рублей, это подтверждается записью в страховом полисе.

В связи с тем что застрахованный автомобиль был угнан, Т., являясь как страхователем, так и выгодоприобретателем по договору, обратился с заявлением о наступлении страхового случая и выплате страхового возмещения. В соответствии с условиями договора страховое возмещение при данном страховом случае предусматривается в размере страховой суммы. Однако, в результате рассмотрения данного заявления, страховщик выплатил выгодоприобретателю страховое возмещение в размере 573 116 рублей 74 копейки, обосновав снижение размера страхового возмещения тем, что таковой является страховая стоимость застрахованного транспортного средства, что в соответствии с ч.1 ст. 951 ГК РФ влечет ничтожность договора страхования в той части суммы, которая превышает страховую стоимость, и соответственно не подлежит страховому возмещению. В подтверждение превышения страховой суммы над страховой стоимостью страховщик представил заключение независимого оценщика об определении рыночной стоимости застрахованного транспортного средства, но проведенного после наступления страхового случая. Выгодоприобретатель с такими действиями страховщика не согласился и обратился с иском в суд о взыскании недоплаченной суммы страхового возмещения. При рассмотрении данного гражданского дела суд установил, что действительно в соответствии с заключением независимой экспертизы об оценке стоимости транспортного средства страховая сумма превышает страховую стоимость застрахованного имущества, и данный факт не оспаривался истцом, однако заявленные исковые требования удовлетворил в полном объеме. Правовым обоснованием такого решения суда явилась норма, закрепленная в ч.1 ст. 948 ГК РФ, в соответствии с которой страховая стоимость может быть впоследствии оспорена только в том случае, если страховщик не воспользовался своим правом на оценку страхового риска и был умышленно введен в заблуждение относительно этой стоимости страхователем. Таким образом, исходя из данной нормы, а также в соответствии с ч.1 ст. 56 ГПК, обязанность доказывания умысла страхователя (выгодоприобретателя) в завышенном определении страховой стоимости полностью возлагается на страховщика, который на практике не

имеет средств для надлежащего доказывания умысла страхователя. По моему мнению, законодательство нуждается в доработке, чтобы устранить проблемы такого вида.

Существенным условием в договоре имущественного страхования является согласование страховой стоимости, поэтому считать выполненным такое условие договора только в том случае, когда имеется заключение независимого оценщика, составленного на основании акта осмотра, проведенного в присутствии выгодоприобретателя и представителя страховщика.

Другая проблема, которая часто встречается, это определения размера страхового возмещения, несоответствие характера и размера вреда, причиненного в результате страхового случая, характеру и размеру вреда, подлежащего страховому возмещению. В сложившейся судебной практике в настоящее время прослеживается непонимание судами общей юрисдикции, а также арбитражными судами понятийного аппарата страхования. В частности, неоднократно в решениях судов происходит подмена понятия «страховое возмещение» понятием «страховая сумма», что существенно ущемляет права страховщиков и увеличивает их убытки. Такая проблема часто возникает, при наступлении страхового случая по договору транспортного страхования.

В условия договора ОСАГО, предусматривается исчерпывающий перечень расходов потерпевшего, возмещение которых возлагается на страховщика по договору. При этом в указанных же пунктах Правил закреплено, что при определении размера восстановительных расходов учитывается износ частей, узлов, агрегатов и деталей, используемых при восстановительных работах. Но на практике, суды, определяя убытки потерпевшего в виде утраты товарной стоимости и части ущерба без учета износа в качестве реального ущерба, причиненного действиями лица, чья ответственность застрахована, включает их в сумму страхового возмещения. Однако, данное толкование по сути отождествляет страховщика с причинителем вреда, что представляется недопустимым, и не учитывает то обстоятельство, что обязанность страховщика возникает из договора и на условиях договора, а не из причинения вреда.

С тех пор как механизм защиты от неблагоприятных случайных явлений посредством страхования был осознан в качестве наиболее оптимального, интерес к нему неизменно высок.

Суть главного принципа имущественного страхования - возмещение ущерба - состоит в том, что после его наступления страхователь должен быть поставлен в то же финансовое положение, в котором он был непосредственно перед ущербом. Ущерб возмещается в фактически доказанных размерах и в пределах страховой суммы. В целях компенсации убытков, вызвавших уничтожение (повреждение) имущества проводится страхование имущества. Для создания эффективной системы имущественного страхования необходимо совершенствовать нормативную базу страховой деятельности, проводить активную структурную политику на рынке страховых услуг, совершенствовать взаимоотношения российского и международного страховых рынков.

Литература:

1. Анциферов В.А. О моменте заключения договора имущественного страхования // Современное право. - М.: Новый Индекс, 2010, № 12. - С. 56-59
2. Дедиков С. Основные проблемы правового регулирования договора страхования // Хозяйство и право. - М., 2010, № 10. - С. 69-87
3. Белова Т.Н. Договор имущественного страхования // Актуальные проблемы права: Сборник научных трудов. - М.: МГИУ, 2009, Вып. 9. - С. 175-184
4. Гришаев С.П. Страхование // СПС КонсультантПлюс. 2008.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации — Москва: Проспект, 2017.-704с.

Л.А. ТАРАКАНОВА,
*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

Д. ЦИШКОВСКИЙ,
*студент 2 курса юридического факультета
АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»
(Россия)*

L.A. TARAKANOVA,
*Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

D. TSISHKOVSKY,
*2nd year student of the Faculty of Law
Kuban Social and Economic Institute
(Russia)*

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРЕЗУМПЦИЯ И БРЕМЯ ДОКАЗЫВАНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

PROOF AND PROMISING PROBLEM IN THE CIVIL PROCESS

Аннотация. В данной статье будут рассмотрены вопросы доказательственной презумпции и бремени доказывания в гражданском процессе. Прежде всего, сама проблема распределения бремени доказывания в гражданском процессе имеет большое значение для всего гражданского процессуального права, а также для гражданского права. В судебном доказывании важно, между кем и каким образом распределяется бремя доказывания.

Ключевые слова: гражданское право, доказательная презумпция, бремя доказывания, гражданский процесс, судопроизводство.

Annotation. This article will consider the issues of evidentiary presumption and the burden of proof in the civil process. First of all, the very problem of distributing the burden of proof in the civil process is of great importance for all civil procedural law, as well as for civil law. In judicial proof it is important, between whom and how the burden of proof is distributed.

Keywords: civil law, evidentiary presumption, burden of proof, civil process, legal proceedings.

В первую очередь, хотелось бы отметить то, что задачи гражданского судопроизводства и задачи каждого участника процесса не будут решены, если к тому не будут приняты соответствующие меры. Вопросы о том, кто и в какой мере должен принять меры по установлению обстоятельств дела, в какой степени в доказывании участвует суд, являются базовыми как в теории доказывания, так и в правоприменительной практике.

Важно, что принимать участие в деятельности по доказыванию тех или иных обстоятельств, имеющих значение для разрешения гражданского дела, могут все лица, которые принимают участие в судебном заседании. Право участия в этой деятельности является их правом.

При этом доказывание каждого конкретного факта и обстоятельства становится обязанностью определенных участников гражданского процесса. В этой связи следует заметить, что для процессуальной деятельности имеет значение, кто должен принимать активное участие в доказывании того или иного факта. [3]

В условиях состязательного гражданского процесса всегда должна быть обеспечена возможность возложить обязанность доказывания на кого-либо из субъектов процесса, а также и последствия отказа от доказывания.

Далее хотелось бы определиться с основной терминологией.

Бремя доказывания - при производстве по уголовным или гражданским делам - правило распределения между участниками процесса обязанности обосновывать наличие тех или иных обстоятельств, существенных для разрешения дела.

В гражданском процессе, бремя доказывания – это обязанность сторон доказать обстоятельства, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений (например, обязанность истца доказать исковые требования).

В каждом конкретном деле объем подлежащих доказыванию фактов определяется нормами, регулирующими то или иное правоотношение. В исках, связанных с различными видами договоров, обязанность доказать нарушение обязательства возлагается на кредитора, а факты, подтверждающие исполнение обязанностей, – на должника. В уголовном процессе обязанность доказать вину подсудимого лежит целиком на стороне обвинения. Более того, уголовно-процессуальное право специально оговаривает, что бремя доказывания не может перекладываться на обвиняемого (подсудимого).

Доказательственная презумпция — это утверждение о вероятном или конвенционально -достоверном существовании факта, связанного причинно – следственной либо тетической связью с другим достоверно установленным фактом [2].

В гражданском праве существует несколько презумпций. Рассмотрим их более подробно.

Согласно ч. 2 ст. 1064 ГК лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине (так называемая презумпция вины причинителя вреда).

Применительно к обязанности доказывания это означает, что истец в исковом заявлении ссылается на вину ответчика, но не обязан ее доказывать. Вина ответчика презюмируется. Ответчик (причинитель вреда) сам доказывает отсутствие вины. Правовая презумпция установлена в случае возмещения вреда, причиненного деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. В семейном праве действует презумпция происхождения ребенка от родителей, состоящих в браке (ч. 2 ст. 48 СК).

Наличие в праве правовых презумпций оказывает влияние на обязанность доказывания, освобождая одну из сторон от доказывания обстоятельств, на которые она ссылалась. Все презумпции в российском праве могут быть опровергнуты.

Чаще всего суду при рассмотрении гражданских дел приходится реализовывать следующие виды презумпции:

- презумпция вины должника. По действующему праву привлечь к ответственности гражданина или организацию можно лишь при условии их вины. При неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательства должник предполагается виновным и ему предоставляется возможность опровергать предполагаемую вину (ст. 401 ГК);

- презумпция добропорядочности гражданина. Каждый человек предполагается добропорядочным до тех пор, пока в установленном порядке не будут убедительно доказаны факты, отрицательно его характеризующие (ст. 152 ГК). В силу данной презумпции обязанность доказывания правильности и достоверности информации,

затрагивающей честь и достоинство гражданина, возлагается на ответчиков, лиц, распространивших данную информацию. Истец может опровергать порочащие его сведения;

- презумпция собственности (ст. 209 ГК). Лицо, владеющее и пользующееся какой-либо вещью, предполагается ее собственником, пока не будет доказано обратное, т.е. пока не будет опровергнуто в установленном порядке данное предположение;

- презумпция смерти долго отсутствующего гражданина. Если человек в месте своего постоянного пребывания отсутствует свыше определенного законом срока и нет сведений о нем, то суд на основании данной презумпции и по правилам особого производства признает лицо умершим (ст. 45 ГК);

- презумпция отцовства. Муж матери ребенка, родившегося от родителей, состоящих в зарегистрированном браке, предполагается отцом этого младенца (ст. 48 СК). Мужчина вправе оспаривать отцовство в судебном порядке. [4]

Известны и другие доказательственные презумпции. Следует еще раз подчеркнуть, что все без исключения доказательственные презумпции опровержимы, но сам факт их использования в судебном познании делает выводы суда об обстоятельствах дела не истинными, а вероятными, предположительными.

Общее правило о распределении обязанностей доказывания установлено в ч. 1 ст. 56 ГПК РФ: каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений. Из этого правила следует, во-первых, что обязанность доказывания возлагается на стороны, и, во-вторых, что каждая сторона обязана доказывать те факты, которые она привела, чтобы обосновать ими свои требования или возражения.

Истец, предъявляя иск, указывает факты, обосновывающие его исковые требования (основание иска). Он обязан доказать эти факты. Ответчик может вести себя в процессе по-разному. Если он признает иск, то доказывать, конечно, ничего не должен, так же как и в тех случаях, когда ограничивается простым отрицанием, то есть ни на какие факты сам не ссылается. Если же он заявляет возражения против иска, то есть приводит доводы, опирающиеся на определенные факты, то обязан их доказать. Если истец, в свою очередь, выдвигает возражения против доводов ответчика, он должен доказать факты, обосновывающие эти возражения, и т. д.

Следует учитывать, что суд узнает о существовании доказательств по делу в основном от сторон. Бездейтельность стороны в процессе доказывания может привести к тому, что нужные доказательства не будут обнаружены и факты, в установлении которых она заинтересована, не будут доказаны.

Правила о распределении обязанностей доказывания регулируют процессуальный вопрос: кто должен представлять доказательства в подтверждение того или иного факта. Одновременно это имеет и материально-правовое значение – дело по существу, то есть материально-правовой вопрос, разрешается не в пользу той стороны, на которой лежала обязанность доказать факт, оставшийся недоказанным [1].

Таким образом, институт доказывания и нормы о распределении бремени доказывания должны стимулировать лиц, участвующих в деле, к активному участию в доказывании.

Не смотря на то, что институт распределения бремени доказывания имеет крайне важное значение, в этой сфере имеются определенные проблемы. Это обусловлено, в частности, тем, что на протяжении длительного советского периода принципы гражданского процесса были иными. Лишь с изменением законодательной базы и

развитием состязательности процесса проблематика распределения бремени доказывания приобрела важное значение.

Проблемы, касающиеся вопросов распределения бремени доказывания, носят как научно-теоретический, так и законодательный и правоприменительный характер. Многие из них не решены до настоящего времени и потому требуют дальнейших исследований.

Итак, проблема определения понятия и классификации презумпций, используемых в правоприменительной деятельности, на сегодняшний день является, с одной стороны, еще недостаточно хорошо разработанной, а с другой стороны, практически важной и актуальной. Правоприменители-практики, к сожалению, не всегда правильно формулируют и используют обоснованные фактические презумпции, не всегда правильно применяют юридические презумпции.

Наука должна разработать вопрос о презумпциях настолько подробно и глубоко, чтобы дать практике своеобразный "свод правил", регулирующих применение и использование презумпций, и тем самым попытаться обеспечить единообразный подход правоприменителей в этом вопросе.

Литература:

1.Бондаренко, Н.Л. Гражданское право. Особенная часть / Н. Л. Бондаренко.: Тетралит, 2015. – 159 с.

2.Вербицкая, И.К. Гражданское право (общая часть): учебно-методические рекомендации / И. К. Вербицкая.:БИП – Институт правоведения, 2014. –103 с.

3.Зенин, И. А. Гражданское и торговое право зарубежных стран: учебник / И. А. Зенин. – Москва: Юрайт, 2015. – 282 с.

4.Иванова, Е. В. Гражданское право. Общая часть: учебник / Е. В. Иванова. – Москва: Юрайт, 2015. – 278 с.

Н.Ю. ШЕНДРИК,
*старший преподаватель кафедры государственно-правовых
и общетеоретических дисциплин
Кубанского института социэкономки и права
(филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
(Россия)*
N.Yu. SHENDRIK,
*Senior Lecturer of the Department of State-Legal and General Theoretical Disciplines
Kuban Institute of Socio-Economics and Law
(branch) OUP VO «Academy of Labor and Social Relations»
(Russia)*

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ МАТЕРИНСКОГО КАПИТАЛА, КАК ВИДА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

PECULIARITIES OF REGULATING MATERNITY CAPITAL AS A KIND OF SOCIAL SECURITY

Аннотация: в статье поднимается проблема регулирования материнского капитала, как вида социального обеспечения. Поднимаются проблемы использования материнского капитала. Дополнительная мера государственной поддержки семей, имеющих детей — материнский (семейный) капитал, введенный с 1 января 2007 года, стимулирует повышения рождаемости в стране, в связи с чем возникают различные вопросы использования материнского капитала и контроля целевого использования данного вида социального обеспечения.

Ключевые слова: семья, государственная поддержка, материнский (семейный) капитал, социальные инновации, инвестиции в семью.

Annotation: the article raises the problem of regulating maternal capital as a form of social security. The problems of using maternity capital are raised. The additional measure of state support for families with children — maternal (family) capital introduced since January 1, 2007, stimulates the increase in the birth rate in the country, which raises various questions about the use of maternity capital and control of the targeted use of this type of social security.

Keywords: family, state support, maternal (family) capital, social innovations, investments in the family.

Вопросы низкой рождаемости и отсутствия материальной поддержки семей с детьми давно стали рассматриваться как основные причины кризисной демографической ситуации в стране. Многие молодые семьи не могут решиться на рождение детей не только вследствие серьезности данного шага, но и отсутствия возможностей их обеспечить, дать им достойное образование, жилье, а если в семье есть ребенок, требующий дополнительного медицинского лечения и наблюдения. Логично предположить, что в таких условиях расходы семьи вырастают в геометрической прогрессии, а вероятность пополнения в данной семье значительно снижается.

Идею материального стимулирования повышения рождаемости впервые озвучил Президент РФ в Послании Федеральному Собранию РФ 10 мая 2006 г. В нем было отмечено, что государство обязано помочь женщине, которая родила второго ребенка и на долгое время выбывает из трудовой деятельности, теряя свою квалификацию [3]. В целях реализации положений Послания Президента РФ был разработан Федеральный закон «О до-

полнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».[1] С его принятием в нашем обиходе появилось понятие «материнский (семейный) капитал».

Реализация данной программы была поручена Пенсионному фонду Российской Федерации. Несмотря на то, что данный орган направлен на решение совсем других задач и для реализации социальной защиты населения, в том числе социальной защиты семьи, женщин и детей предназначен совсем другой орган - Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [2].

Право на получение государственной поддержки первоначально возникает у женщины, родившей или усыновившей второго и последующих детей после 1 января 2007 года. Если данное право прекращается у матери (в случае смерти или лишения родительских прав), оно возникает у других лиц (отца, детей-сирот).

Следует отметить, что за более, чем 10 летнее существование данной программы, положительным моментом «закона о материнском капитале», является возможность получения сертификата в независимости от возраста первого ребенка.

Лица, имеющие право на получение материнского сертификата, имеют право распорядиться его средствами по следующим направлениям:

- 1) улучшение жилищных условий;
- 2) получение образования ребенком (детьми);
- 3) формирование накопительной пенсии для женщин
- 4) приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов;
- 5) получение ежемесячной выплаты в соответствии с Федеральным законом «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей».

В зависимости от выбранного направления расходования средств потребуются документы, подтверждающие цели использования материнского капитала.

Ключевым нововведением в области распоряжения средствами материнского капитала в 2016 году стала возможность направления его средств на покупку товаров и оплату услуг для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, что в очередной раз доказывает актуальность данного вида социальной поддержки.

Материнский капитал всегда предусматривал распоряжение средствами на образовательные услуги для детей. Раньше использовать деньги на эти цели можно было только спустя три года после рождения или усыновления ребенка, за которого выдавался материнский капитал.

Начиная с 2018 года, семьи получают финансовую поддержку на дошкольное образование практически сразу после рождения ребенка, поскольку теперь материнский капитал можно использовать сразу после получения государственного сертификата. Направить средства можно на оплату детского сада и яслей, в том числе частных, а также на оплату услуг по уходу и присмотру за ребенком. И в том, и в другом случае необходимым условием является наличие у организации лицензии на предоставление соответствующих услуг.

Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р. в своих статьях пишут о том, что материнский капитал можно рассматривать как социальную инновацию, поскольку социальные инновации направлены на создание и материализацию новых инициатив в обществе, реализация которых вызывает качественные изменения в социальной жизни [1].

С данным утверждением нельзя не согласиться, так как дальнейшее развитие законодательства, регулирующее вопросы использования средств материнского капитала идет по пути все большего использования этой программы как разновидности социального обеспечения.

Семьи с низким доходом получили право на ежемесячную выплату из материнского

капитала в случае рождения второго ребенка с 1 января 2018 года. В целях социальной поддержки семей с душевым доходом менее 1,5 прожиточного минимума трудоспособного населения на одного человека в семье, Правительство РФ приняло новую демографическую меру по поддержке российских семей с детьми и разрешило делать указанные выплаты до достижения ребенком 1,5 лет. Таким образом, еще раз подтвердив то, что государственная поддержка в виде материнского капитала — это востребованная мера социальной помощи семьям с детьми. дополнительной государственной поддержки семей, имеющих детей. Предусмотренные Законом № 256-ФЗ, к числу которых относится право на материнский (семейный) капитал, являются разновидностями социального обеспечения. При этом можно сказать, что эта мера является абсолютно новым видом обеспечения как по содержанию, так и по условиям предоставления. В частности, до появления данного законодательного акта, социальное обеспечение предоставлялось в виде денежных выплат (пенсии, пособия) либо услуг натурального характера (протезирование), а материнский капитал нельзя получить в деньгах, хотя он выражен в рублях. Поэтому, рассматривая «материнский капитал» через призму отрасли права социального обеспечения, необходимо определить его место в системе видов социального обеспечения. Кроме того, эта мера государственной поддержки стала весьма популярна и широко применима.

Целевое расходование средств материнского капитала контролируется государством. Использование государственного сертификата на материнский капитал в различных противоправных схемах с целью обналичивания части денежных средств и их последующего нецелевого использования (например, на покупку автомобиля, мебели и т.д.) может повлечь законные требования органов Пенсионного фонда о возврате денежных средств, потраченных на нецелевые нужды, а также уголовную ответственность владельца государственного сертификата, распорядившегося им в ущерб интересам государства.

Наиболее распространенным способом распоряжения материнским капиталом является улучшение жилищных условий. При этом способе (за одним исключением), как и в перечисленных ранее, законом предусмотрены расчеты только безналичным путем. Кроме покупки отдельного жилого помещения (квартиры, жилого дома), средства материнского капитала могут быть использованы и для приобретения права собственности на часть жилого помещения (его определенной доли.)

В своем желании получить наличные деньги некоторые люди не останавливаются ни перед чем. Так, широкое распространение получили попытки обналичивания материнского капитала с целью использования данных средств не по назначению. В связи с этим встречаются и различные виды мошенничества связанные с обналичивание материнского капитала. Для незаконного получения материнского капитала используют:

1. фиктивные документы;
2. предоставление недостоверных сведений в Пенсионный Фонд [4];
3. фиктивный договор купли-продажи;
4. фиктивный ремонт, когда семья предоставляет документы о выполнении работ, которые в действительности не были совершены.

Государственная поддержка в виде материнского капитала — это востребованная мера социальной помощи семьям с детьми. дополнительной государственной поддержки семей, имеющих детей. Предусмотренные Законом № 256-ФЗ, к числу которых относится право на материнский (семейный) капитал, являются разновидностями социального обеспечения. При этом можно сказать, что эта мера является абсолютно новым видом обеспечения как по содержанию, так и по условиям предоставления.

В связи с данными выводами представляется возможными следующие предложения:

1. Программа материнского капитала должна быть долговременной.
2. Предоставление права использования материнского капитала для создания специального банковского счета в целях получения ежемесячных дивидендов в виде выплат по процентам и снижения потерь от инфляции.
3. Дополнить полномочия Пенсионного фонда контрольными функциями за использованием государственных средств поддержки.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»// «Собрание законодательства РФ», 01.01.2007, N 1 (1 ч.), ст. 19; «Собрание законодательства РФ», 12.03.2018, N 11, ст. 1591
2. Постановление Правительства РФ от 19.06.2012 N 610 (ред. от 21.02.2018) «Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 25.06.2012, N 26, ст. 3528.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ»// «Российская газета», N 97, 11.05.2006.
4. Приговор №1-64/2012 27 августа 2012 года Мошенничество, то есть приобретение права на чужое имущество путем обмана.// [https:// РосПравосудие \[Электронный ресурс\]: архив судебных решений. Режим доступа: http://www.rospravosudie.com/court-pinezhskij-rajonnyj-sud-arxangelskaya-oblast-s/act-106898093/](https://rospravosudie.com/court-pinezhskij-rajonnyj-sud-arxangelskaya-oblast-s/act-106898093/).
5. Хайруллина Ю.Р., Хайруллин Р.Р. Социальные факторы и особенности репродуктивного поведения населения Республики Татарстан в современных условиях // Сборник материалов IV Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [Электронный ресурс]: РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – 1 CD ROM. ISBN 978–5–904804–06–0.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНАНЕНКО И.В. – доцент кафедры уголовного права и процесса Кубанского института социэкономии и права (филиал) ОУП ВО «Академии труда и социальных отношений», кандидат юридических наук (Россия)

БАБКОВА Л.И. – старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

БАЦУН Я.В. – студентка 4 курса юридического факультета, АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ГАПОНОВА Г.И. – доцент кафедры социально-гуманитарных естественно-научных дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический института» кандидат педагогических наук (Россия)

ГУСЕЙНОВА Н.М. – студентка 4 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ГОРОХОВ В.Н. – доцент кафедры государственно-правовых и общетеоретических дисциплин Кубанского института социэкономии и права (филиала) образовательного учреждения профсоюзов ВО «Академия труда и социальных отношений» кандидат юридических наук (Россия)

ГРИГОРЬЕВА А.Г. – доцент кафедры гражданского права и процесса кандидат исторических наук, АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ДАДАШЕВА Д.А. – студентка 2 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ДЕРГИЛЁВ А.В. – студент 2 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ДЖЕМЕЛИНСКИЙ В.А. – доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ЕЛИСЕЕВА Н. – аспирантка кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ЖИНКИНА Т.Ю. – аспирантка кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» старший преподаватель кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ИНШАКОВ В.С. – магистрант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

КАРАТУНОВА Н.Г. – преподаватель кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

КАШОИДА Г.В. – магистрант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

КРАСНОЩЕКОВА Н.Р. – студентка 2 курса юридического факультета АНОО ВО Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

КУЛИШ М.В. – доцент кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» кандидат юридических наук (Россия)

КУМУК А.А. – преподаватель кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

КУСТОВА Н.К. – преподаватель кафедры специальных дисциплин, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России (Россия)

ЛЕГОСТАЕВ В.П. – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ЛОБОВ С.А. – доцент кафедры государственно-правовых и общетеоретических дисциплин Кубанского института социэкономике и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

МАРТЫНОВА Т.В. – заведующая кафедрой государственно-правовых и общетеоретических дисциплин Кубанского института социэкономике и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

МЕЛЬНИЧЕНКО Н.Н. – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

МУРОДОВ Ш.М. – студент 4 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Таджикистан)

НИКИТИНА Т.А. – научный консультант Индивидуальный предприниматель «Атанов Ю.А.» кандидат сельскохозяйственных наук (Россия)

НОЗИМОВ Х.С. – студент юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Таджикистан)

ОГАНИСЯН М.А. – студентка 1 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Армения)

ПИЛЮГИНА Т.В. – доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ПЛОХАЯ А.В. – магистрант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ПРОВАДА В.О. – студентка 4 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ПРОХОРОВ Л.А. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», (Россия)

ПРОХОРОВА М.Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заведующая кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», доктор юридических наук, профессор (Россия)

РЫБАЛКИНА Е.Н. – магистрант кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

СИДОРЕНКО Л.П. – доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат исторических наук (Россия)

СИДОРОВ А.А. – доцент кафедры административного права и правоохранительной деятельности АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт», кандидат юридических наук, доцент (Россия)

СОБОЛЕВ Д.В. – студент 2 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

СОПИНА Л.Ю. – студентка 4 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

СУКИАСЯН А.Д. – студент 2 курса магистратуры Кубанского государственного университета (Россия)

СУШКОВА И.А. – доцент кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» кандидат юридических наук, доцент (Россия)

ТАРАКАНОВА Л.А. – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ФИРСОВ В.В. – студент 3 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Россия)

ХАЛЕПА А.И. – студентка юридического факультета, АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ЦВИЛИЙ А.В. – преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

ЦИШКОВСКИЙ Д. – студент 2 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт»

ШЕНДРИК Н.Ю. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых и общетеоретических дисциплин Кубанского института социэкономии и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений» (Россия)

ШИПИЦИН В.Э. – студент 2 курса магистратуры Кубанского государственного университета (Россия)

ШИПИЦИНА В.В. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета (Россия)

ШУВАЛОВА В.О. – студентка 2 курса юридического факультета АНОО ВО «Кубанский социально-экономический институт» (Россия)

**Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья
населения, общественной нравственности и иных
социально значимых интересов**

Материалы VII Международной научно-практической конференции

Печатается по решению научно-методического
и редакционно-издательского советов КСЭИ в авторской редакции

Подписано в печать 10.04.2018.
Формат 60×84/16. Усл.печ.л. 13,02. Тираж 300 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3.
Типография ООО «Межотраслевой центр профессиональной
переподготовки»